

В. И. МАРГО

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

Автор книги В. И. Марго (1913—1977) до Великой Отечественной войны работал заведующим Себежским районным отделом народного образования. В годы войны он прошел путь от рядового партизана до командира бригады.

5-я партизанская бригада, которой он командовал, была одной из первых бригад, созданных в пограничных районах трех братских республик — РСФСР, Белоруссии и Латвии.

Автор рассказывает о смелых и рискованных операциях в тылу врага, о подвигах своих товарищей.

Первое издание вышло в свет в 1970 году. В настоящем, дополненном, издании автор приводит новые сведения, полученные в последние годы.

Книга рассчитана на массового читателя.

Издание 2-е, дополненное

Литературная запись Николая Масолова

В июле 1941 года мне довелось быть недалеко от Себежа, там, где воевал Марго и его боевые товарищи.

Не менее двух немецких дивизий с танками, ворвавшись в Себежский укрепрайон, наступали на позиции 717-го стрелкового полка. Мужественно противостояли натиску гитлеровцев красноармейцы под командованием майора коммуниста М. И. Гогигайшвили. Герои смело отбивали удары превосходящих сил противника.

Защищая свои родные края, яростно дрались там же и бойцы истребительных батальонов многих городов Псковщины и Калининщины. Насмерть стояли они на берегах рек Великой и Ловати, на рубежах городов Острова, Гдова, Великих Лук, Дна. Отходя с боями на восток, мы, военные люди, все — от рядового бойца до командующего фронтом — верили: позади нас остается оккупированная, но непокоренная территория советской земли.

Так оно и было. И новое свидетельство тому — книга В. И. Марго «Пылающий лес» — воспоминания еще одного активного участника всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Когда я командовал Калининским фронтом, разведчики и штабисты часто докладывали мне об успешных операциях, проведенных партизанскими бригадами Марго, Бойдина, Рындина, Гаврилова, о славных делах героев Партизанского края, родившегося в пограничных районах трех братских республик — РСФСР, Белоруссии и Латвии. Только в 1943 году калининские партизаны пустили под откос более 200 воинских эшелонов гитлеровцев, разрушили 360 мостов.

Третьей военной осенью, когда фашистские армии еще топтались на берегах Невы, ленинградские и калининские партизаны в разных местах парализовали железные дороги — предполагаемые пути отступления врага. Гитлеровский генерал Гудериан вынужден был признать в своих мемуарах: «По мере того как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились более упорными, партизанская война стала настоящим бичом».

И действительно было так, ибо борьба на оккупированной территории как нельзя лучше выражала благородный гнев народа, поднявшегося на защиту советского строя и своей независимости.

Летом 1964 года группа военных, в том числе и я, была приглашена в Псков на празднование 20-летия освобождения края от фашистской оккупации.

Мне рассказали тогда, что бывший партизанский командир В. И. Марго, ректор Великолукского педагогического института, собирает материал для книги воспоминаний. И вот книга готова. Написана она с чувством уважения к памяти павших товарищей по борьбе и любви к живым.

*А. И. Еременко,
Маршал Советского Союза*

Светлой памяти
НИКИТЫ НИКИФОРОВА,
РЭМА КАРДАША,
ПАНТЕЛЕЙМОНА КОНОПАТКИНА,
МАРИИ ПЫНТО,
ИВАНА И МАРФЫ ГОЛУБЕВЫХ,
ВАСИЛИЯ НИКОНОВА,
РАИСЫ ГАВРИЛОВОЙ,
ГЕОРГИЯ ШАКУРОВА,
МАРИИ КОРОЛИХИНОЙ,
ВАСИЛИЯ БЕРЕЗКИНА,
СТЕПАНА ЛАПШОВА
и других моих боевых друзей,
погибших в борьбе с фашистами
на земле древнего Себежа

Впервые попал я в Себеж в 1932 году. В один из февральских дней вышли мы на железнодорожной станции, расположенной в ложбине. За горой, в окружении озер, находился город. Мы — это шесть выпускников Великолукского педагогического техникума: пять парней и одна девушка.

— Ну и красотища! — воскликнул Борис Гузов, первым поднявшийся на холм. — Не город, а сказочный замок!

— Времен очаковских и покоренья Крыма, — насмешливо добавил Павел Михайлов, любивший немножко подтрунивать над впечатлительным Гузовым.

— И никакой не замок, а крепость. Да притом пограничная. — Обычно неразговорчивый, Саша Середкин многозначительно посмотрел на нас: — Рядом буржуи, только рот разинь — они тебе покажут.

— Ну, эта сверхбдительность у тебя от брата, — сказал Леша Козлов. — Он у тебя шпалы в петлицах носит. А город, право, на замок похож.

Я поддержал Гузова и Козлова, но тут раздался наставительный голос Дуси Степановой:

— Спорите, как мальчишки, а ведь вы уже учителя. Пора и солидными стать. Нечего прохлаждаться. Пошли в роно.

В районном отделе народного образования мы получили путевки на работу. Я был назначен в Перелазовскую школу первой ступени.

Моя учительская биография складывалась, как у многих педагогов тридцатых годов. Школы росли, а кадров не хватало, особенно для пятых — седьмых классов ШКМ — школ колхозной молодежи.

После двухмесячной учебы на курсах по подготовке преподавателей истории и литературы меня перевели в Прихабскую школу колхозной молодежи. Это была самая большая семилетняя школа в Себежском районе.

Шесть лет работал и учителем и инспектором школ, а затем три года — заведующим отделом народного образования. За это время исколесил район старой латвийской границы вдоль и поперек. Полюбился мне этот голубой озерный край и старинный русский город Себеж. С 1918 по 1940 год был он последним пограничным пунктом на железнодорожной магистрали Москва — Рига, своеобразным окном в Европу.

Себежане любили бойцов в зеленых фуражках и всячески помогали им. Крестьянин Евтихий Козлов, вместе с пограничным дозором задержавший нарушителя, удостоился правительственной награды — ордена «Знак Почета».

Пограничники были частыми гостями в наших школах. Ребята могли часами слушать их рассказы о чекисте-моряке Алексее Кошко, бывшим грозой контрабандистов в начале двадцатых годов, о командире оперативной группы погранотряда Болтоногове.

Километрах в двадцати от Себежа, на восток от границы, в большом лесном массиве располагались Идрицкие военные лагеря. Летом там ежегодно размещались две-три дивизии Белорусского военного округа. Лагеря в пору осенних маневров посещали командующий БВО И. П. Уборевич, имя которого было очень популярно у себежан, и заместитель наркома М. Н. Тухачевский. Они всегда интересовались строительством оборонительных сооружений в погранзоне, особенно дорог. Мы — молодые учителя — по заданию райкома комсомола помогали строителям, сами участвовали в работах.

Ни один из районов нашего Северо-Запада накануне войны не был так изрезан шоссевыми дорогами, как Себежский. Вдоль них возводились железобетонные доты и дзоты, хорошо маскируемые в складках местности и небольшими рождцами. Инженерные сооружения в сочетании с естественными препятствиями — болотами, речками и огромным количеством озер — создавали прочный оборонительный пояс.

Обычно после маневров в Идрицких лагерях проводился парад, на котором присутствовали шефы — делегации Себежского, Идрицкого и Пустошкинского районов, а также состязания кавалеристов, спортивные соревнования с участием команд от местного населения, вечера самодеятельного искусства. Для всех эти дни были настоящим праздником.

Во второй половине июня 1941 года в школах, как

обычно, подводили итоги экзаменов, готовились к выпускным торжествам. 21 июня я побывал в нескольких школах. Последний заезд сделал в село Томсино. Здание школы, возвышаясь над другими постройками, стояло вблизи старинного парка.

Настроение у меня было превосходное.

Директор школы Михаил Никифорович Никифоров не стал томить «начальство» большим докладом. Рассказав о плане подготовки к занятиям в новом учебном году, он заключил:

— Что там ни говорите, Владимир Иванович, а поработали люди усердно. Отдых заслужили. Теперь не худо и дымком рыбацких костров подышать.

— Отдел народного образования — за «царскую» уху, — в тон Никифорову ответил я.

Возвращался в Себеж поздно. Сумерки уже укрыли все серо-дымчатым покрывалом. По дороге я встречал девчат и парней, спешивших на гулянье в колхозный клуб. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда: «Пройдет дней десять — пятнадцать и будешь ты, Марго, крутить баранку грузовика и, спасаясь от фашистского нашествия, покидать Себеж», — я бы назвал такого человека чудачком...

В воскресенье утром вместе с друзьями отправился в баню. Когда выбирались из парилки, Иван Афанасьевич Зарубин, учитель математики Себежской средней школы, предложил:

— После баньки не грех бы и пивка попить. Как вы думаете?

— Вот кредо старого холостяка, — засмеялся Семен Лейко. — Идемте-ка лучше, Владимир Иванович, в волейбол поиграем.

Я не успел ответить.

Из репродуктора раздалось: «Слушайте важное правительственное сообщение». А через несколько секунд, как гром среди ясного неба: «...гитлеровская Германия вероломно напала на нашу Родину...»

— Ну ничего. Неожиданно началось — так же вдруг и кончится. Быстро зубы гадам обломаем, — сказал Зарубин, пытаясь скрыть волнение.

— Обломать-то обломаем, а вот насчет быстроты сомневаюсь, — заметил помрачневший Лейко.

И в самом деле, не оправдались надежды Ивана Афанасьевича на скорую победу. Пришла война и на себежскую землю. В последний раз видел я Зарубина при отсту-

плении около Пустошки в толпе беженцев. Где он сейчас — не знаю; не довелось встретиться больше и с Семеном.

А тогда мы с Лейко направились сразу в райисполком. В кабинете председателя собрались заведующие отделами, военком, начальник отделения НКВД, прокурор. Тимофей Свиридович Фещенко расхаживал по кабинету и с обычной для него насмешливостью говорил:

— Никак испугались? Бог не выдаст — свинья не съест. Главное — не паниковать, а сразу приниматься за дело. Вот вы, товарищ Митинская, — повернулся Фещенко к заведующей райздравотделом, — подумайте о приеме раненых. Конечно, враг до нас не дойдет, но раненые поступать могут. — Председатель посмотрел в сторону райвоенкома и спросил: — Что думает по этому поводу наш главный военачальник?

Военным комиссаром у нас был капитан Калябин, высокий статный человек лет сорока. Калябин пользовался большим уважением в районе. Мне наш райвоенком казался олицетворением спокойствия, строгости, корректности. На вопрос Фещенко он ответил двумя словами:

— Поступят скоро.

Тимофей Свиридович поморщился и возразил:

— Не сразу же.

— Сразу! А еще быстрее, чем раненые, у нас могут появиться вражеские парашютисты-десантники. Надо быть к этому готовым.

Кто-то из присутствующих даже присвистнул:

— Нельзя креститься на каждый пень.

— В нашем положении нужно! — обрезал Калябин.

Впервые видел я военкома таким встревоженным и властным. И мне подумалось, как и многим другим, заполнившим кабинет председателя райисполкома: «Переживает Калябин». События ближайших дней опровергли начисто наши суждения.

25 июня в Себеж прибыл первый эшелон с ранеными. Часть из них разместились в местной больнице и в средней школе, остальных отправили дальше, в Новосокольники. Раненые бойцы были первыми, от кого мы узнали о жестоких боях в Прибалтике.

Сбылось и второе предположение райвоенкома. В один из последних июньских дней над лесным массивом вблизи села Рудня повисли в небе грибки парашютов. Посланные к месту приземления десантников работники милиции не успели окружить фашистов. Удалось задержать лишь одного диверсанта, запутавшегося в парашюте. На лодке его

доставили в Себеж. Допрашивали в школе. Переводила учительница, хорошо знавшая немецкий. Не помню, в каком чине был пленный. В ответ на вопросы он ругался, грозил:

— Солдаты фюрера превратят ваш город в пепел.

Теперь часто над себежскими озерами появлялись фашистские бомбардировщики. Город пока они не трогали, несли свой смертоносный груз на Идрицу, Новосокольники и другие железнодорожные узлы.

Как-то шли мы с Фещенко в школу, где размещался госпиталь, и в бессильном гневе смотрели на небо, в котором довольно низко летели три «юнкерса». Вдруг — выстрелы. На соседней улице, видим, председатель горисполкома Дмитрий Осипович Петров стреляет вверх из пагана.

— Ты в кого палишь? — недоуменно крикнул Фещенко.

— Как в кого? Разве не видишь — фашисты.

Тимофей Свиридович внимательно посмотрел на Петрова:

— А ты думаешь, достанешь?

Петров сердито махнул рукой:

— Не знаю.

Да, многого мы не знали в те первые тревожные дни...

Быстро и довольно организованно проходила мобилизация. Большую помощь военкомату оказывал районный комитет партии, который возглавлял тогда Федосий Алексеевич Кривонос. Секретаря хорошо знали в районе. Он приехал к нам в 1933 году после окончания смоленского комвуза. Работал помощником директора машинно-тракторной станции, председателем колхоза, редактором газеты «Пограничная правда», а затем был избран первым секретарем райкома.

В истребительный батальон, созданный в те дни в Себеже, вошел партийный актив города. Правда, вести боевые действия нам не пришлось, но мы несли дозорную службу, поддерживали порядок.

26 июня 4-я танковая группа гитлеровцев с ходу захватила Даугавпилс — основной коммуникационный узел Латвийской ССР. В наш район хлынули беженцы. На телегах, велосипедах, а иногда и на тачках везли они свой немудреный скарб и детей. На лицах — испуг, страдание: видимо, пережили люди за неделю столько горя, сколько не достается человеку подчас и за всю его жизнь.

Как-то под вечер, возвращаясь в Себеж из пригородной школы, я догнал повозку. Изможденная лошадь с трудом

ташила разбитую телегу, на которой среди узлов и чемоданов сидела девочка лет пяти. Рядом с лошастью, подбадривая ее, шел старик с непокрытой головой. Поравнявшись, я спросил:

— Откуда, дедушка?

— Из Латгалии, — чисто, по-русски ответил старик.

— А куда путь держите?

— В Россию. Куда же больше бедняк может податься? — Мой собеседник махнул рукой в сторону запада: — Там опять серые бафоны власть заберут, германец не убьет, так они последнюю кровь высосут.

Неожиданно девочка дико вскрикнула. Старик остановил лошадь, погладил девочку по голове и что-то сказал ей по-латышски. Затем, обернувшись ко мне, ответил на мой немой вопрос:

— Внучка. Отец в Красной Армии, а мать на ее глазах убили фашисты наши доморощенные — айзсарги.

Я помог деду и внучке добраться до вокзала. Довелось мне потом видеть много людских бед и горя, но память ярче всего запечатлела ту, первую беду... И часто по ночам, засыпая ненадолго у партизанского костра, мне виделось бледное личико с карими глазами, в которых застыл ужас, и словно наяву слышался короткий, гортанный испуганный вскрик.

Себежане, как могли, привечали соседей, снявшихся с родных мест. Работники райкома партии, райисполкома, военные власти, железнодорожники делали все возможное для облегчения их участи.

Появление беженцев отрицательно сказалось на настроении населения района. Рассказы, подчас преувеличенные, о силе гитлеровцев порождали панику. В толпах людей, бредущих неведь откуда, было весьма трудно обнаружить фашистского лазутчика, диверсанта. В ближайших от Себежа деревнях начались пожары, взрывы на дорогах.

Неожиданно ушли подразделения Себежского укрепленного района. Помню, тогда много толковали об этом уходе как о тактическом приеме, — дескать, могли попасть в окружение. Позже прояснилась истинная причина: командование укрепленного района не проявило должного мужества и выдержки, оставило без боя позиции при таких обстоятельствах, когда, судя по действиям других подразделений, можно было успешно сопротивляться. Только благодаря вмешательству заместителя командующего войсками Западного фронта и мерам, принятым командованием

армии, наступление противника в районе Себежа на некоторое время удалось задержать.

Вслед за беженцами через Себежский район стали отходить разрозненные красноармейские подразделения. Райком партии, колхозы оказывали им посильную помощь, в частности, направили в их распоряжение свыше семисот подвод для подвоза артиллерийских снарядов.

В начале июля Себеж и крупные села района стала часто бомбить вражеская авиация. Но и тогда не верилось в то, что нам придется покинуть город. Как-то позвонил мне директор Глембочинской средней школы Иван Павлович Зазыкин, спрашивает:

— Товарищ Марго, что делать — от бомбежки все стекла в классах повывлетели.

— Как что делать? — отвечаю сердито. — Получите стекло на базе и застеклите. В отпуск не пойдете, пока школа полностью не будет готова к новому учебному году.

Иван Павлович жив, на пенсии. При встречах мы иногда вспоминаем наш разговор. Удивляемся нашей тогдашней наивности.

Однажды меня и еще несколько бойцов истребительного батальона командир направил на железнодорожную станцию. Солнце медленно клонилось к западу, бросая жаркие лучи в окна станционных зданий. На платформах толпились деревенские парни, — шла погрузка мобилизованных в армию. Слышались гулкие команды. В конце платформы вспыхнула и сразу же погасла песня. Вход в здание и выход к железнодорожным путям осаждала толпа эвакуируемых и беженцев. И вдруг раздалось тревожное:

— Спасайтесь! Самолеты!

Спасаться было поздно. Зловещие черные тени уже упали на землю. Разорвавшиеся небольшие бомбы не причинили значительного ущерба, но осколки их ранили многих. Началось, как всегда в таких случаях, бестолковое бегство. А фашистские самолеты уже делали новый заход.

Внутри у меня все похолодело. Прижавшись к дереву, я смотрел на платформу. Несколько красноармейцев, сопровождавших эшелон, стоя во весь рост, открыли прицельный огонь. Молоденький командир, размахивая рукой, подавал команду. Во мне боролись два чувства. То, что делали красноармейцы, казалось мне безрассудным: с винтовками против самолетов! И в то же время меня восхищала отвага бойцов. Позже я узнал, что ружейным огнем можно сбить самолет, и понял: оценка поведения

красноармейцев укладывалась в два емких слова — выполнение долга.

Во время второго захода фашистские летчики не стали сбрасывать бомбы. Увидев бегущих к перелеску людей, они снизились и огнем пулеметов начали расстреливать их. Мы насчитали после около пятидесяти трупов. Раненых было — сотни. До позднего вечера я и мои товарищи переправляли их в госпитали.

6 июля Себеж затих, как бор перед бурей. Улицы опустели. Явственно слышалась артиллерийская стрельба, глухое постукивание пулеметов. От командира нашего истребительного батальона, начальника районного отделения НКВД Виктора Яковлевича Виноградова, мы узнали, что на подступах к городу отчаянно дерется большая воинская часть, командует ею майор-кавказец.

— Молодцы ребята — бьются до последнего, — с восхищением сказал сотрудник редакции газеты «Пограничная правда» Николай Магницкий, выражая наше общее мнение.

В ночь на 7 июля батальон был поднят по тревоге и направлен на охрану дорог, ведущих в город. Группа, в которую я попал, состояла из пятнадцати человек. Мы заняли две господствующие высоты у шоссе. На вооружении у нас были винтовки и пулемет «максим». Боевую задачу представляли себе просто и наивно: появятся фашисты на дороге — будем стрелять.

Но стрелять не пришлось. Шесть часов пролежали мы с Магницким за камнями на высоте, всматриваясь в сторону черневшего в светлой почи леса. Николай все время ворчал:

— Под камнями одни налимь прячутся.

Меня тоже душила досада. Было такое ощущение, что нас всех — и батальон, и город — словно нарочно забыл кто-то и никому мы не нужны.

Когда огненный шар солнца поднялся из-за леса, мы вернулись в казарму. Под нее были оборудованы классы школы, расположенной на окраине Себежа.

— Пошли в ресторан, посидим за рюмкой водки, — шутливо предложил Артем Москаленко.

Проголодались мы основательно. В город отправились все, кто был свободен от дежурства. Прошли полпути — самолеты. Летят низко, выбирая цели. Через мгновение посыпались бомбы. Мы — врассыпную. Мне повезло: грохнулся в яму. Магницкий лежал у стены — осколком ему повредило руку. Ранено и Москаленко.

В разных концах города к небу взметнулись языки пламени. Начались пожары. Решили добраться до райкома. По дороге встретили Виноградова. Командир приказал:

— Назад! На место сбора!

У здания школы собрался почти весь наш истребительный батальон — человек сорок. Виноградов скомапдовал:

— По коням!

Быстро погрузились, хватились — нет шофера, сбегал во время бомбежки.

— Хорош гусь у нас водителем был, — раздраженно бросил комбат. — Что делать будем?

Кто-то предложил:

— Пусть Владимир Иванович попробует. Он хотя и без прав, но лихой шофер.

У нас в районном отделе народного образования был свой грузовик, и я частенько садился за руль. Сейчас неофициальная «профессия» пригодилась.

— Давай, Марго, выручай, — попросил Виноградов.

В это время к нам подъехали на двух легковых машинах Феценко и Кривоносов. Федосий Алексеевич крикнул:

— Почему стоите? Нельзя больше медлить!

Ключа не было. Но я знал, как подключить провода, и быстро завел машину. Мы тронулись в путь.

Отъехав километров семь, остановились за деревней Мальково.

Все почувствовали себя как-то неловко — уехали из города без боя. У передней машины собрались коммунисты. Феценко предложил:

— Передохнем малость, придем в себя и прямым курсом до Великих Лук. А там свяжемся с обкомом, подскажут, что делать.

Кривоносов не согласился:

— Нет! Нужно двигаться вместе с отступающими частями Красной Армии. Вот-вот подойдут свежие войска к старой границе.

Многие из нас думали так же. День-другой — и будет остановлено вражеское вторжение. Зная, что Кривоносов неоднократно звонил в Калинин, я спросил:

— А все же, Федосий Алексеевич, какие указания дал обком?

Кривоносов сердито ответил:

— А я их только что изложил: быть с армией.

— И все?

— Нет, не все. Сказали, что выслали почту с указанием об организации партизанских отрядов.

— Улита едет, когда-то будет,— усмехнулся Андрей Семенович Кулеш, секретарь райкома партии по кадрам.— А сейчас не худо бы все же разведать, что делается в Себеже.

— Разрешите — мигом слетаю,— предложил я.

— Вернешься ли? — раздался чей-то голос.

За меня, смеясь, ответил Фещенко:

— Вернется. У нас залог есть. Невеста товарища Марго впереди нас «путешествует».

Действительно, два дня назад я эвакуировал дорогого мне человека. Нашей свадьбе помешала война. Шура уехала на лошади с матерью и с двумя знакомыми женщинами. За старшего на подводе был у них директор одной из школ. По моим расчетам, они должны были уже проехать Пустошку.

Вместе со мной в Себеж отправились Кузьма Иванович Григорьев и десятиклассники Георгий Польшинский, Аркадий Пирожинский, Вадим Столбушинский. Город был пуст. Кое-где продолжал хозяйничать огонь. На улицах трупы — жертвы последней бомбежки. У здания райисполкома я остановил машину: решили разбить телефоны. И вдруг на берегу озера появился франтовато одетый пожилой человек с тросточкой в руках. Посыпались реплики:

— Пижон какой-то!

— Смотрите, смотрите, да он с цветами!

— Сдурул от страха, что ли?

Франт, заметив нас, приветственно замахал рукой. До машины донеслось хрипловатое:

— Господа, господа!

Кто-то из ребят схватился за винтовку:

— Змей старый! Пристрелить гада, да и только!

Я остановил парня:

— Ну его к дьяволу. Был бы помоложе, а на такого пули жалко. Сдохнет и без нашей помощи.

Разбив телефоны, мы поехали на маслосырозавод, где захватили продукты для ожидавших нас товарищей. Когда повернули назад, сидевший со мной в кабине Вадим Столбушинский спросил:

— Владимир Иванович, вы заметили, давно ведь уже не слышно стрельбы? Интересно, где-то наши войска? Далеко ли немцы?

— Наши сидят в засаде,— неуверенно ответил я,— а фашисты...— голос у меня неожиданно осекся,— кажется, вот они...

Позади из-за поворота показались мотоциклисты. Гитлеровцы ехали неторопливо, осторожно. На наше счастье, до нового поворота за холмом оставалось три десятка метров. Я газанул. Фашисты, по всей вероятности, приняли нас за своих и замешкались с обстрелом.

Мы благополучно выбрались из города.

В наше отсутствие Кривоносов и Фещенко разведали дорогу на Томсино. Там уже были враги. Весь следующий день наша группа провела вблизи Идрицы, надеясь установить контакты с обкомом партии и армейским командованием.

Поселок горел, но железнодорожный узел все еще продолжал действовать. Небольшая группа железнодорожников, возглавляемая начальником станции Семеном Артемьевичем Собровиным, под непрерывной бомбежкой отправляла уцелевшие вагоны воинских эшелонов на восток.

Была у нас в тот день встреча, оставившая неприятный осадок. За Идрицей мимо нас прошла небольшая группа красноармейцев.

Виноградов спросил у них:

— Откуда, хлопцы?

— Из-под Освеи.

— А как старая латвийская граница?

— Нету теперь границы, — говоривший пожилой сержант зло сплюнул, — прошли твою границу и не заметили.

— Что же получается? — спросил я Кулеша, который теперь все время находился в кабине автомобиля.

Андрей Семенович правился мне смелыми суждениями, сдержанностью в горячих спорах. Он был старше меня лет на семь, опычнее в жизни, более сведущ в политике.

— Я и сам, Володя, многого не понимаю,— ответил Кулеш.— Разберемся после. Главное, по-моему, сейчас, как в речи Сталина сказано, навалиться всем народом на оккупантов. И нам с тобой побыстрее в общей боевой строй становиться надо.

На дороге за Пустошкой мы обогнали стадо коров и несколько телег с громающими на них бидонами. Кулеш попросил:

— Володя, притормози.

По обочине дороги шел невысокий, плотный человек лет пятидесяти. Андрей Семенович узнал в нем председателя передового в районе колхоза «Броневик» Никиту Никифоровича Никифорова. Мы тепло поздоровались.

— Ну, как там? — Никифоров кивнул головой в сторону Себежа.

— Немцы.

— Худо. А мы вот не очень-то торопились. Жаль было им гонку устраивать. — Никита Никифорович показал рукой на медленно бредущих породистых коров. — Шли честь по чести, и поили, и доили вовремя.

— А молоко кому отдавали? — поинтересовался Кулеш.

— Детям беженцев и красноармейцам, — ответил Никифоров и заторопился. — Ну что ж, прощайте, товарищи. Свидимся еще. Вот только стадо доставлю к месту назначения и найду вас, где бы вы ни были.

Говорил Никита Никифорович спокойно.

Я слушал его и по-хорошему завидовал уверенным движениям его больших и сильных рук и той внутренней убежденности, с которой произнес он последние слова.

— Обязательно свидимся, товарищ Никифоров, — сказал Кулеш и многозначительно добавил: — под Себежем.

В глазах Никифорова блеснули задорные огоньки:

— Конечно, под Себежем. Тряхнем стариной, товарищ секретарь!

Кулеш рассказал мне, что у председателя колхоза «Броневик» не только трудовая биография хороша, но есть и боевые заслуги: партизанил против кайзеровских солдат в восемнадцатом году, сражался с белогвардейской нечистью на фронтах гражданской войны.

Мы с облегчением вздохнули, когда показали берега Ловати. Чувствовалась напряженная обстановка. Город Великие Луки усиленно готовился к обороне. Наши мытарства, однако, еще не кончились. Кривоносов получил указание продолжать движение группы до города Торопца.

И снова мелькали километры. Мы пробивались сквозь толпы беженцев, уступали дорогу войскам. Все больше и больше нас охватывало ощущение огромной беды, постигшей нашу страну.

В конце июля наше невольное путешествие завершилось. Вылезая из грузовика, мои товарищи невесело шутили:

— Завез нас Марго за тридевять земель.

— Далековато обратно топтать будет.

От Себежа до Торопца — двести пятьдесят километров. Заехали мы действительно далеко. Но фронт был уже опять рядом. Тревожный вестник его — артиллерийская каннада звучала пока еще глухо, но все чаще и настойчивее. Вражеские самолеты ежедневно бомбили железнодорожную станцию.

Из города эвакуировали оборудование промышленных предприятий, машинно-тракторных станций. Прошли последние эшелоны с беженцами. Все реже разгружались составы с войсками. Многие торопчане покидали город: уходили в лесные села, уезжали в эшелонах, идущих к Осташкову. Там, у истоков Волги, спешно создавался оборонительный пояс.

В Торопце жили мои двоюродные сестры. Не без труда я разыскал одну из них. Наталья с мужем готовились к отъезду. Они очень беспокоились о дочерях, которые жили в Ленинграде.

— Только бы фашисты не перерезали ветку железной дороги. В сводках уже упоминается лужское направление, — говорил Петр Мартынович.

— А вдруг немцы дойдут и до Ленинграда? — предположила Наталья.

Нужно было видеть, как возмутился ее муж:

— Гитлер может взять Лугу, но Ленинграда ему не видать, как собственных ушей. Ленинград — не Торопец. Один Кройштадт с его фортами и кораблями чего стоит!

В городе Ленина я был всего один раз — пять лет назад. Произвел он на меня огромное впечатление. И хотя повалили еще к берегам Невы фашистские танки, верили мы — не дрогнет Ленинград, даст отпор.

Попрощавшись с родными, я направился в райком партии. Там было оживленно. Дверь в кабинет первого секретаря Василия Александровича Исакова поминутно открывалась, — в райком, как в штаб обороны, приходили десятки людей. Были среди них военные, руководители промышленных предприятий, врачи, железнодорожники.

Вопросы эвакуации, размещения раненых решались оперативно. Там я впервые услышал о создании партизанских отрядов.

Торопчане сделали много для отпора вражеского вторжения. Их истребительный батальон уничтожил на железнодорожной станции Мартисово диверсантов, сброшенных с самолетов, участвовал в бою за поселок Плоскошь. Недолго (пять месяцев), но смело и результативно действовал Торопецкий партизанский отряд под командованием А. П. Климова и В. А. Исакова. На его счету несколько удачных засад на шоссе и большаках, диверсии на железной дороге, передача ценных разведывательных данных 4-й ударной армии советских войск.

Все это мы узнали, конечно, позже, а тогда нас просто порадовал боевой настрой торопчан. Подготовились к встрече врага в Осташковском, Ленинском (Андреапольском) и в других районах Верхневолжья. Иначе обстояло дело в западной части Калининской области. Гитлеровцы вторглись в наш край весьма быстро. Директива обкома партии об организации партизанских отрядов до нас не дошла, да и не могла прийти.

Вернемся к нашему пребыванию в Торопце. В городе находилось около ста себежан. Кривонос предупредил нас о предполагаемой встрече с секретарем Калининского обкома ВКП(б) Александром Алексеевичем Абрамовым. Мы обрадовались, всем хотелось какой-то определенности, а ее у нас не было с тех пор, как покинули Себеж. Кривонос и Виноградов уже побывали на беседе с представителями обкома партии и НКВД.

Встреча с Абрамовым состоялась на следующий день на окраине города, во дворе базы райпотребсоюза, где разместились бойцы нашего бывшего истребительного батальона. Абрамов пришел под вечер. Это был среднего роста, плотный, лет под сорок мужчина, одетый в защитного цвета костюм военного образца. Он рассказал про обстановку на фронте, сообщил о создании отрядов партизан в восточных районах области, рекомендовал нам вернуться в свой район и там партизанить. В конце речи предложил:

— Подумайте, посоветуйтесь друг с другом, но с ответами поторопитесь. Время не терпит.

Наш лагерь пришел в движение, все разбилось на группы и пары.

Один из работников райисполкома, Петр Иванович Журавский, сразу заявил:

— В район возвращаться не буду. Человек я военный, пусть мою судьбу и решает облвоенкомат. Отправляюсь в Калинин.

Журавского поддержали сотрудники милиции Кораблев, Найденов, Капралов (позже их призвали в армию), начальник паспортного стола Ермаченков. Была высказана даже такая мысль: вернемся, дескать, мы в свои края, а там населения с гулькин нос осталось, большинство разбежалось из района, кого поднимать на борьбу будем? В то время это предположение никому не показалось нелепым.

Стоя около своей машины, я курил папиросу за папиросой. Для себя выбор уже сделал: иду в партизаны.

Дмитрий Петров, обычно чуть-чуть суетливый, сидел молча на подпожке кабины. Лишь нервное постукивание рукой по кузову выдавало его волнение. К нам подошел Кулеш:

— Мне и другим членам бюро райкома предложено возвращаться в район в порядке партийной дисциплины. Такое решение не расходится с моей личной точкой зрения. — Посмотрев на нас, Андрей Семенович задорно предложил: — Махнем вместе.

В разговор вмешался Кривонос.

— Ребята вы молодые, ноги у вас крепкие. Людей в районе знаете. Вся статья с нами идти.

— Так мы уже и решили: топаем назад, к Себежу, — за себя и за меня ответил Петров.

Вскоре состоялось заседание бюро Себежского районного комитета партии с участием представителя управления НКВД Калининской области. Каждого из двадцати двух себежан, давших согласие на работу в тылу врага, просили подтвердить желание идти в партизаны, спрашивали о здоровье, рекомендовали «легенду», с которой надлежало появиться у старой латвийской границы. Мне предложили паспорта не менять и разыгрывать роль обиженного советской властью латыша, специально отставшего от группы райпартактива. Другие должны были выдавать себя за дезертиров, уголовников, освобожденных из мест заключения.

Вся эта конспирация была, как говорится, шита белыми нитками, так как многих из нас, будущих подпольщиков и партизан, хорошо знали в районе. Попади кто-нибудь в руки гитлеровцев, такие документы и «легенды» не спасли бы.

Через день, когда наша группа была окончательно укомплектована, мы снова встретились с Абрамовым. Он сказал:

— Вы должны, товарищи, вернуться в свой район и по возможности устроиться жить легально. Первая задача — быстро познакомиться с обстановкой. Вторая — развернуть политическую работу в деревнях. Третья — приступить к организации партизанских отрядов. Действуйте смело, но учитите — людьми рисковать не следует.

Позже, посылая разведчиков или подрывников на боевое задание, я нередко с улыбкой вспоминал совет, полученный при «благословении» первых себежан на действия во вражеском тылу. Был он, безусловно, продиктован искренней заботой о человеке, но наивен. Риск — постоянный спутник не только солдат незримого фронта — разведчиков и подпольщиков, но и партизан. И часто впоследствии, решая вопрос о целесообразности той или иной операции, мы с комиссаром сходились во мнении: «Риск, конечно, большой, но бездействовать в данной ситуации опаснее».

Еще двое суток прожили в Торопце. Вооружили нашу группу довольно скромно: три канадки, четыре немецких и двенадцать русских винтовок, несколько пистолетов да по паре гранат на брата, — вот и весь арсенал. С нами провели три занятия, на которых познакомили с немецким оружием, проинструктировали, как вести себя на занятой врагом территории. Мы узнали на этих занятиях много полезного для себя, но некоторые рекомендации были весьма примитивные.

Так, нам советовали не бояться встречаться с оккупационными властями по той причине, что гитлеровцы, вероятно, на первых порах будут относиться к населению... безразлично. Значит, для нас не составит большого труда дурачить их, рассказывая о себе всевозможные небывальщичины.

Василий Егорович Петров выразил нашу общую точку зрения:

— Легко или трудно дурачить захватчиков — вопрос спорный. Но знаю твердо: до Себежа добраться сумею и в лапы врага живым не попаду.

И вот мы покидаем Торопец. Направляемся в северную часть Великолукского района, где проходила нейтральная зона. День душный и пасмурный, но шагаются ходко: наконец-то идем навстречу врагу, а не уходим от него.

Командир нашего небольшого отряда Виктор Яковлевич Виноградов посоветовался с Федосием Алексеевичем Кривоносовым и решил переходить линию фронта двумя группами. В первую вошли коренные себежане, чьи семьи жили на оккупированной территории. Им легче было в пути выдавать себя за дезертиров, пробирающихся домой. Старшим в группе назначили инструктора РК ВКП(б) Тараса Филипповича Боровика. Ему поручили установить контакты с коммунистами, оставшимися в районе, подготовить место, где мог бы на первых порах укрыться подпольный райком партии. Был оговорен пароль при встрече связанных с кем-нибудь из нас: «Ветер дует с востока» и отзыв: «Встречаемся в Себеже». Мне, Александру Степашкину и Павлу Миронову командир приказал сопровождать группу Боровика до партизанского отряда, базировавшегося в непосредственной близости от линии фронта.

И еще пятнадцать километров пути. Для одного дня многовато, но идем быстро. Негреющее, какое-то не августовское солнце медленно сползает к горизонту. Тихо. Только кое-где видны завитки дыма над хатами.

Вот и урочище Сидоровщина, место встречи с Андреем Дорофеевичем Петровым — командиром партизанского отряда.

Из шалаша вышел худощавый, средних лет человек. Негромко спросил:

— Куда, товарищи, путь держите?

Боровик помедлил с ответом. Незнакомец протянул руку:

— Петров, командир Великолукского сельского партизанского отряда.

Боровик коротко доложил о задачах группы, попросил выделить проводника для перехода линии фронта.

— Начнете выполнять задание с ужина, — улыбнулся Петров, — пошли до кухни. А ночью перебросим. Не беспокойтесь: не вы первые, не вы последние.

Отряд Петрова (комиссар П. А. Иванов) был кавалерийским, вел боевые действия уже целый месяц. Небольшой (40 всадников), он внезапно появлялся на дорогах Великолукского и соседнего Новоосокольнического районов, отважно нападал на мелкие подразделения вермахта, уничтожал вражеских фуражиров-мародеров. Незадолго до нашего прихода в отряд партизаны совершили смелый набег на подразделение немецких велосипедистов на большаке Перекалье — Сидоровщина.

Петров с первых дней боевых действий установил связь с нашими воинскими частями. Особенно тесные контакты были у отряда с 22-й армией. Ее разведывательные и диверсионные группы получали при переходе линии фронта ценную информацию от партизан. Нередко партизаны были их проводниками.

Приглашение Андрея Дорофеевича не шло вразрез с нашим желанием. Мы плотно поужинали. Прослушав радиопередачу из Москвы, стали ждать проводника. Товарищи задремали, а мы вместе с Боровиком вышли на поляну и уселись на пнях. Закурили, изредка перебрасываясь фразами:

— Промашку мы дали, Владимир Иванович.

— Какую?

— В Себеже никого из своих не оставили.

— Так мы ведь не в город зайвемся, а в район.

— Ну и что же?

— Поднимем народ, а тут и Красная Армия подоспест. Не пропадем.

Боровик усмехнулся:

— Это верно, как говорит Фещенко, бог не выдаст, свинья не съест.

Хрустнула ветка. Подошел дежурный:

— Пора, товарищи!

— Ну, прощай, Володя: Свидимся ли?

— Не прощай, а до свидания, Тарас.

Нет! Не пришлось нам больше встретиться. Тарас Филиппович Боровик был расстрелян фашистами в Себеже. Он добрался до родных мест и начал активно выполнять задание, но кто-то опознал его и выдал. Встретил Боровик свой последний час, как подобает коммунисту...

Утром стало известно, что линию фронта наши товарищи перешли благополучно. Я договорился с командиром отряда о проводнике для основной группы, дне и месте встречи, поблагодарил за радушный прием и вместе со Степашкиным и Мироновым отправился в обратный путь.

Через три дня к переходу линии фронта подготовилась и наша группа. Кроме членов бюро Себежского подпольного райкома партии в нее входили председатель сельского Совета Герасим Артемович Сидоров, руководители колхозов Иван Степанович Тумашев, Никита Никифорович Никифоров (доставив скот, он присоединился к нам в Торопце) и другие товарищи — всего четырнадцать человек. Все коммунисты.

В полдень 15 августа мы пришли в условленное место.

Расположились на небольшой поляне. Тихо шумели старые березы. Сняв вещевые мешки и оружие, мы с удовольствием повалились на зеленую траву. Когда солнце стало клониться к западу, из чащи вышли два человека. Я поднялся им навстречу. В первом узнал Петрова. Он поздоровался и представил своего спутника.

— Ваш проводник — Семен Арсентьевич Арсентьев.

Коренастый, невысокий, обросший бородой старик — типичный крестьянин-пскович — одет был по-мирному: темная косоворотка, пиджак, русские сапоги. Только винтовка за спиной да подсумок с патронами на ремне говорили о том, что занимается он делами военными.

— Ого! Вас тут целая армия, — воскликнул Арсентьев. — Ну да ничего: Чертов мост мы перейдем, как говорил Суворов. — Здороваясь с каждым из нас за руку, он словоохотливо продолжал: — Зовите меня дедом Симаном. Это мое партизанское имя — для тайности, конечно. Я-то калач тертый, а вот супруга моя кукушка Мария свет Ивановна за меня пострадать может.

Подойдя к Ане Кузьминой и Людмиле Митинской, проводник вовсе расцвел:

— И птахи с вами! Это хорошо! Во вражеский стан лучше нашего мужского сословия проникнуть могут.

Когда дед Симан отошел в сторону, Кузьмина сказала:

— Ну и глаза у деда — словно притаились к засаде. Да и сам он какой-то чудаковатый. Заведет в болото — не выберешься.

Собравшийся было уходить Петров обернулся:

— Чудаковатый, говоришь? Может быть, и так, а вот насчет заведет ошибаешься, девушка. Деду Симану цены нет. Он уже целый месяц почти каждую ночь разведчиков армейских да нашего брата партизана за линию фронта переправляет. И все удачно. А где? На голом месте, у фашистов под самым носом. Это похуже Чертова моста. Недаром наш проводник его так часто вспоминает. И еще знаете: Семен Арсентьевич — председатель передового колхоза, воевал в гражданскую. Одним словом, золотой человек наш дед Симан.

Вскоре в этом все убедились.

На следующий день утром, перед переходом линии фронта, проводник подошел к нам. Критически оглядел меня, сказал:

— Тоже вырядился! Хромовые сапоги да бобриковое пальто — разве это партизанская справа? Плохо тебе, парень, придется, больно ты жидковат. Выдержишь ли?

— Выдержу, — немного сердито ответил я. — Вы в гражданскую выдержали, а мы в эту не подкачаем.

Дед Симан заулыбался.

— Хорошо говоришь, парень. — И, уже обращаясь ко всем, приказал: — А ну-ка разуйтесь. Посмотрю, как портянки приладили. В походе партизану ноги пуще глаз беречь надо.

Наконец осмотр закончен, и мы двинулись в путь. Был солнечный августовский день — самая пора уборки хлебов. На полях клонились к земле спелые колосья пшеницы. Кое-где желтела стерня. Это ночью жители окрестных деревень, укрывшиеся в шалашах на недоступных островках в болотном массиве, снимали урожай.

В пути мы встретили группу красноармейцев-разведчиков. Они рассказали, что во всех деревнях, расположенных около полотна железной дороги, стоят фашистские гарнизоны, в железнодорожных будках — посты охраны. Вражеские патрули часто обстреливают полотно трассирующими пулями и освещают ракетами. Выслушав сообщение разведчиков, дед Симан неопределенно хмыкнул и изрек свою любимую фразу:

— Чертов мост мы перейдем!

Между станциями Насва — Новосokolьники местность безлесная. Небольшие холмы и кое-где редкие кусты, а дальше к линии горизонта убегают болотистая равнина. Она так и называется — Низы. Само за себя говорит и название одной из деревень — Ровни.

Мчатся в наши дни по магистрали Ленинград — Киев поезда. В летнее время каждый час — пассажирский или скорый состав. Сотни людей смотрят из окон поездов на довольно унылый ландшафт и думают свои думы. Скажи им, что в этих местах, где все окрест видно, как на ладони, в годы войны незаметно переходили линию фронта партизаны, — не поверят!

А ведь было такое! Не только отдельные группы и отряды, но даже целую воинскую часть переправил однажды через этот «чертов мост» дед Симан. Был партизанский проводник в делах своих неутомим и смел. Орденом Ленина и медалью «За отвагу» отметила Родина его ратный труд.

За голову деда Симана гитлеровцы обещали большие деньги, хутор. Жена Арсентьева, Мария Ивановна, и дочь Анна скрывались у добрых людей, дом их фашисты разграбили. Анна пять недель отсидела в тюрьме, чудом спаслась...

До позднего вечера пролежали мы в небольшом кустарнике вблизи полустанка Киселевичи, в четырехстах метрах от гитлеровцев. Наконец дед Симан поднял нас, угадав по каким-то одному ему известным приметам и особому чутью самый большой перерыв между сменой патрулей. Бесшумно шли мы за проводником. Дважды взмывали над нами вражеские ракеты. И каждый раз за секунду до их предательского света дед Симан шепотом давал команду: «Ложись!» После второй ракеты он приказал: «За мной!» Резкий бросок — и мы единым махом перескочили железнодорожную насыпь. Пробежав метров двести, остановились в кустах. Семен Арсентьевич сразу затормозился в обратный путь.

— Ну вот, Чертов мост мы и перешли, — сказал он, обнимая каждого из нас. — Теперь до вашего Себежа рукой подать. Бейте фашистских гадов по-нашенскому. Помните: русский солдат всегда врагу штыком своим законы писал.

Не успел дед Симан добежать до полотна железной дороги, как начался настоящий тарарам: гудки, крики, стрельба из автоматов. В воздух взлетели десятки ракет. Так продолжалось добрых полчаса. Надо было уходить и нам. Мы тогда не знали, добрался ли наш проводник до нейтральной зоны, но надеялись, что он уже вне опасности.

К счастью, наши надежды оправдались. Дед Симан совершил еще много других героических дел: спас командира разведгруппы, помог партизанам подорвать большой железнодорожный мост через реку Насву, переправил в тыл врага не одну сотню партизан и разведчиков глухой осенью и в лютые морозы первого года войны.

Легендарный проводник дожил до светлого Дня Победы. Умер он в возрасте восьмидесяти лет. До последнего часа трудился в Новосokolьническом районе Псковской области...

Выражение Семена Арсентьевича «до Себежа рукой подать» означало для нашей группы расстояние в сто сорок километров. Терять время было нельзя, и мы быстро зашагали вперед. Рассвет нового дня застал нас в десяти километрах от переднего края. На большой возвышенности, поросшей густым кустарником, решили отдохнуть.

Вот они — родные места. В сердце радость. А расквудок подсказывает: земля-то твоя, но какой ты хозяин, если прятаться? Берегись! Враг, может быть, поблизости.

Первые часы на оккупированной территории...

Когда взошло солнце, мы обнаружили, что находимся вблизи большого сельского кладбища. Метрах в пятидесяти от него виднеется деревушка. Виноградов предложил:

— Сходим, Володя, разведем.

Я поднялся с земли.

— Пошли.

Пробирались между могил. У кладбищенской ограды остановились как вкопанные: перед нами стояли десятки немецких крытых грузовых машин и множество мотоциклов. Мы вернулись к своим и весь день просидели в кустах, молчаливые, сердитые.

До позднего вечера наблюдали, как по дороге шли вражеские танки, автомобили, конные повозки, пылили мотоциклисты. Вражеские войска двигались к Новосокольникам.

Самый молодой из нас — Григорьев, шофер по специальности, — попросил Виноградова разрешить ему выстрелить хотя бы в одного водителя грузовой машины. Парень уверял:

— Товарищ командир, не заметят они, откуда стреляют, а я не промахнусь. Если даже только раню шофера, все равно он баранку резко крутанет, перевернется машина, перебьет и покалечит всех, кто в кузове расселся.

Виноградов только отрицательно мотнул головой.

Ночью, когда движение прекратилось, мы продвинулись на запад по территории Новосокольнического района. Утром мы вошли в небольшую деревушку, предварительно убедившись, что гитлеровцев в ней нет. На заборе увидели бумагу с орлом и крючковой свастикой. Это было объявление, в котором сообщалось о введении в данной местности военных законов немецкой армии. Населению предписывалось с 20 часов до 6 часов утра не покидать деревни. Не разрешалось собираться по несколько человек. Каждый житель обязан был немедленно сообщать в ближайшую воинскую часть о появлении в селе посторонних лиц. За нарушение этих правил — расстрел. В заключение командование германской армии призывало местное население всячески содействовать установлению «нового порядка».

Прочитав вслух приказ, Фещенко сорвал листок и, бросив его под ноги, с гневом воскликнул:

— Придет время — и хозяев этих бумажек в землю вгоним.

После первой «диверсии», совершенной Фещенко, из домов на улицу вышло несколько стариков, очевидно,

наблюдавших за нами из окон. Их обрадовал наш приход, хотя по всему было заметно, что напуганы они ужасно. Вполголоса поприветствовали нас:

— Здравствуйте, сынки!

Один из стариков боязливо спросил:

— Как вас звать-величать прикажете?

— Приказывают немцы, а мы свои — представители советской власти, — ответил Виноградов. — И знайте, товарищи, советская власть была, есть и будет. А фашистов Красная Армия скоро прогонит с нашей земли.

— Дай-то бог, сынки, а то намедни были здесь природы проклятые. Командир их по-нашему хорошо гутарил, грозился — вот-вот Москву возьмут.

Виноградов махнул рукой:

— Брехал, пес паршивый!

Кулеш показал газету, вышедшую пять дней назад в Москве. Старики передавали ее из рук в руки и радовались:

— Стоит, значит, Москва-то!

— Поднимается народ против супостатов.

Мы решили немного побыть в деревне и отдохнуть, хотя узнали о неприятном соседстве, — рядом, в Раменье, расположилась немецкая часть. Об этом нам сказали крестьяне. Ночью, когда мы собрались идти дальше, один из стариков вызвался нас проводить.

Так и повелось. Шли мы обычно ночью, и от деревни к деревне отряд сопровождали добровольные провожатые.

Их не испугали объявления, грозившие расстрелом за помощь красноармейцам и партизанам.

19 августа наша группа добралась до Алушговской лесной дачи Пустошкинского района. Это живописный уголок. Кругом сосна, небольшие озера, связанные друг с другом речками-невеличками.

У Кулеша, проработавшего несколько лет в Пустошкинском районе, в окрестных деревнях нашлись добрые знакомые. Один из них по нашей просьбе отправился в Пустошку, чтобы выяснить обстановку в гарнизоне.

Дальнейшая наша партизанская жизнь убедила меня в необходимости посылать в отряды, забрасываемые в тот или иной район, местных товарищей. К сожалению, этот принцип не всегда выдерживался при комплектовании партизанских формирований. Так, летом 1942 года в рейд по Вудеверскому, Пустошкинскому и Идрицкому районам ушла бригада старшего лейтенанта Георгия Арбузова. В ее составе не было местных жителей, и это обстоятельство

во, бесспорно, осложнило рейд: на разведку, на установление контакта с населением тратилось драгоценное время.

Разведка в Пустошке была результативной. Мы узнали, что по ленинградскому шоссе в направлении на Опочку движутся части 16-й немецкой армии. Почти во всех деревнях, расположенных вблизи шоссе и магистралей и железной дороги на участке Пустошка—Себеж, стоят гарнизоны гитлеровцев. Зато в южной части Пустошкинского района относительно спокойно, фашисты там занимают лишь крупные населенные пункты.

— Ну что ж, придется дать крюк, удлиним себе путь, — сказал Виноградов, выслушав сообщение Кулеша.

— Затратим больше времени, зато придем без потерь, — согласился Кривоносов.

Мы повернули на юг. В пятнадцати километрах от Пустошки перешли ленинградское шоссе и направились в деревню Гуляти, разбросавшую свои дома на холмах и по берегу небольшого озера. Фашисты действительно здесь появлялись редко, лишь иногда наезжали фуражиры да маршем проходила какая-нибудь воинская часть.

Днем все взрослое население деревни работало на колхозных полях.

Но и здесь ощущалось фашистское нашествие: и в том, как настороженно относились люди к нашему приходу (свой ли? не промахнуться бы?), и в приглушенных голосах, и в желании молодых женщин спрятать от блудливого глаза захватчика свою красоту под темным платком и неряшливой одеждой, и в безнаказанности уголовного сброда, начавшего кое-где хозяйничать.

Теперь, в каких бы деревнях ни останавливалась наша группа — Гуляти, Ольховка, Тимоново, Лопатово, Бояриново, Жбаны, — везде мы беседовали с жителями, рассказывали им о боях под Великими Луками, говорили о несокрушимости Москвы, советовали прятать хлеб и скот. Население нам помогало: в деревнях охотно кормили, особенно в красноармейских семьях, оберегали во время отдыха, указывали безопасную дорогу, предупреждали о возможном предательстве.

На своем пути мы встречали разных людей. Были среди них и те, кто добровольно или из трусости помогал фашистам.

Однажды, уже на территории Идрицкого района, с Кулешом произошел весьма характерный случай. Как-то мы остановились на дневку в перелеске, а Андрей Семенович пошел на разведку. На деревенской улице шумела пе-

большая толпа. Кулеш незаметно приблизился, поздоровался с двумя женщинами, спросил: «Что за шум, куда в поход собираетесь?» Отвечают: «Идем сенокос делить». — «А почему вместе не косите?» Женщины замаялись: «Да вот помощнички немцев сказали, что колхоз нужно распустишь». На стене избы Кулеш увидел объявление со свастикой. Подошел и спокойно сорвал.

Толпа ахнула. К Андрею Семеновичу бросились три здоровенных мужика. Один, постарше, с бородой, схватил его за руку и крикнул: «Вот мы тебя сейчас в Сутоки отправим, там тебе покажут, как распоряжения властей срывать». Кулеш рванулся, выхватил пистолет и громко, так, чтобы слышали все, крикнул: «Власть у нас одна — советская! И если она прикажет, то мы тебя — фашистского холуя — немедленно расстреляем!» Услышав последнее слово, бородач попятился в сторону. Лицо его покрылось покойницей синевой, и он закричал: «Что вы, что вы, гражданин начальник. Не по доброй воле — мне приказали». — «То-то. Не забывайте, что потом ответ придется держать», — бросил Андрей Семенович и не торопясь направился к перелеску.

Допоздна толковали мы с крестьянами этой деревни. Узнали, что гитлеровцы в крупных селах создают местные органы власти, вербуют людей в создаваемую ими полицию. Тогда смутно, а через год я твердо понял: уход руководителей Себежского, Идрицкого, Опочецкого и Пустошкинского районов вместе с отступавшими частями Красной Армии был ошибкой. Можно и нужно было оставаться на оккупированной территории. Гитлеровцы не сразу распознали по деревням и селам. Пока двигались войска первого и второго эшелонов фашистской армии, была возможность, хотя и в тяжелейших условиях, создавать основы партийного подполья и базу для партизанской войны. Такой возможностью и воспользовались в некоторых соседних с нами районах Ленинградской области, в Белоруссии.

Но вернемся к нашей группе. На четырнадцатый день похода мы оказались в юго-восточной части Себежского района. Утром 31 августа, порядочно уставшие, забрались в сарай, полный свежего сена.

— Ого, сколько накоплено! — воскликнул Герасим Артемьевич Сидоров, залезая повыше. — Видать, колхозом носили.

— Это хорошо, — отозвался Кривоносов. — Легче будет связь с народом устанавливать.

— В деревню, как всегда, пошлем сначала разведку. Пойдут Митинская и Кузьмина, — распорядился Виноградов.

Деревня Ковалевка была большая. Первые ее дома находились от нас в полукилометре. Но разведчицы вернулись быстро, доложили: вражеских гарнизонов поблизости нет, движение на дороге редкое, в школе живут учителя — супруги Масловы.

— Хорошо бы побывать у них, — сказал Кулеш, — мне думается, что визит им должен нанести... — Андрей Семенович выразительно посмотрел в мою сторону.

— Бывший заведующий роно Марго, — продолжил я фразу Кулеша.

— Но не один. Пойдете вдвоем с Сидоровым, — приказал Виноградов.

И вот мы у здания школы. Тихо. Не слышно детских голосов и предпраздничного шума. А ведь завтра — 1 сентября. Защемило сердце... Дверь в коридор не закрыта. Стучим в квартиру Масловых. Отгоняю от себя мысль, что наш приход может быть неприятен хозяевам. И все же?..

— Владимир Иванович! Какими судьбами? — Лицо Семена Антоновича вначале выражает растерянность, затем расплывается в улыбку, и он кричит жене на кухню: — Тапюша! Иди скорее. Приехал товарищ Марго проверять готовность нашей школы к началу занятий.

Не прошло и десяти минут, как на столе появилась огромная сковорода с шипящей яичницей с салом. Казалось, ничего подобного никогда не ел. Кто работал долго в сельской местности, знает цену этому превосходному блюду, а мы к тому же с вечера были очень голодные. Подкладывая нам аппетитные куски, Семен Антонович шутил:

— Хоть не богат, а гостям рад. Напой, накорми, а после и вестей попроси.

Маслов расспрашивал нас о том, что делается в советском тылу. Мы, в свою очередь, тоже засыпали его вопросами. Семен Антонович рассказал, что в первые дни оккупации население попряталось в лесах, на островках труднопроходимых болот, туда же перетащили часть имущества, угнали скот, домашнюю птицу. Там и сейчас прячут что можно.

— Вот и вы угощались яичницей, если можно так сказать, болотного хранения, — смеясь говорил наш хозяин. — В семье не без урода. В деревне Дьяконцино

три пожилых крестьянина-единоличника встретили гитлеровцев с цветами и хлебом-солью. Но получился конфуз, окончившийся для предателей трагически. Накануне эти трое разграбили промтоварный магазин в военном городке. Подвыпили. Решили принарядиться и встречать своих будущих хозяев в армейской форме. Фашисты, увидев идущих им навстречу людей в гимнастерках, открыли огонь. И цветы не помогли изменникам.

— А кто верховодит в Себеже? — поинтересовался Сидоров.

— Вся власть в руках военного коменданта Мюллера, очень пожилого не то майора, не то полковника. По его приказу район разбит на пять участков во главе с уполномоченными. За старшего у них Семенов. Создана и городская управа во главе с неким Громовым. Начальником гражданской полиции назначен Вильгельм Бус. Быть может, помните, в заготконторе работал одноглазый верзила, пьянчужка первой гильдии? Выдавал себя за партизана гражданской войны, а, оказывается, был белогвардейцем. Вот какие у нас теперь власти. — Маслов замолчал, выразительно поглядывая на пистолетную кобуру, торчавшую из-под моего пиджака. — Владимир Иванович, и я не безоружен, есть гранаты, винтовка в спальне под матрацем лежит. Спрятано оружие и у Георгия Нестеровича Федорова в Аннинской школе. Мы готовы сделать все, что прикажут нам представители советской власти, нашей единственной власти.

Слушал я Семена Антоновича, и сердце пело. Вот жил человек, работал, в активистах не числился, а пришел час испытаний — и он готов немедленно встать в ряды борцов, хоть найдется на виду у всех — учитель — и дети малые у него.

Мои размышления прервала хозяйка:

— А теперь поспите хорошенько. До вечера вам лучше на улице не показываться. Семен пока разузнает про обстановку по дороге в Боровые, куда, как я поняла, ваш путь лежит.

Предложение было резонное, — мы согласились и проспали до вечера как убитые.

В сарае Сидоров, Маслов и я появились лишь в сумерки. Нас встретили укоризненные взгляды товарищей, но принесенные Семеном Антоновичем хлеб, сало и фляга с «живительной влагой» быстро подняли настроение группы. После сытного ужина все направились в деревню Боровые. Наш помощник на территории Себежского

района Семен Антонович Маслов получил первое задание — предупредить учителя Федорова о встрече со мной через два дня и очень осторожно передать верным людям то, что слышал от нас о положении на фронтах и в стране.

Деревня Боровые Осынского сельсовета расположена в двадцати с небольшим километрах южнее Себежа, у самой границы с Белоруссией. Леса здесь большие, места глухие, — вот почему мы и решили на первых порах обосноваться в этом краю. В Боровых в феврале тридцать второго я начинал свой трудовой путь. Школа была маленькая — в четырех классах всего 35 ребятшек, почти все из одной деревни. Размещались мы в комнате частного дома. Отцы моих первых учеников, как и другие жители, были людьми суровыми, но справедливыми и гостеприимными. Зная многих из них, я вызвался идти с Кулешом в разведку.

Пришли в деревню ночью. Легкий стук в окно. В дверях — хозяин дома колхозник Роман Михайлович Кузнецов. Встречает сердечно. Поднялась вся семья. Прошли во вторую, «чистую», половину, завесили окна, зажгли лампу. Жена Кузнецова Фаина Денисовна, местная учительница, будто сговорившись с Масловым, полусерьезно, полшутливо сказала:

— Хотите верьте, хотите нет, но у меня предчувствие какое-то было — обязательно районное начальство к открытию занятий прикатит. И вот, пожалуйста, сам заведующий роно да еще и секретарь райкома.

— А мы к вам надолго, Роман Михайлович, но жить будем поблизости в лесу. — Кулеш посмотрел на удивленную хозяйку и улыбнулся: — Пора-то грибная, Фаина Денисовна, да и воздухом свежим подышать хочется. Ясно?

Кузнецов поднялся с лавки:

— Раз такое дело, схожу за братом Якимом и за председателем колхоза. Сообща обсудим. А ты, Фаинушка, пока самоварчик сообрази.

Роман Михайлович вернулся быстро. С ним пришли колхозник Кузнецов Яким Игнатьевич, председатель колхоза Масков Николай Петрович и отец Маскова дед Петрок — так его звали в деревне. Кряжистый, высокий, он не согнулся под тяжестью своих восьмидесяти лет. Всю жизнь провел дед Петрок на Осынцине: корчевал лес, отвоевывал у бора лапины для пахоты. Из дому отлучался лишь два раза — «воевать германца в четырна-

дцатом» и «бить беляков в девятнадцатом». Степенно поздоровавшись с нами, он с уважением произнес:

— Хорошо, что пришли, сынки. Рады видеть вас. Худо, ежели в деревне нет своей власти.

Когда все расселись, Кулеш рассказал о задачах нашей группы.

— Располагаться вам нужно у озера, неподалеку от деревни, — посоветовал Яким.

Младший Масков заверил:

— О провианте не беспокойтесь. Хлебом будем обеспечивать бесперебойно. И мясо найдем. В колхозе полно телят. Гитлеровцы наведывались дважды, но про них не пронюхали, а мы пока решили дележ мелкого скота не проводить. Авось продержимся до прихода Красной Армии.

Многие люди, оставшиеся на территории, захваченной врагом, верили в скорое освобождение. Верили горячо в это и мы.

После ночного чаепития я вышел на крыльцо. Небо на западе было багряным, — где-то полыхал пожар. На плечо мне легла чья-то рука. Оглянулся — дед Петрок.

— Недалече горит, учитель. — Старик и раньше всегда так обращался ко мне. — Не иначе как в лесу, ну да ветра нет — погаснет пламя. — Задумался и уже другим тоном, наставительным, отеческим, продолжал: — Лес, он что человек, свой нрав, свой характер имеет. И грех, большой грех его обидеть огнем или другой порчей. Лес, как и земля, не крови людской, а пота человеческого требует. Все живое не любит насилия. Помыни мое слово, запылает скоро огонь ярости — не потерпит русский человек ярма иноземного. И тот огонь испепелит проклятого вражину.

Дед Петрок умолк. Я обнял старика. Мне хотелось поблагодарить его, сказать: спасибо, мужественный человек, что не дрогнул, что веришь в нас, молодых...

Лагерь мы разбили, как нам и посоветовали крестьяне, в глубине леса, на берегу небольшого озера. Соорудили несколько шалашей. В непогоду решили укрываться в сарае бывшего хутора, расположенного неподалеку.

3 сентября состоялось первое заседание Себежского подпольного райкома ВКП(б). На лесной поляне, под сенью столетних елей, расселись члены бюро Кривоносов, Петров, Кулеш, Фещенко, члены райкома Виноградов, Петров Дмитрий, Степашкин Владимир и коммунисты группы.

«Задачи партийно-политической работы в районе» — так сформулировал повестку дня Кривоносов. Доклада никто не делал, протокол не писали. Заседание было коротким, хотя выступали почти все. Обсуждали, с чего начать. Одни предлагали с диверсий, другие — с разведки. Точку зрения большинства высказал Кулеш:

— Начинать нужно с того, с чего мы уже фактически начали. Главное — верные люди. В Ковалевке — Масловы, в Боровых — Кузнецовы и Масковы, в Аннинске — Федоров. Пусть эта цепочка тянется от деревни к деревне. Надо разоблачать фашистскую пропаганду. Организовать саботаж мероприятий оккупационных властей.

Так и порешили. В этот же день я и Виноградов направились в условленное место для встречи с Георгием Нестеровичем Федоровым. Приехал он на велосипеде в точно назначенный срок.

— Володя, дорогой, — бросился он ко мне.

Мы обнялись. Приятель мой был такой же худощавый и подвижный, как и раньше. Исчезла только обычная для него веселость да... армейская гимнастерка, с которой Федоров почти никогда не расставался. В кругу друзей его так и звали «Жорка-военный».

Георгий рассказал о порядках, установленных оккупантами на территории Забельского, Глембочинского, Осынского и Лавровского сельских Советов.

— Во всех населенных пунктах гитлеровцы развесили приказы военного коменданта, — сказал он. — Они начинаются, как правило, со слов «гражданскому населению запрещается». А запрещается многое: оказывать помощь красноармейцам, укрывшимся в лесах, хранить какое-либо оружие, уезжать в город или в другую деревню, не поставив в известность представителя власти. Вот и к вам на встречу я поехал, доложив волостному, что нужно побывать в Боровых и договориться об участке сенокоса для учителей.

Федоров, как и Маслов, получил задание: подобрать надежных товарищей, узнать, у кого есть оружие, собрать для нашей группы немного деревенской одежды. Условились о моем «визите» в Аннинскую школу.

Теперь почти каждый день кто-то из нас уходил из лагеря. Виноградов и Дмитрий Петров ушли разыскивать членов первой группы. В Забельский и Глембочинский сельские Советы направились Кривоносов, Сидоров и Владимир Степашкин. Мне поручили посетить школы. Первой была Аннинская. Лесными тропами, обходя де-

ревни, я и Андрей Семенович Кулеш погожим сентябрьским вечером незаметно приблизились к бане Федоровых. Она оказалась холодной, а с Георгием Нестеровичем мы условились, что к нашему приходу ее протопят.

— Федоров не мог забыть условия. Очевидно, что-то случилось, — предположил я.

— Наверное, — согласился Кулеш, — подождем, наблюдаем.

В кустах просидели больше часа. Ничего подозрительного не заметили. Стало смеркаться, и мы вошли в школу. В классах хаос — парты и столы сдвинуты, часть из них перевернута. В квартире Федоровых мы никого не застали. Вышли во двор. Прислушались. В хлеву что-то давякает. Приоткрыли дверь и видим: жена Федорова доит корову. Тихо окликнул:

— Валентина Яковлевна!

Женщина обернулась. Узнала. Встревоженно попросила:

— Уходите скорее. Георгия и Маслова арестовали. Приезжали из Себежа военные. Ищали вас. Офицер грозился еще приехать.

Мы покинули школу. И в самый раз. На дороге показались две автомашины и несколько мотоциклистов. Не доезжая до школьных зданий, гитлеровцы и полицейские соскочили с машин и начали окружать постройки. До нас отчетливо доносились слова команды.

— Да... Чуть не влипли. — Кулеш вылез из кустов и тронул меня за рукав. — Пошли, Володя, в Осыно к Орлову. Нужно аккуратно разузнать, кто сообщил о нас в Себеж.

Алексей Игнатьевич Орлов до войны работал избачом. Принял он нас радушно, рассказал, что был на днях в Себеже. В город прибывают охранные части, размещаются на станции и в бывшем военном городке Епимахово. В Осыно теперь каждый день приезжают солдаты, рыщут по домам, требуют выдачи красноармейцев и коммунистов. Поинтересовался:

— Не слышали, что с Ленинградом? Фашист один похвалялся, будто взяли его штурмом, говорил, что фюрер их туда поехал.

— Ну а ты, Алексей Игнатьевич, как полагаешь? — спросил я.

— Не верю, по сердцу больно.

— Вот и не верь. Держится Ленинград. Всем об этом расскажи, — сказал Кулеш.

Поручив Орлову осторожно разузнать, кто мог донести на Федорова и Маслова, мы отправились в лагерь. Проходя мимо деревни Заозерье, в одном из домов увидели свет. Кулеш заинтересовался:

— Кто-то полуночничает. И свет не маскирует. Зайдем?

— Пошли.

Открыла женщина лет сорока. Исподлобья оглядев нас, ни слова не говоря, распахнула дверь в комнату.

За столом под божницей в белой дмотканой рубахе сидел старик с большой седой бородой. Перед ним лежала толстая книга, и он полупшепотом читал по ней.

— Здравствуйте, дедушка.

В ответ на приветствие — ни слова. Мы подошли ближе.

Сказал громче:

— Вот на огонек зашли к вам.

— Вижу, что зашли, а не заехали. — Старик неторопливо повернулся к нам. — Кто ж такие будете, странники ночные?

— Красноармейцы мы, — жалостливо заговорил Кулеш, — пробираемся к своим.

— А оружие где? В сенях оставили?

— Да нет, мы безоружные, — отвечал Андрей Семенович, — кругом немцы.

— Какие же вы солдаты, раз оружие бросили и пальтишки надели? — В голосе старика отчетливо слышался вызов. — Стало быть, худо воевали. Струсили.

— Всяко бывает, дедушка, бог простит. Про это и в Библии написано, которую вы на ночь читаете, — показал я рукой на раскрытую книгу.

— Бог-то простит, а люди? — продолжал ворчать старик. — Да и не знаешь ты святого писания. Вот, слушайте лучше.

Дед послунывил палец и, перелистав несколько страниц, прочитал нам отрывок, из которого явствовало, что супостата ждет «геенна огненная». Мы одобрительно кивали головами, и Кулеш, подмигнув мне, смиренно проговорил:

— Переодеться нам, конечно, нужно было, а оружие мы найдем. Не сомневайтесь, дедушка.

— С оружием и здесь воевать можно, — подобрел старик и распорядился принести чаю и меду.

Прощаясь с нами, старик сказал:

— Нужда будет — заходите.

В лагере мы застали товарищей, посланных на поиски нашей первой группы. Они принесли недобрые вести. Были схвачены и расстреляны руководитель группы Тарас Филиппович Боровик, бывший председатель сельсовета Иван Алексеевич Козлов и заведующий лесоучастком Иван Федотович Боровик.

По деревням ездят пропагандисты «нового порядка» в сопровождении переводчиков и солдат. Их выступления на деревенских сходках обычно начинаются с восхваления Гитлера и нацистской армии. Затем «пропагандисты» обращаются с призывом «справедливо» делить колхозное имущество между теми, у кого никто не служит в Красной Армии и в НКВД, строить единоличное хозяйство по типу «цивилизованного Запада». В заключение обещают награды за выдачу советских активистов, а за неподчинение распоряжениям и приказам командования охранных войск — расстрел.

На службу к оккупантам шли бывшие кулаки, уголовники. Так, старшиной Томсиной волости был назначен житель деревни Гришманы по прозвищу Барабошка-Лепешка. До войны он сидел в тюрьме. Отбыв наказание, занимался «шабашками» — пилил дрова у частных лиц, пьянствовал. Когда в Томсине появились гитлеровцы, Барабошка первым предложил им свои услуги. Этот фашистский холуй тоже ораторствовал. Свои речи начинал словами: «Большевики меня продали в рабство, но господь бог прислал спасителей в лице солдат великого фюрера, и я теперь слуга справедливой власти...»

Не скупились оккупанты и на печатную пропаганду. В деревнях появились фашистские газеты, издававшиеся в Риге на русском языке. В лагерь принесли один из сентябрьских номеров газеты с громким названием «Свобода». В одной из статей этого номера говорилось: «Мы надеемся, что русский народ сумеет оценить жертву, которую Германия приносит сейчас ради блага России, и пойдет по указанной ему дороге». А ниже приводился перечень немецких слов, необходимых жителям русских деревень для общения с представителями «нового порядка»: пожалуйста, спасибо, мясо, хлеб, молоко, яйца, вода, соль, сахар, сметана, огурец, лук, ягоды, яблоки, лошадь, корова, овца, свинья, коза... Вот она, плата за «жертву»!

Наши походы и встречи не оставались незамеченными врагом. Гитлеровцы искали группу, и довольно настойчиво. Но нам пока везло.

Как-то я договорился с Романом Михайловичем Кузнецовым о том, что он вытопит баню и мы впервые с тех пор, как покинули Торопец, вымоемся. Ночи были уже холодные. Помывшись, мы заночевали в теплой бане. Перед рассветом Виноградов поднял всех и приказал двигаться к лагерю.

— Ох и назойливый ты мужик, — ворчал Фещенко на командира, — ни взлет ни заря, а будишь людей.

— В твоём возрасте спать много вредно, — отшучивался Виктор Яковлевич.

Только вошли мы в лес, как послышался шум моторов. Остановились. Наблюдаем. В деревню въехали грузовики с солдатами. Прошло часа два. Когда фашисты убрались, я осторожно подошел к дому Кузнецова. Роман Михайлович встретил вопросом:

— Живы?

— Порядок. А вы?

— Отделались оплеухами. К нам первым заявили и сразу же: «Где партизаны?» Отвечаю: «Знать не знаю и ведать не ведаю». Офицер пистолетом размахивает: «Кому баню топил?» Зло тут меня взяло — задрал рубаху, говорю: «Битте, сам мылся». Так они, сволочи, всех осмотрели — проверяли, чистое ли белье на нас. А мы, к счастью, до вас попарились в баньке. Это и спасло. Пограбили ружье охотничье с патронами. Офицер сунул кулаком в лицо и дал команду к отъезду. Видать, Владимир Иванович, завелась у нас тут в деревне какая-то шкура продажная. — Кузнецов сжал руку в кулак. — Ну, коли узнаю, — не жилец этот гад на белом свете!

После этого случая командир решил обосноваться в другой части района, но перед уходом совершить нападение на какую-нибудь автомашину на дороге Себеж — Полоцк, проходившей километрах в семи от наших палаток. На этой операции настаивали Кривоносов и Кулеш. Конечно, мы не обольщались надеждами. Нечего было думать с нашим «опытом» и мизерными запасами взрывчатки провести серьезную диверсионную акцию.

На операцию отправились Кривоносов, Кулеш, Виноградов, Тумашев, Петров Дмитрий, Сидоров и я. Расположились в кустах у дороги. Позади лес, километра два на юг — деревня Клесино. Ждали долго, но по дороге так никто и не проехал. Решили выбрать место получше. Только стали переходить, как из-за поворота на полном ходу выскочила военная машина с грузом. Мы даже пистолеты выхватить не успели. Поругали друг друга, ста-

ли опять ждать. Наконец появился мотоциклист. Дали залп. К упавшему мотоциклисту бросился Кривоносов, чтобы забрать оружие и документы. В это время из-за пригорка вынырнули крытые автомобили. Мы сделали по ним несколько выстрелов. Десятка три фашистов, с гвалтом выпрыгнув из остановившихся машин, залегли и открыли по дороге и лесу сильный автоматный огонь. Стреляли разрывными пулями. Не зная наших сил, гитлеровцы боялись продвигаться вперед. Мы поспешно ретировались, так и не захватив свой первый трофей.

Малоудачной была и наша первая диверсия на железной дороге. Ее осуществили Виноградов, Кривоносов, Кулеш и Никифоров. Товарищи поторопились со взрывом гранат, подложенных под рельсы. Машинист успел ватормозить. В результате паровоз сошел с рельсов, но вагоны под откос не полетели.

— Обидно было до слез, — рассказывал Кулеш. — Стоит после взрыва целехонькие платформы с грузом и уничтожить их нечем. Никогда не забуду этого эшелона.

Андрей Семенович вспоминал первую диверсию на железной дороге даже тогда, когда на боевом счету нашей бригады было уже 23 фашистских эшелона, спущенных под откос по всем правилам партизанской науки.

И все же польза от засады и первой диверсии была. Гитлеровцы переполошились, а по деревням быстро разнесся слух о том, что в лесах появились партизаны. Силы наши преувеличивали гитлеровцы и население.

Покидая южную часть Себежского района, мы разделились на две группы. Виноградов, Кулеш, Никифоров, Кривоносов, Сидоров и Владимир Степашкин пошли вокруг Себежа с западной стороны, я с остальными товарищами — с восточной. По дороге решил навестить семьи Маслова и Федорова, но в Осыне Орлов предупредил, что в деревне говорят о тайной слежке за их домами.

О судьбе Георгия Нестеровича и Семена Антоновича я узнал лишь спустя год. Их выпустили накануне нашей засады у Клесина. Улик против арестованных учителей не было, а на допросах они держались смело, на провокации не поддавались. Федоров не отрицал, что видел меня, говорил: «Да, заходил Марго, но он не партизан, а сбивается, потому что боится явиться в Себеж». В ответ на это признание офицер сказал: «Мы расправляемся не с коммунистами, а с теми из них, кто издавал законы. Пришел к нам добровольно себежский большевик Вайгензал и теперь спокойно живет. Мы вас отпускаем.

Если встретите Марго или других руководителей района, передайте им — пускай не страшась приходят в военную комендатуру». Бесспорно, это предложение было коварным.

Мы прошли километров шестьдесят по раннему осеннему бездорожью и в лесу недалеко от шоссе Себеж — Опочка разбили лагерь. Движение на дороге было оживленным. Через Опочку — Остров под Ленинград отправлялись грузовые боеприпасами и военной техникой машины. Вот бы где греметь взрываю на дорогах!.. Но... Ох уж это проклятое по!

Шел четвертый месяц войны, и нужно было думать о заброске сюда спецгрупп. Сумели же ленинградцы (о чем мы узнали, конечно, позже) сделать это в первые военные недели. Еще шли бои за Порхов, а в тылу гитлеровских войск, штурмовавших город, уже действовал мобильный, хорошо вооруженный диверсионный отряд ленинградских спортсменов под командованием Дмитрия Косицына. Много неприятностей причинил он врагу...

Почти на середине пути между Себежем и Опочкой до войны располагалось большое село Прихабы. Рядом с парком выселись добротной постройки дома, а в ярмарочные дни весело, разноголосно шумело людское море. Домик дорожного мастера да груда камней у берез на месте старинной церкви — вот и все, что осталось там после войны.

Мне Прихабы были по-особому дороги. В школе этого села я впервые стал преподавать в старших классах. Школа большая, а учителей мало, работали с перегрузкой, давали по 30—36 уроков в неделю. По вечерам с уполномоченным райкома партии или с председателем сельского Совета Илларионом Кузьмичом Ковалевым я обычно уходил в одну из деревень на собрание по коллективизации. Никогда не забудутся эти вечера. Избы, наполненные махорочным чадом, едкие вопросы подкулачников, и наши задорные, а подчас и злые ответы. Иногда ходили агитировать по деревням с товарищем по школе. Пока один из нас беседовал с крестьянами, другой в это время, либо здесь же на печке, либо в соседней хате, готовился к урокам. Потом менялись ролями.

Все это я вспомнил, наблюдая из-за кустов за движением вражеских машин. К вечеру оно почти прекратилось, и мы с Петровым пробрались к домику, стоявшему в десяти метрах от шоссе. Там жили учителя Егоровы, Петров предложил:

— Может быть, повременим. А вдруг в доме немцы?

— Не похоже. А если и так, то на нашей стороне внезапность. Отстреляемся. Пойдем, — настаивал я, — пригласим нас хорошо.

Константин Тимофеевич и Прасковья Ивановна искренне обрадовались нашему приходу. Как и водится в таких случаях, посыпались вопросы:

— Где-то наш директор? Воюет небось?

— Да. Сергей Егорович Васьков в армии. А Ещепко?

— Николай Егорович тоже уехал в райвоенкомат.

Встречать не приходилось?

— Не довелось.

А потом вопрос о главном:

— Ну, как тут у вас?

— Худо, Владимир Иванович. Каждый день кто-нибудь из солдатни останавливается, требуют, угрожают, грабят.

— А наши?

— Пока держатся дружно.

Константин Тимофеевич тронул Петрова за рукав:

— Меня с собой прихватили бы? А? Силенка еще водится. Сгодился бы.

— Здесь вы нужнее, — ответил Дмитрий Осипович. — Главное — несите ободряющее слово людям, а кое-кого от неосторожных шагов остерегайте. Договорились? Да и дорога многое рассказать может.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Подошла Прасковья Ивановна:

— Оставляйтесь ночевать, гости дорогие.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Неровен час, забежит кто-либо из проезжих гитлеровцев. Зачем же вас под удар подставлять? Ну, до новой встречи.

Хозяева проводили нас во двор, и мы неторопливо зашагали к лесу. Недалеке от него жил старейший учитель нашего края Александр Устинович Михайловский. Пятьдесят лет отработал он в Прихабской школе. Почти каждый второй житель округа был его учеником. Года за два до войны Александр Устинович ушел на пенсию, но со школой не расставался. Авторитет ветерана был огромен не только среди учителей района, но и у местных жителей.

У Михайловского — жил он вдвоем с женой, гостеприимной милой старушкой, — мы провели сутки. Ночь проговорили, а днем отсыпались. Разговор был долгим, об-

стоятельным. Старый учитель искал ответы на многие мучившие его вопросы.

— Вы, конечно, знаете, Владимир Иванович, — говорил он, подливая мне чаю покрепче, — крылатое выражение Мирабо: «Пруссия — не страна, которая имеет армию. Это армия, которая имеет страну». Я понимаю, что нацисты взяли сию мерзопакостную традицию на вооружение и сейчас в Германии «хайль Гитлер!» кричат даже рабочие. Но неужели это всеобщий психоз? Должны же быть прогрессивные силы?

— И мне так кажется. Коммунисты страны скажут еще свое слово.

— У англичан есть хорошая поговорка: «Если лиса начинает читать проповеди, загоняй гусей», — продолжал Александр Устинович. — А фашисты не только грабят и убивают, но и проповедуют ломать все советское, быть мелкими собственниками. Что можно противопоставить их пропаганде?

— Очевидно, наше убежденное слово.

Михайловский улыбнулся:

— Вот есть и у меня предложение. В народе сейчас горя невпроворот. Разлука с ближними, страх за свою жизнь и семью посеяли среди крестьян уныние и тягостные раздумья. Многих опять к церкви потянуло. А тут как раз из Себежа, из управы, бумага пришла: рекомендуют нашу прихабскую церквушку открыть и священнослужителя обещают прислать.

— Это худо. Пришлют агента в рясе. Будет мутить воду да на исповедях выведывать тайны людские. Только не понимаю, Александр Устинович, что мы тут можем поделаться?

— Как что? Ведь я же сказал, предложение имею.

— Убрать, что ли, попа, которого пришлют?

— Да нет, Владимир Иванович, самому рясу надеть.

— Вам? — Я даже встал с дивана от изумления.

— Да. Ритуал церковной службы я знаю. Проповеди же буду читать не о терпении и покорности, а о силе земли русской и душевной красоте сынов ее верных. Кстати, Владимир Иванович, на днях по этому поводу у меня целая делегация односельчан была. Я бы согласился, да боюсь одного человека...

— Кого?

Михайловский лукаво посмотрел на меня и продолжал:

— Товарища Марго. Вот разобьет Красная Армия ор-

ду фашистскую. Все встанет на свои места. И вдруг разжалует меня заведующий роно из сословия нашего учительского за рясу поповскую. А для меня такое — страшнее смерти.

Вопрос был и неожиданным и сложным. После длительного обсуждения, взвесив все «за» и «против», я взял на себя смелость посоветовать Александру Устиновичу пойти в волость и дать согласие стать священником.

Вскоре семидесятипятилетний учитель-пенсияр прератился в «отца Александра». Мне не пришлось больше увидеться с ним. Позже, командуя бригадой, я через связных и разведчиков часто получал от него важную информацию. «Отец Александр» собирал для отправки в советский тыл облигации, ценности, для партизан — взрывчатку и оружие. В своих проповедях подбадривал прихожан, звал их к сопротивлению.

Михайловский не дожидая победы. Отступая, гитлеровцы решили уничтожить Прихабы. Жители уходили в лес под обстрелом. Вместе со всеми шел и учитель-патриот. В дороге он был ранен и вскоре скончался.

В конце сентября мы встретились с товарищами, побывавшими в западной части района. Я доложил Виноградову и Кривоносову о людях, с которыми была установлена связь, рассказал про обстановку на границе себежских и опочецких земель. Командиру же нашего отряда удалось узнать, кто донес на Тараса Филипповича Боровика. Предатель — сапожник из деревни Малиновки — был уничтожен. В листовках, написанных от руки и расклеенных в деревнях нашими товарищами, сообщалось о казни доносчика.

Создание подпольных групп было поручено Григорьеву и Никифорову. С этой целью оба должны были вернуться к своим семьям и легализоваться. Никифоров, например, приход к родным в деревню Карпино объяснил просто: эвакуировал по приказу райисполкома скот (это была правда), по под Великими Луками попал в окружение и задержался на оборонных работах. Он зарегистрировался в волости.

В первую военную осень рано пришли холода. Тяжелые тучи нависли над озерным краем. Студеные ветры стали нашими постоянными спутниками. Кривоносов предложил готовиться к зимовке. Василий Петров, Фещенко, Сидоров настойчиво говорили о необходимости выхода на зиму в советский тыл.

Положение у группы действительно было тяжелое. Связь с обкомом отсутствовала. Система связей оказалась нереальной, рация — мечтой. Не могли мы обеспечить себя и взрывчаткой. Склады ее имелись только в Себеже. Напасть же на колонну машин, перевозивших боеприпасы, было равносильно самоубийству.

Все мы, даже если бы и появилось такое желание, не сумели бы легализоваться, как рассчитывали товарищи, готовившие нас к работе на оккупированной территории. В гестапо и ГФП (тайной полевой полиции) знали о подпольной деятельности руководящих работников района — за их выдачу были обещаны награды. Себежский и смежные с ним районы в это время, как никогда в последующем, были забиты фашистскими войсками, спешившими к Москве и Ленинграду. Командование их принимало крутые меры к подавлению малейших очагов сопротивления. Наш доверенный человек — учитель Михаил Петрович Легкобит — побывал в Себеже и узнал о готовившемся «прочесе» всего района карательными отрядами.

После горячих обсуждений командир принял решение временно вывести группу из района и присоединиться к первому попавшемуся на пути партизанскому отряду.

Уходили в октябре. По пути встречались с надежными людьми.

Нам было известно, что сельский избач Мария Пынто на свой страх и риск ведет в оккупированных деревнях антифашистскую пропаганду. Я хорошо и давно знал Марию. В тридцать пятом году она училась в школе, где я преподавал литературу. Окончив среднюю школу в Томсине, Мария стала работать в Лавровском сельсовете.

И вот она стоит в дверях избы и, смеясь и плача, восклицает:

— Владимир Иванович! Владимир Иванович! Да неужто это вы?

— Здравствуй, Мария. Вот и встретились. Я ненадолго.

За дверьми над деревней Верино гуляет ветер. На дорогах осенняя грязь. Где-то там, может быть километрах в двух от этой теплой избы, — преследователи. Разговор короткий, горячий, деловой. Мария многое понимает с полуслова.

— Мы вернемся, Мария, слышишь, вернемся.

— Верю и буду ждать, Владимир Иванович. Счастливой дороги.

Глухой осенью 1941 года мы вышли за пределы Себежского района. Первая часть задачи, поставленной перед нами обкомом партии, была выполнена, но, конечно, сделали мы далеко не все. Однако я глубоко убежден в том, что деятельность, хотя кратковременная, партизанской группы Виноградова — Кривоносова сыграла большую роль в истории партизанского движения у старой латвийской границы. Не случайно спустя год наш небольшой партизанский отряд, пришедший из-за линии фронта, быстро превратился в боеспособную бригаду. Мы опирались на организованную поддержку со стороны населения. В этом заслуга оставленных группой Виноградова — Кривоносова опорных пунктов подполья в Аннинском, Прихабах, Томсине, на Осынцине, в самом Себеже и в других селениях озерного края.

В первые дни на оккупированной территории, говорил Михаил Иванович Калинин, «...народ, если образно представить его в одном лице, нервно переступал с ноги на ногу, в нерешительности, что же ему делать: как конкретно, практически защищать Родину...»

Коммунисты не только призывали население оккупированных районов к беспощадной борьбе с фашистами, но и указали конкретные пути и формы активного сопротивления оккупантам.

Наступил май сорок второго года.

По оккупированной земле шли на запад, «в неметчину», эшелоны с белыми рабами. Концерны в Германии уже получали разрешение на использование даровой рабочей силы на секретных подземных заводах, откуда на поверхность обычно выносили только мертвых. Все больше и больше становилось концлагерей. И уже не десятки, не сотни — тысячи занумерованных людей направлялись туда с пометкой «зондербехандлинг» («особое обращение») — для уничтожения в газовых камерах.

Началась настоящая охота за людьми и в западных районах Калининской области. Схваченные во время облав на улицах, рынках, вокзалах юноши и девушки, пожилые мужчины из Пустошки, Идрицы и Невеля направлялись для сортировки в Себеж. Оттуда их отправляли в Латвию и дальше в Восточную Пруссию. Террор и насилия в районе старой государственной границы с Латвией (гитлеровцы вновь искусственно создали ее) осуществлялись с особой жестокостью.

1 Мая я вместе с Андреем Семеновичем Кулешом встречал в Калининe. Город еще не оправился от ран, нанесенных ему фашистами, но уже напряженно работал для нужд фронта.

В обкоме нам предложили направление на ответственную работу в районы, освобожденные от оккупации. Мы сочли такое использование нас неправильным и просили отправить партизанить на оккупированную территорию.

В то время в Калининe и некоторых других городах создавались из добровольцев небольшие отряды партизан и направлялись в оккупированные районы. За линию фронта уже переправились Локнянский, Новосокольнический и Невельский подпольные райкомы партии.

На некоторое время нас оставили в распоряжении обкома партии. Дали нам по койке в общежитии — подвальном мрачном помещении. Накануне 1 Мая мы получили

праздничный паек: буханку хлеба, банку мясных консервов, немного сахара и спирта.

В общежитии жили коммунисты, демобилизованные из армии по возрасту, товарищи, возвращавшиеся из восточных областей страны после эвакуации своих предприятий, девушки, ожидавшие назначения после окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), и, наконец, я и Кулеш, пришедшие из вражеского тыла. Праздник собрал всех за общий стол. Разговоров было мало, — больше пели. Особенно всем по душе пришлись слова: «Друга милого я не забуду, если с ним повстречалась в Москве». Пели эту песню за вечер несколько раз. Спели и мою любимую «Кузнецы».

Утром 2 мая мы с Андреем Семеновичем отправились на набережную Волги. Через два часа нас ожидал прием у первого секретаря обкома ВКП(б) Ивана Павловича Бойцова. Должна была решиться наша судьба. Кулеш подтрунивал:

— Ну, что, Володя, хороши калининские калачи, да все же горчат?

— Вчера я что-то не заметил.

— То вчера, а вообще?

— Дома, в Себеже, конечно, и хлеб что мед, и вода что брага.

В ожидании приема у секретаря обкома партии мы вспоминали, как выходили в советский тыл...

Нелегким и долгим был этот путь. В Пустошкинском районе нас вывели подразделения охранных войск, и мы с трудом вырвались из окружения. Не удалось нам повстречать партизан в Новосокольническом районе. Командир решил направить наших девушек к матери Ани Кузьминой с наказом устроиться жить легально и ждать сигнала. Осталось нас десять человек. Только под Великими Луками состоялась наконец встреча с партизанским отрядом. Это были старые знакомые — Андрей Дорофеевич Петров и его бойцы.

В отряде группа пробыла несколько дней. Мы поднабрались сил. У Петрова была рация. Нас познакомили с обстановкой на фронте. Тогда же мы узнали, что у истоков Волги, в районе города Осташкова, находятся части Красной Армии. Радость наша была безмерной. Казалось, рукой подать до своих. Не думали мы, что самое трудное — впереди.

Отряд Петрова получил разрешение на выход в советский тыл вместе со взводом красноармейцев, действовав-

шим на оккупированной территории. Народу собралось порядочно, и наше присоединение к отряду считалось нежелательным. Просачиваться через линию фронта лучше было мелкими подразделениями. В это время в лагерь пришла спецгруппа старшего лейтенанта Тимофеева. Она направлялась в Идрицкий район. Кривоносов решил пойти с нею, а затем перебраться поближе к Себежу. Мы двинулись к Волге.

На поля уже лег снег. Я был в ботинках. У моих товарищей обувь не лучше. Мерзли страшно, но упорно двигались на гул артиллерийской канонады. В Пеновском районе нарвались на большой санный отряд гитлеровцев. Отстреливаясь, цепочкой отступали к лесу. Увидев, что нас всего девять, фашисты бросились в погоню. Мы ушли от преследования, но все вместе уже не собрались. Виноградов, Василий Петров и Фещенко, как стало известно впоследствии, пересекли линию фронта с одним из воинских подразделений и доставили в штаб 179-го стрелкового полка ценную разведывательную информацию. Добрался с партизанами в советский тыл и Кулеш.

В этот день в глубине леса я нашел только Дмитрия Петрова, Герасима Сидорова, Ивана Тумашева и Владимира Степашкина, последний был ранен в плечо. Для нашей пятерки начались мытарства.

Во всех деревнях вблизи истоков Волги располагались гитлеровцы. Лодку нам достать не удалось. А переправиться через реку вплавь раненому Степашкину было не под силу. Пришлось всем нам из Пеновского района опять возвращаться к Великим Лукам. В пути от нас ушел Иван Степанович Тумашев. Он решил добраться до сестры, жившей на Новгородчине, и там перезимовать. С тех пор судьба его неизвестна. А со мной случилась беда — сильно отморозил ноги.

У каждого воевавшего человека есть часы или дни, которые никогда не исчезнут из памяти. У меня это — первая неделя ноября сорок первого года. Неделя, когда в душу вполз страх. Нет, не за жизнь! С мыслью о возможной гибели за трехмесячное пребывание в тылу врага мы свыклись. Но как отдать жизнь? Что мог сделать полезного для Родины человек, потерявший способность самостоятельно двигаться? В лучшем случае, отстреливаясь, последнюю пулю пустить в висок.

Товарищи не оставили меня у незнакомых людей, а решили везти на саночках до деревни Демьяницы Великолукского района, где жили мои родители. Везли по очере-

ди, часто меняя друг друга. Мороз был изрядный. Невесело смотрели мы на замерзшие деревья и тусклой медью поблескивавшие на снегу кусочки сосновой коры.

Поздно вечером очутился я в родном доме. Чтобы не навлечь на моих родителей неприятностей, товарищи покинули его в ту же ночь. Расставание было тяжелым. Степашкин (рана его еще давала себя знать) и Сидоров направились к Себежу, на запад, а Петров — в соседний Куньинский район к отцу. Крепко обнялись, расцеловались и пообещали друг другу встретиться ранней весной у себежских озер.

Судьба рассудила иначе. Сидоров и Степашкин добрались до родных мест, но были схвачены полицаями. Их отвезли в Себеж и там расстреляли. Дмитрий Петров, когда началось январское наступление наших войск в направлении Торопец — Великие Луки, был уже в действующей армии. Он погиб в одном из боев.

А я два месяца лечился дома. Все это время чувствовал себя, как на раскаленных углях. Деревушка наша, приютившаяся на берегу озера, находилась в стороне от проезжих дорог, — это и спасло меня. Ну и, конечно, заботы моих дорогих стариков. Был я у них теперь единственным, — восемнадцатилетнего брата Александра в поле сразила пуля фашистского летчика.

В конце декабря ноги мои зажили. Через отца я установил контакт со старым чекистом Евгением Ивановичем Черновским, оставленным в наших краях со специальным заданием. Он включил меня в создаваемый партизанский отряд, где меня и разыскал Кулеш. Побыв некоторое время у невеликих партизан, мы с Андреем Семеновичем получили приказ прибыть в распоряжение обкома партии и направились по раскисшим весенним дорогам в областной центр. По пути заскочили в Демьяницу. Деревня наша к этому времени была уже освобождена от оккупантов. Отец мой Иван Яковлевич и мать Ольга Яковлевна не уговаривали остаться дома. Они благословили нас и долго стояли на крыльчке, пока мы не скрылись из виду. Это была моя последняя встреча с отцом, — в сорок третьем году он погиб.

3 мая, получив «добро» от обкома, Кулеш, я и присоединившийся к нам себежанин Михаил Иванович Крюков покинули Калинин. Крюков перед войной работал заместителем директора Себежской машинно-тракторной станции. Через сутки черепашьего плаванья вниз по матушке по Волге мы очутились в городе

Кимры, где должны были кое-чему научиться, получить инструктаж.

Занятия на курсах (позже штаб партизанского движения при Военном совете Калининского фронта сформировал школу по подготовке партизанских кадров) вели командиры Красной Армии, оперативные работники НКВД, представители Калининского обкома партии. Значительная часть времени отводилась на боевую подготовку. В классе, на картах, и в полевых условиях мы выбирали места для засад, «громили» вражеские гарнизоны, знакомились с подрывным делом, изучали различное огнестрельное оружие. Были даны нам на спецзанятиях и рекомендации по работе с населением оккупированных районов.

По сравнению с первым нашим инструктажем в Торжке летом сорок первого учеба в Кимрах была организована обстоятельнее и, безусловно, принесла пользу. Все же и здесь не обошлось без промахов. Большинство слушателей курсов уже побывали во вражеских тылах: кто в партизанских отрядах, кто выполняя задания разведотделов штабов армии и фронта. Поэтому мы могли кое-что из программы оценивать критически. Нередко в перерывах слышалось ворчливое:

— Не то гуторят.

Это высказывал свою точку зрения Алексей Григорьевич Григорьев. Война застала Григорьева в городе Нелидове Калининской области. Нелидовцы своевременно организовали партизанский отряд. Он хорошо воевал и к моменту освобождения района от оккупации вырос до пятисот человек. Алексей Григорьев не только был храбрым бойцом в отряде, но и неутомимым пропагандистом. Он часто беседовал с жителями деревень и поэтому никак не мог согласиться с теми из наших наставников, которые рекомендовали проявлять особую настойчивость во взаимоотношениях с населением.

Мне тоже такие советы казались неправильными.

Кое-кто из моих новых товарищей не соглашался с тем, что базироваться партизанские отряды должны только в лесах. Особенно горячо возражал Освальд Андреевич Югансон, участвовавший в рейде по тылам врага 2-й особой бригады штаба Северо-Западного фронта.

— Батяка Литвиненко поступал иначе, — говорил Югансон. — Он учил нас не засиживаться в труднодоступных местах, а чаще бывать на глазах у народа и,

выбив фашистов из села, останавливаться в нем на постой.

К сожалению, нас не научили читать немецкую карту. А мы смогли бы быстро запомнить условные обозначения и сокращения, ибо большинство слушателей имели семилетнее, среднее и даже высшее образование.

21 мая закончился курс обучения. На следующий день всех нас собрали в школьном зале. Представитель Калининского областного комитета партии Александр Дмитриевич Хрусталева объявил, что, по решению обкома, из нас комплектуется отряд автоматчиков, который включается в формируемую 2-ю Калининскую партизанскую бригаду под командованием старшего лейтенанта Арбузова. С теплым напутствием к нам обратился секретарь Кимрского горкома партии Константин Николаевич Гришин, многое сделавший для создания нам хороших условий учебы. Затем прозвучала команда:

— Марго, три шага вперед!

Перед строем я узнал о моем назначении командиром отряда. Назначение это не было оговорено раньше, и я несколько растерялся. Замешательство исчезло, когда стало известно, что комиссаром у нас будет Андрей Семенович Кулеш.

Вечером того же дня мне и Кулешу вручили следующий документ-директиву.

Командиру партизанского отряда
тов. МАРГО, комиссару тов. КУЛЕШУ

Калининский обком ВКП(б) направляет ваш отряд в количестве 65 чел. в Невельский р-н и ставит перед вами следующие задачи:

1. Действовать по тылам врага, совершать внезапные налеты на склады, обозы, автотранспорт, портить мосты, делать завалы, производить налеты на мелкие группы противника с целью вызвать у них панику и парализовать снабжение войск противника.

Отряд никогда не должен вступать в длительный бой, а, совершив налет, немедленно скрываться с целью сохранения живой силы отряда.

2. Всей системой партийно-политической работы разъяснять местному населению о внутреннем положении Советского Союза, особый упор в агитационно-политической работе делайте на успехи Красной Армии и неми-

нуемую гибель фашистских банд, распространяйте антифашистские листовки и сводки Совинформбюро.

3. Из числа местных жителей, бойцов и командиров, попавших в окружение и бежавших из плена, людей, преданных нашей Родине, создавайте партизанские отряды, поднимайте все население на борьбу с фашизмом, вооружая его трофейным оружием и боеприпасами, осуществляйте над ним свое непосредственное руководство...

7. Через местный совпартактив и свою агентуру выявляйте предателей и изменников нашей Родины и после тщательной проверки уничтожайте последних.

9. При прибытии наших к вам связных устанавливаются пароль «Где дорога на Каратай?» и отзыв «Вот по той дороге, за лесом».

23 мая мы покинули гостеприимные Кимры. Наш путь лежал через Москву в Городец. Занял он несколько суток, и у меня оказалось достаточно времени, чтобы приглядеться к бойцам отряда. Много среди них было людей средних лет — Щербина, Малаховский, Солнцев, Волисов, Герасимов, Степанов, Астафьев, Григорьев, Козлов, Панов, Виноходов, Шалаев, Воробьев, Фомичов, Кошкин, Багрий, Никитин, Колдышкин. Все они в недавнем прошлом работники партийных органов и советских учреждений. У каждого за плечами годы работы с людьми. Порядочно в отряде было и молодежи — ребят, закончивших накануне войны среднюю школу, и тех, кому нашествие гитлеровцев помешало продолжить учение.

Хрупкая застенчивая девушка. Зовут Лида. Фамилия Букашкина. Недавно окончила школу. Смотрел на нее и думал: «Неужели нельзя было послать в тыл врага женщин постарше, не выдержит тягот походной жизни». А она выдержала. Была Букашка (так Лиду в школе товарищи звали) хорошим боевым товарищем. В лютой мороз и вьюгу в разведку ходила. И пулям в бою не кланялась. И немудреные партизанские обеды готовила. Преотлично.

Лидия Петровна Букашкина живет сейчас в родном Торжке. Работает. Воспитала двух дочерей.

Еще на курсах мое внимание привлек паренек лет семнадцати-восемнадцати, высокий, стройный, с непокорной прядью волос. Был он порывистый, но сдерживал себя в спорах, умел слушать, наблюдать. Звали его Рэм Кардаш.

— Андрей Семенович, присмотришь к Кардашу, — по-

просил я. — Нравится мне парень. Думаю использовать его в разведке.

— Не успели в Москве побывать, а ты уже свои лесные кадры расставляешь, — рассмеялся Андрей Семенович. — Я тоже заметил его. Рэм — из Кувшинова, комсомолец, учился в средней школе, последнее время работал старшим пионервожатым, показал уже характер. Был в его родном городке случай. Гитлеровцы бомбили станцию. Загорелась цистерна с бензином, а рядом вагоны с боеприпасами. Вот-вот пламя туда метнет. Нашлось двое смельчаков — отцепили ее от состава. Подоспел маневровый паровоз — увел в безопасное место. Так вот, один из смельчаков был Кардаш. Думаю, правильно ты решил.

Мне ничего не оставалось, как только по-хорошему позавидовать комиссару, его умению знать о людях то, что определяет их главную линию в жизни. Дня через два у меня состоялся первый разговор с Кардашем. В дороге мы часто попадали под бомбежки, часами простаивали на запасных путях. Во время одной из таких вынужденных стоянок я увидел Рэма, одиноко сидевшего у разрушенного здания. Подошел к нему и спросил:

— О чем задумались, товарищ Кардаш?

Рэм подтянулся и четко — он всегда немножко копировал военных — ответил:

— Минутное настроение, товарищ командир.

— И все же?

— Маму, сестренку, братишку вспомнил. Хорошие они у меня.

Обычно ребята в таком возрасте, вспоминая отчий дом, стараются не говорить об этом, боятся показаться «маменькиными сынками». У Рэма все было проще, душевнее.

Позже, в глубоком тылу врага, в один из свободных от боев и походов вечеров, Кардаш записал в своем дневнике: «Каким счастливым будет тот день, когда я вновь увижу на пороге родного дома мать и отца, сестренку и братишку, выбегающих навстречу! Скоро ли этот день? Такой вопрос волнует каждого партизана отряда. И каждый отвечает на вопрос: да, скоро! Ответ может быть только и только таким, ибо судьба Родины решается людьми, у которых есть что защищать, за что можно умереть. И умереть с уверенностью в победе великого, справедливого дела. Сердце каждого воина-партизана полно ненависти к иноплеменным-поработителям! Нет! Не бывать

тому, о чем мечтает Гитлер! Не бывать никогда!!! Мы помним слова Александра Невского; кто пришел к нам с мечом, от меча и погибнет!.. Уже темно. Кончаю. Иду спать. Спать под открытым небом моей любимой Родины. Да, моей!»

Рэм Кардаш много сделал в своей короткой жизни, чтобы приблизить счастливый день нашей Победы. В этом ему помогли душевная щедрость и мужество, которые воспитали в нем мать Вера Ивановна Бурова, отчим Михаил Павлович Рахманов, школа. После войны я познакомился с этой замечательной семьей. Жаль, что интереснейший дневник Рэма пропал, попав в руки недобросовестного человека.

Встреча с Москвой была волнующей, особенно для тех, кто побывал во вражеском тылу и в свое время наслушался разных небылиц про нее. Всех интересовал вопрос: какая она сейчас, наша Москва? Мы прошлись по улицам. Столица была все такой же величавой. Разрушений мы не увидели. Бросилось только в глаза, что в городе много военных. Мы встречали пехотинцев, артиллеристов, летчиков и даже моряков.

Под вечер Кулеш и я зашли к помощнику военного коменданта оформить проездные документы. Из случайно оброненной фразы выяснилось, что он, как и я, до войны заведовал районным отделом народного образования. Коллега обещал долго не задерживать в столице, приказал выдать нам бочку масла, сухарей, консервов и даже «раскошелился» на спирт. Наши небогатые продовольственные запасы получили солидное столичное подкрепление.

Из Торонца мы с комиссаром направились в деревню Шеино, где находилась в то время оперативная группа по руководству партизанским движением. Эта небольшая лесная деревушка памятна многим калининским и белорусским партизанам. Отсюда начинался для них трудный и опасный путь в район, назначенный для боевых действий в тылу врага.

Возглавлял оперативную группу летом 1942 года Иван Николаевич Кривошеев, представителем от Калининского УНКВД был полковник Василий Иванович Котлов. Доложив начальству о составе бойцов и их вооружении, мы предложили направить отряд в глубокий тыл противника. Нас охотно поддержали. Отряд получил новую задачу: выйти в Пустошкинский район, а затем к старой латвийской границе, развернуть там боевую

деятельность, пополниться людьми и за короткое время на базе отряда создать самостоятельную партизанскую бригаду.

Линия фронта в июне 1942 года проходила на север от занятых фашистами Великих Лук, между рекой Ловатью и железной дорогой Новосокольники — Локня. Отряд остановился недалеко от дороги в деревне Ушаково. На юго-востоке от нас находились партизанские отряды Гаврилова, Шиповалова, Ромакова и другие. Одни группы партизан уходили за линию фронта, другие — возвращались, третьи — вели разведку.

Запасы нашего провианта подходили к концу, на подвоз его рассчитывать не приходилось, надо было добывать самим.

Я послал разведку за линию фронта. Ребята быстро вернулись и доложили: в деревне Ледяха гитлеровцами собран скот для отправки в действующие части, гарнизон там небольшой.

— Ну, Василий Николаевич, ты у нас старейший вояка — тебе и проводить первую боевую операцию, — сказал я, обращаясь к командиру взвода Никонову. — Задача — добыть провиант. Объект — Ледяха. По возможности, без потерь.

— Будет исполнено, — ответил Никонов.

Ночью взвод благополучно перешел линию фронта. Тщательная разведка и внезапность обеспечили успех операции: партизаны перебили фашистов, часть скота угнали, потерь не имели. С тех пор и повелось: если Василий Николаевич говорил свое «будет исполнено», можно было не сомневаться в успехе операции.

Прекрасным он был человеком. И о нем рассказать хочу, забегаая вперед, отдельно. Еще в Кимрах у меня с ним состоялся примечательный разговор. Вечером шел я по тихим улицам города, выглядевшим на редкость мирными. В сквере присел на скамейку. Неожиданно услышал:

— О чем задумался, командир?

Передо мной стоял Василий Николаевич Никонов, принявший под свое начало взвод отряда. Чуть ниже среднего роста, плотный, по-военному подтянутый, с изрядной сединой на висках. От всей его фигуры веяло спокойствием, уверенностью. Не дав мне ответить, Никонов продолжал:

— О людях отряда, очевидно, твоя думка. По-моему, народ подобран стоящий. Молодых многовато. Подучим.

У нас — у торопчан — они быстро освоили партизанскую науку. Справятся и сейчас. Так что не ломай голову. Пойдем лучше по городу пройдемся. До свидания ему скажем.

Мы пошли. Я знал о том, что Никонов вступил в партию еще в 1918 году, боевую закалку прошел на фронтах гражданской войны. В суровую мартовскую непогоду 1921 года вместе с делегатами X партийного съезда штурмовал мятежные форты Кронштадта, за что был награжден орденом Красного Знамени. Когда фашисты прорвались к верховьям Волги, первым вступил в Торопецкий партизанский отряд. Но в тот наш «поход» по улицам Кимр Василий Николаевич открылся мне с другой стороны. Он рассказывал с большой любовью о семье, вспоминал, как, придя с работы, гонял с ребятами футбольный мяч по двору, бегал с сыновьями Мишей и Геней наперегонки, а потом садился за книгу. И о товарищах по довоенной работе говорил душевно.

Я слушал Никонова и как-то непроизвольно мысленно тоже стал перебирать события довоенной поры. Немного их набралось (годы-то у меня были еще молодые), но ценность их ощутил как никогда. На душе стало яснее, уверенности прибавилось... Благодарен я был тогда очень Василию Николаевичу за наш «прогулочный» разговор.

Позже, уже в тылу врага, мне не раз доводилось видеть, как Никонов, устроившись где-нибудь в укромном месте, неторопливо что-то рассказывал, о чем-то расспрашивал молодых бойцов отряда. Авторитет его был огромен. Мы с комиссаром бригады Андреем Семеновичем Кулешовым всегда прислушивались к мнению Василия Николаевича. Учились многому у него и командиры других отрядов.

С Никоновым (при создании бригады он стал командиром одного из ее отрядов) я воевал вместе до его героической гибели в марте 1943 года. После войны из писем и воспоминаний товарищей мы еще больше узнали о жизни этого замечательного человека.

Одногодок Никонова Михаил Петрович Груздев вспоминает:

«Вместе с Василием ходили мы в Конищевскую церковноприходскую школу. Учился он хорошо, любил читать. Книжки ему привозил отец из Кронштадта. Василий всегда нам рассказывал в ночном о том, что прочел в книгах. «Просвещал» нас по астрономии, когда

ребята спрашивали: почему звезды падают, кто их на небе зажигает?»

Павел Осипович Модин, племянник Никонова, рассказывает: «В середине двадцатых годов у нас на селе кулаки убили председателя волостного Совета Ефима Рогачева. Похороны его вылились в целую демонстрацию, а вот следствие велось плохо — убийц не нашли. Вскоре на побывку из армии приехал дядя. Василий Николаевич вмешался в дело, помог новому следователю, добился повторного вскрытия трупа. Кулаки-убийцы предстали перед судом и понесли заслуженную кару. А дядя, демобилизовавшись в 1925 году, пошел работать в уездную милицию».

Когда мы направлялись к линии фронта, Василий Николаевич послал письмо жене. В нем есть такие строки: «Говорят, что лучше быть вдовой героя, чем женой труса. Я с этим согласен. И если что со мной произойдет, Нинок, то знай, что я без пользы для Родины не погибну. Но будем надеяться на лучшее. Будем ждать желанного, радостного дня победы над врагом...»

И Никонов делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы приблизить его.

Буквально за сутки до нашего предполагаемого перехода линии фронта в распоряжение отряда прискакал связной от уполномоченного штаба 3-й ударной армии майора Штрахова и предупредил: из Великих Лук вышла крупная карательная часть. Нам рекомендовали боя не принимать, беречь боезапас, продвигаться к реке Ловати, чтобы не оказаться между передним краем и карателями. Сборы были недолги. На рассвете мы покинули Ушаково. Я послал на разведку Гавриила Павлова и Рэма Кардаша в деревню Чернушки, где базировался крупный партизанский отряд. Вскоре они вернулись. Кардаш доложил:

— Товарищ командир, деревня пуста.

— Как пуста?

— Точно, товарищ командир, ни партизан, ни жителей. Только... — Рэм замялся.

— Что только?

— В каждой хате печки теплые, а в них котлы.

Я посмотрел на смеющегося Павлова и, улыбаясь, спросил:

— И в котлы заглянули?

— Заглянули, товарищ командир. Обнаружили тушеную картошку с мясом.

Мы решили исправить оплошность товарищей и не оставлять готовую снедь врагу. Выставив сторожевое охранение за деревенской околицей, я дал разрешение разойтись по хатам. Только окончили трапезу, как утреннюю тишину вспорола пулеметная очередь. За ней вторая, третья. Это Кардаш, Павлов, Сергей Смирнов и другие бойцы охранения ударили по карателям, подьехавшим на мотоциклах. Фашисты залегли, а наш отряд организованно, изредка отстреливаясь, отошел к густым кустам. Только когда к Чернушкам подошли танкетки, гитлеровцы решились преследовать нас, но мы уже к тому времени скрылись в большом болоте. При переходе через него нас, правда, обстреляли два фашистских самолета, но все обошлось благополучно.

Выждали еще несколько дней. Каратели ушли, и мы снова появились на исходных рубежах — в Ушакове. 24 июля двинулись к передовой линии противника. Вел нас председатель Брутовского сельсовета Локнянского района Александр Дмитриевич Смирнов. Первая попытка окончилась неудачей. За речкой, которую мы легко форсировали, начинался перелесок. Проводник и дозор вошли в него. И сразу выстрелы. Отряд залег. Больше ни звука. Минут через двадцать прибежал Алексей Андреев, старший дозора. Взволнованно доложил: — Засада там была. Проводника убили. Он одного полиция успел ухлопать, да и сам тут же погиб. Голову ему разнесло разрывной пулей.

Андреев не мог ошибиться или доложить неверно. В свои восемнадцать лет он уже успел несколько месяцев провоевать в местном партизанском отряде, был разведчиком в спецгруппе.

Я спросил у командиров взводов:

— Что будем делать?

Первым ответил Александр Трофимович Щербина:

— Подождем еще день-другой. Поищем новую лазейку.

— Стоит повременить, — поддержал Щербину Иванов.

И еще трое суток задержались мы в нейтральной зоне. Только в ночь на 27 июля между станцией Насва и полустанком Самолуково перебрались наконец через железную дорогу. Фашистам было не до нас. Накануне рога, в которой позже служил Александр Матросов, сделала лихую вылазку. Напуганный комендант Насвы стянул на станцию все силы. Образовались неохранные

мы подходы к железнодорожной насыпи. Кроме того, в эту ночь партизаны других отрядов вели огонь по гарнизонам гитлеровцев, расположенным на разъездах. Все это было нам на руку.

Не успели отойти и пяти километров от опасной зоны, как идущие впереди политрук взвода Иван Елисевиич Солнцев и боец Иван Смирнов передали: «Навстречу движется колонна, тоже напрямик кустами, человек сто».

— Неужели опять каратели? — спросил Кулеш.

— Ночью, по кустам? На гитлеровцев непохоже. Очевидно, наши, — предположил Никонов.

И все же я отдал приказание приготовиться к обороне. Мы были на гребне холма, они спускались в низину — преимущество оставалось за нами. Но тут раздался голоса. Быстро выяснилось: свои. Ко мне подошел командир в армейской форме, протянул руку:

— Гаврилов Алексей, командир партизанского отряда. Возвращаюсь в нейтралку. Имел задание побывать в Опочечком районе, но не пробился.

— Что так? — приблизился к нам Кулеш.

— Район до предела забит полевыми войсками. Все время отбивались от крупных подразделений карателей.

— А как в Пустошкинском? — спросил я.

— Чуть легче. Но будьте осторожны. За нами может быть хвост. Счастливо!

— И вам тоже!

На третьи сутки вышли в алушковские леса, памятные для меня и Кулеша по августу и октябрю сорок первого года. У небольшого озера разбили лагерь. Надо было прежде всего разведать обстановку. С этой целью в разные направления я отправил группы бойцов во главе с командирами и политруками взводов Николовым, Щербиной, Григорьевым, Крюковым. Остальные занялись оборудованием лагеря.

Разведчики потрудились основательно. Они выяснили, что в крупных населенных пунктах северной части Пустошкинского района — Алушкове, Поддубье, Щукине, Алоли, на станции Забелье — располагаются гарнизоны охранных войск численностью по 100—150 человек. В основном гарнизоны состояли из гитлеровцев, но есть подразделения австрийцев, а также изменников Родины — конных полицаев — «казаков». У населенных пунктов возведены доты, вырыты окопы, траншеи, некоторые из них обнесены проводочными заграждениями.

В Пустошке кроме постоянного гарнизона нередко базируются подразделения полевых войск, имеется крупное отделение тайной полевой полиции во главе с капитаном Вагнером и полковником Родэ.

В феврале в районе побывала рейдирующая бригада майора Литвиненко. Она разгромила несколько гарнизонов, совершила десяток диверсий на дорогах, расстреляла многих предателей. Но за минувшие полгода гитлеровцы усилили оккупационный режим. В округе не удалось обнаружить местных партизанских групп и отрядов, хотя жители и говорили нашим разведчикам, что иногда по почам видели вооруженных людей, проходивших через их деревни на запад. Очевидно, это были группы спецназначения.

— Ну что ж, Володя, малость подзадержимся здесь, — задумчиво произнес Андрей Семенович. — Обживать Алушковскую дачу придется по двум причинам. Во-первых, нужно поднять дух у населения, вывести его из состояния шока. Во-вторых...

— ...добыть боеприпасы, — продолжил я, — у нас их кот наплакал.

— Нет. Это тогда, в-третьих. А во-вторых, необходимо начать действовать. Вот послушай, что я тебе расскажу. Вчера незаметно подсел я после ужина к костру. Идет у ребят шумный разговор о перспективах отряда. И оказывается, не все так их представляют, как мы с тобой. Калдышкин прямо, например, сказал: «Без помощи других отрядов перебьют нас фашисты». Его поддержал Самуйлович, говорит: «Там, где много карателей, серьезного ущерба врагу не нанесем». А ведь оба не из трусливого десятка. Вот и давай думать, с чего начинать будем, чтобы бойцы все до одного поверили в успех нашего похода.

Кулеш вскоре ушел проверять посты, а я еще долго бродил по берегу лесного озера. К полуночи подул западный ветер. Был он не по-летнему сильный. Загудели могучие сосны. Ветер не сразу загнал меня в землянку. Я еще несколько минут с наслаждением слушал, как шумит лес.

На следующий день мы наметили план действий. В нем было три основных пункта: диверсия, разгром учреждений оккупационных властей, восстановление старых и установление новых связей с верными людьми из местного населения.

Первым взлетел на воздух мост через реку Алоль на

большаке Кудеверь — Пустошка. В диверсии участвовали Александр Козлов, Василий Иванов, Петр Воробьев, Лев Петровский, Максим Кошкин и Иван Иванов. Затем громыхнули взрывы вблизи железнодорожной станции. Забелье — еще двух больших мостов подсчитались оккупанты. Хотя толовых пашек у нас было мало, все же нам удалось подорвать в нескольких местах полотно железной дороги.

Удачно прошли и нападения на волостные управления. Начал Щербина. Взяв группу бойцов своего взвода, в том числе Калдышкина и Самуйловича, он посреди бела дня незаметно приблизился к дому, где находился старшина Ермоловской волости. Полицейские не успели схватиться за винтовки, как были обезоружены. Группа захватила три тонны зерна, приготовленного для отправки в Пустошку, более тонны соли. Соль была исключительно ценным трофеем, — за нее старшины и полицейские драли три шкуры с населения. Щербина и его бойцы уничтожили фашистских прихвостней, сожгли всю документацию волостного управления, часть зерна и соли роздали жителям, часть привезли в лагерь.

Такая же участь вскоре постигла Алушковскую, Крупшинскую, Бессоновскую и Юшковскую волости. Фашистские ставленники попритихли.

Пользуясь тем, что значительные силы гитлеровцев в августе вели бои с «красным десантом» (в бой против отрядов Арбузова в алольском лесу оккупанты бросили около 800 солдат), а нам пока что уделяли меньше внимания, мы активизировали диверсионную деятельность. Особенно рьяно занялись срывом продовольственных поставок для фашистской армии. В деревне Копотилово, недалеко от станции Забелье, работал крупный маслосыроизвод, куда доставлялось молоко из многих деревень. Кулеш, захватив с собой бойцов Степанова, Букина и Иванова, ночью отправился в Копотилово. Наши партизаны не только уничтожили заводское оборудование, но и пополнили продовольственные запасы отряда.

Кулеш рассказывал мне потом, как взмолился обезоруженный сторож маслосыроизвода.

— Товарищ начальник, — просил он, — дай, пожалуйста, записку, что вы меня силой оружия заставили не поднимать тревогу. Иначе мне несдобровать — засекут.

Комиссар вырвал из блокнота лист бумаги и написал оправдательный документ. И что же? Помогло. Начальник гражданской полиции Пустошки Шумский, в чье распоря-

женне был доставлен сторож, через трое суток отпустил крестьянина. Партизаны посмеивались:

— Знает, кот, что служит власти временной, вот и испугался комиссаровой записки.

— Побегут фрицы из города — придется у нашего комиссара справки брать, — дескать, не по своей вине драпают.

Оккупанты вскоре открыли новый завод на станции Забелье. Тогда мы стали делать ежедневные засады вблизи поселка и встречать подводы. Через несколько дней жители окрестных деревень прекратили сдачу молока и сметаны.

После этого решено было ликвидировать вражеские запасы фуража. Сдавали сено крестьяне весьма неохотно. Все же на Забельской базе скопилось его порядочно. Два местных паренька Владимир Буданов и Виктор Власов, пришедшие недавно к нам в отряд, взялись уничтожить стога. Смелчаки ночью пробрались на базу и термитными шарами подожгли сено. Иллюминация получилась превосходная. Все сено, приготовленное к отправке в действующую часть немецкой армии, сгорело.

В начале сентября Кулеш, собрав коммунистов, сказал, что настало время «пустить в ход нашу дальнюю артиллерию». Так комиссар называл агитаторов. Посоветовались и решили не только встречаться с верными людьми и проводить беседы с небольшими группами жителей, но и организовывать деревенские сходы. Первым пошел в деревню Черепяги с тремя коммунистами политрук взвода Крюков. Наступала ночь, а товарищи не возвращались. Мы стали уже беспокоиться: не нарвались ли они на засаду? Оказывается, сход затянулся допоздна.

В деревню агитаторы пришли под вечер. Поставили на околице охрану. Стали приглашать народ в самую просторную избу. Поначалу собирались неохотно, с опаской, но, увидев, что партизаны чувствуют себя по-хозяйски, перестали бояться. Позже подошли и парни, которым следовало быть в армии. Разговор начали пожилые бойцы-коммунисты Хрисанф Алексеевич Никитин и Василий Михайлович Астафьев.

Обращаясь к собравшимся, Никитин посмеиваясь сказал: «Что-то рано вы, мальцы, бородами заросли. Может, немца испугались? Или на фронт побоялись идти, за маткиной юбкой отсидеться хотели? Молчите? Ясно. Значит, живем по пословице: времена шатки — береги шапки. Ну берегите, берегите. Шапки-то останутся, а вот головы

вряд ли». Кто-то из парней не выдержал: «Чего там говорить — виноваты, да только вы, товарищи, лучше расскажите, как наши там...» И тут, точно запряду прорвало, посыпались вопросы. Далеко ли от Москвы фашистов отогнали? Где правительство наше находится? Правда ли, что в Ленинграде голод? Большой, хороший разговор получился. Долго не расходились. Маленькие ребятинки спали тут же на руках у матерей. Раздавались возгласы: «Всем поможем!», «Ждите пополнение!», «Предупредим, коли что».

Рассказывая об этом, Крюков посоветовал Кулешу:

— Только вот что, комиссар, к таким разговорам и специально готовиться не грех. А то не на всякий вопрос и ответить мы могли.

Андрей Семенович учел совет политрука и стал тщательно инструктировать наших агитаторов.

Сходы и беседы были проведены в 56 деревнях.

«Дальнобойная артиллерия» в сочетании с активными боевыми действиями дала хороший результат. Лед тронулся. Нас стали лучше встречать. Многие из крестьян помогали нам вести разведку, сообщали о предателях.

Как-то на одном из совещаний командиров встал вопрос о пополнении отряда. Раздался чей-то голос:

— Теперь это легко сделать. Есть желающие.

Слова попросил Никонов. Он рассуждал примерно так:

— Самое легкое нельзя считать самым хорошим. Да, верно, людей мы подрашгевелили. Но вот уйдем отсюда к Себежу — и гитлеровцы сразу же накажут, а скорее всего, расстреляют семьи наших новых товарищей. Значит, можно и должно пойти на хитрость.

И мы поступили так, как советовал старый коммунист. Днем в деревне Петраши появилась группа партизан под командованием Степанова и Николая Иванова. Наши товарищи стали заходить в дома и якобы искать людей, уклонившихся осенью сорок первого года от службы в Красной Армии. Заглянули и в дом учителя Слободского, который держал с нами связь еще в первый наш приход в алушковские леса. Леонтий Харитонович был дома. Ему связали руки и, толкая прикладами, вывели на улицу, где уже стояло несколько деревенских жителей. Спрашивают: «За что вы его?» Степанов отвечает: «Он в армии должен был служить. Дезертир».

В лесу, конечно, пути со Слободского сняли, и наша партизанская семья пополнилась еще одним смелым и честным человеком.

Отряд к тому времени насчитывал около сотни бойцов. И уже тогда в нем были люди разных национальностей.

— У нас дружная, многонациональная семья, — заметил как-то Андрей Семенович.

Малаховский, присутствовавший при этом, начал загибать пальцы:

— Семен Багрий — украинец, Максимилиан Кошкин — чуваш, я — русский.

Кулеш улыбнулся:

— Будут у нас, Эдуард Иосифович, и латыши, и эстонцы. Помни мое слово: и немцы появятся.

— Ну, насчет немцев... — пытался я высказать свое сомнение, но Кулеш парировал:

— Есть немцы — гитлеровцы, а есть и антифашисты.

Вскоре предсказание комиссара стало сбываться. Однажды солнечным утром, после боя, мы расположились в густом бору, недалеко от деревни Шаталово. Только вздремнули — тормозит начальник разведки:

— Вернулся с задания Петр Воробьев.

— Ну что? — недовольно пробурчал я. — Не могли без меня расспросить.

— Да вы поглядите, товарищ командир, с кем он пришел.

Воробьева окружало четыре десятка хорошо вооруженных людей. Это были эстонцы — партизаны, пробиравшиеся в родные края. Командовал ими лейтенант Тармо Тальви.

Встреча была радостной. Нас угостили настоящей мажоркой, поделились патронами, дали несколько свежих газет. Мы тоже старались не ударить в грязь лицом — приветили их, чем могли. Отряду эстонцев предстояло перейти хорошо охраняемое оккупантами шоссе Ленинград — Киев. Для сопровождения были выделены бойцы под командованием Щербины и Григорьева. Через сутки они вернулись, но не одни — с ними несколько эстонских товарищей.

— Где остальные? — тревожно спросил я Григорьева. — Что случилось?

Рассказ Алексея Григорьевича заставил насторожиться.

Отряд покинул лагерь, когда начало темнеть. Ночь была безветренная, лунная. Решили без привалов идти до рассвета. К деревне Голубово подходили лугом. С зарей поднялся сильный туман. Люди устали. До деревни оста-

валось всего несколько десятков метров — и тут случилось непредвиденное. Разведчики буквально наткнулись на пулеметный расчет. Бойцы не растерялись. Мирон Кириллов и Иван Смирнов бросились на пулеметчиков. В схватке с ними пришлось применить огнестрельное оружие. Пулемет бойцы захватили, но деревня вдруг ожила. Стрельбу открыли несколько огневых точек. Автоматы строчили из каждой хаты, каждого сарая. Оказывается, в Голубове фашисты сделали засаду большими силами. Не будь тумана, перебили бы всех. Отряд эстонцев разделился. Большинство, обойдя деревню, двинулось дальше, а наш взвод вместе с оставшимися эстонскими товарищами, вырвался из пекла, отстреливаясь, отступил огородами и вернулся в лагерь.

Четырех человек недосчитались мы после боя в Голубове. Были убиты Мейнхард Карк и Аугуст Каттай. Раненый боец Алексей Забовский, окруженный гитлеровцами, взорвал себя противотанковой гранатой. А потерявшего от раны сознание Николая Петрова фашисты захватили в плен. Позже от перебежчиков мы узнали судьбу Николая. Сподручные Вагнера подвергли его пыткам. Комсомолец мужественно перенес их. Фашисты расстреляли Петрова, распространив слух о поимке и казни «важного красного комиссара».

Я хорошо помню Николая. Высокий, по-военному подтянутый (родом из Осташкова), был он смелым бойцом, добрым товарищем.

Вскоре после боя в Голубове 12 эстонцев во главе с Иваном Юшевым продолжали путь в Эстонию. Позже мы узнали — все они погибли в боях с карателями.

Вернувшиеся с Григорьевым эстонские партизаны остались в нашем отряде. Освоились. Воевали. В конце 1942 года пять из них по состоянию здоровья были переброшены в советский тыл. До конца с нами сражались против фашистов Владимир Ряни, Николай Еремин, Каарел Салусте, Виктор Каменек, Вильгельм Антси, Николай Чертин, Леонход Каск, Василий Крайнов, Эльмар Каркмаа и Иван Калинин. Двое последних погибли в боях.

Особым уважением из эстонских товарищей пользовался у нас фельдшер Каарел Юханович Салусте. Звали его бойцы «доктор Карл Иванович». Многим он спас жизнь. И не одним партизанам, но и жителям белорусских сел, когда мы вместе с партизанами Белоруссии отстаивали Братский партизанский край.

«Доктор Карл Иванович» так же, как скальпелем, хорошо владел и автоматом, выходил на боевые задания.

В 1972 году я встретил Каарела Юхановича в добром здравии у кургана Дружбы. От него узнал о судьбе его земляков — партизан нашей бригады. После войны они вернулись в родную Эстонию. Виктор Каменек — председатель колхоза, Вильгельм Антси — строитель, Владимир Ряни — скотовод, Алексей Мятинг — работник издательства...

Конечно, засада в Голубове не была случайной. Гитлеровцы после большого боя с бригадой Арбузова в алольском лесу сумели вытеснить ее в Идрицкий, а затем в Невельский район и теперь сконцентрировали внимание на нашем отряде. Однако, не зная его сил, в лес сунуться боялись.

В такой обстановке мы с комиссаром приняли единственно правильное, как нам тогда казалось, решение: усилить диверсионную деятельность. Взрывчатки в отряде было мало, приходилось ее экономить. Блокировав подходы к деревянным мостам, партизаны накладывали на пролет сухую солому, валежник и поджигали. Так были уничтожены Плавский мост через реку Великую, мосты на дорогах Красное — Пустошка, Алушково — Забелье.

Почти каждую ночь уходили группы подрывников на железную дорогу — рвали рельсы на стыках. Делалось это теперь почти всегда, шутили бойцы, с «аккомпанементом». Оккупанты для охраны железной дороги летом и осенью сорок второго года стали привлекать жителей близлежащих деревень. Их расставляли на ночь на расстоянии метров двухсот друг от друга, вооружали пустыми жестяными банками или бидонами, в которые они должны были бить, заметив партизан. Солдаты же располагались в окнах или в будках. Достаточно было крикнуть или выстрелить, как сторожа начинали неистово трезвонить. Гитлеровцы выскакивали из укрытий и открывали беспорядочную стрельбу. «Звонари» разбежались, смолкала стрельба, — и партизаны принимались за дело.

Нашим успехам в значительной мере способствовала помощь людей, которых нам удалось привлечь к подпольной работе. Вдалеке от нашего лагеря, в деревне Усохи Алольского сельсовета, жил беспартийный колхозник Дмитрий Иванович Сергеенков. В прошлом питерский рабочий, которому довелось в годы революции видеть и слышать В. И. Ленина, Сергеенков всей душой был предан советской власти. Через Кулеша он передавал нам ценную

информацию о положении в Пустошке, об алольском гарнизоне, укрывал несколько раз комиссара.

Незаменимым человеком для партизан стал алушковский учитель Николай Михайлович Мицкевич, проживавший с семьей в деревне Забелевицы. Мицкевичи в районе поселились в 1925 году и все это время постоянно работали в Алушкове. Скромного, умного Николая Михайловича, заядлого рыболова и охотника, хорошо знали в округе. У него было немало добрых знакомых в других сельских Советах и в Пустошке. Все эти знакомства и связи использовал Мицкевич для сбора интересующих партизан сведений. Это от него мы получили списки старшин и полицейских, участвовавших в карательных выездах-налетах. Николай Михайлович помог нам создать агентурную разведку в пустошкинском гарнизоне, он же доставал для отрядов гранаты, патроны. И все это делалось под носом у врага, — через два двора от дома Мицкевичей располагался штаб воинской части.

Однажды жена Николая Михайловича хотела вынести из дома печную золу. Муж попросил: «Аня, не нужно это делать». Анна Федоровна опустила руку в золу и вытащила «лимонку». Ничего не сказала уже о многом догадавшаяся женщина, но с того часа у подпольщика появился в семье молчаливый и верный помощник.

Супруги Мицкевичи проявляли большую изобретательность в конспирации: патроны хранили в муке и крупе, записи о вражеском гарнизоне — в ножке стола.

И все же какой-то предатель, следивший за патриотами, что-то заметил. Через неделю после того, как наш отряд покинул алушковские места, в ночь на 27 сентября 1942 года, жандармы ворвались в дом Мицкевичей. Скрутив Николаю Михайловичу руки, они сбросили с кровати на пол его пятилетнюю больную дочку Валу и произвели повальный обыск. Обнаружить что-либо, говорившее о связях учителя с нами, фашистам не удалось. Мицкевичей увезли в Пустошку.

Последний раз Анна Федоровна видела мужа в тюремном коридоре. Надзиратели волокли Николая Михайловича с допроса. «Держись, Анна!» — пропел он окровавленными губами. Через несколько дней его расстреляли вместе с пустошкинским коммунистом Василием Филатовым. Спустя некоторое время опухшую от побоев и голода Анну Федоровну выпустили на свободу.

Родственница Филатова, находившаяся тогда в тюрьме, рассказала ей, что когда связанных проволокой людей вы-

водили на расстрел, Николай Михайлович успел крикнуть в окошко, где выдавали арестованным хлеб: «Прощайте, друзья! Прощай, семья!»

Стремясь собрать больше сведений об отряде, гитлеровцы попытались заслать к нам свою агентуру. Одна из таких попыток чуть не окончилась для нас трагически. Однажды Гавриил Павлов, Иван Смирнов и Александр Козлов задержали двух девушек, расспрашивавших в деревне про короткую дорогу к линии фронта. При допросе задержанные свое поведение объяснили просто: они разведчицы нашей армии, служили последнее время в офицерской столовой в Пустошке, а сейчас, выполнив задание, пробираются в советский тыл. Девушка постарше, высокая, стройная, сказала, что ее зовут Фаиной, родом она из Белоруссии. Другая разведчица назвалась Евгенией Алексеевой из деревни Пужакино. Проверить правдивость рассказанного мы не могли, — не было рации. Случайно к группе командиров, опрашивавших незнакомок, подошел партизан Петр Воробьев. Он узнал Алексееву, более того, девушка оказалась его родственницей. Неверие исчезло. Я распорядился оставить Фаину и Женю на двое суток в лагере, а потом переправить их через линию фронта с нашей группой.

В эти дни как раз и произошел «насильственный» привод в партизаны учителя Слободского. Леонтий Харитонович с большим юмором рассказывал вечером у костра, как были одурачены гитлеровские соглядатаи, находившиеся среди жителей Петрашей, когда его конвоировали по деревне. Наши гости вместе со всеми смеялись, слушая рассказ «партизана поневоле».

На третьи сутки шестеро человек покинули лагерь. Старшим группы шел пожилой калининец Петр Федоров. Он должен был передать в обком партии письменное донесение о действиях отряда во вражеском тылу. В группу входили трое наших заболевших товарищей, Фаина и Женя.

Минуло еще пять суток. Утром 5 сентября Кулеш поднялся необычайно рано. Накануне немножко подморозило. Погода была превосходная. Андрей Семенович, наслаждаясь утренней свежестью, неторопливо спускался с котелком в руке с возвышенности, на которой в кустах искусно был замаскирован штабной шалаш, к ручейку. Неожиданно он услышал приглушенную речь. Тихонько раздвинул кусты — к нашему лагерю двигалась цепочка солдат. Рядом с офицером, шепотом отдававшим команды,

шла высокая девушка в плаще с капюшоном. Кулеш метнулся к шалашам, скомандовал:

— В ружье! Фашисты!

Партизан в лагере было человек пятнадцать. Остальные находились в эту ночь на заданиях. Принимать открытый бой нам было невыгодно. Захватив оружие и вещевые мешки, мы быстро отошли в глубь леса. Одно показалось странным: заметив наши шалаша, солдаты громко говорили по-русски и открыли сильный автоматный огонь по лагерю не сразу, а словно убедившись, что нас уже нет.

Когда гитлеровцы ушли и отряд вновь собрался в полном составе, ко мне подошел Кулеш. Был он чем-то обеспокоен, нервничал:

— Знаешь, командир, не в силах я отогнать от себя одну мысль. Прилипчивая какая-то, с утра тревожит. Мне показалось, Володя, что девушка, бывшая с карателями, похожа на Фаину.

Я от удивления даже присвистнул:

— Стало быть, группа Федорова погибла?

— Это необязательно. Шпионка могла запросто исчезнуть на переходе. Да потом, я могу и ошибиться. И все-таки! Никто, не побывав в лагере лично, не мог бы так точно и незаметно провести к шалашам гитлеровцев. Ну да это мы еще выясним.

— Положим, немцев была горсточка, — горько усмехнулся я, — основную же массу нападавших составляли те, кто продался гитлеровцам за похлебку.

— Но ведь они-то, командир, вольно или невольно сохранили замысел гитлеровцев, хотевших внезапно ударить по лагерю.

— Да, шумели они перед стрельбой основательно.

Комиссар улыбнулся:

— Думаю, что здесь сказалось влияние нашей агитации.

Мы знали, что фашисты специально в районы с преимущественно русским населением посылали подразделения охранных войск, состоявшие из татар, эстонцев, украинцев и представителей других национальностей. Так, в алушковском гарнизоне больше половины солдат были эстонцами, в Забелье находилось много поляков, в Поддубье стояли украинские «казаки». Через разведчиков и подпольщиков мы направляли им письма, листовки. Наши послания были немногословными. В них мы рассказывали о действительном положении на фронте, призывали солдат

уничтожать офицеров-гитлеровцев и с оружием в руках переходить к нам, гарантировали жизнь с условием, что они, сражаясь в наших рядах, заслужат прощение Родины.

Письма в гарнизонах читали, посланцев партизан не трогали, но пока перебежчиков не было. Поведение же солдат при нападении на лагерь показало, что наши звания находят отклик. И мы решили действовать в этом направлении активнее. Вблизи поддубского гарнизона, в деревне Шаталово, жил красноармеец, раненный в ноги. Он хорошо обосновался в деревне и обещал помочь проникнуть в Поддубье нашим товарищам. Я предложил Кулешу:

— Пошлем девушек под видом беженок.

— А почему девушек?

— Им сподручнее обживаться. У большинства наших парней возраст призывной. Скорее вызовут подозрение.

Комиссар согласился. Договорились — о задании никому ни слова. Девушек в отряде было немного, но каждая из них: и Таня Суругина, и Катя Вознюк, и Таня Ермакова, и Лида Смирнова, и Мария Королихина, и Рая Кулагина, и Лида Букашкина сумели за короткий срок заслужить уважение товарищей по оружию. Выбор пал на Катю Вознюк. Она уже ходила в разведку, проявив при этом завидную находчивость и выдержку. До войны девушка работала в одной из школ Овинищенского района Калининской области. Вечером 8 сентября я вызвал Катю на беседу. Узнав наш план, она сразу дала согласие идти в гарнизон, но попросила:

— А нельзя ли, товарищ командир, вдвоем пойти? Одной не то что страшно, а как-то неловко. С подружкой легче и на вечеринке у солдат появиться, и знакомства с ними заводить.

— Согласен. А с кем бы ты пошла?

— С Марусей Королихиной.

Мне понравилось, что Вознюк, не задумываясь, назвала имя напарницы. Значит, знала, кто может быть верным товарищем. Нам была известна история ухода Королихиной в партизаны. Узнав, что секретарь Завидовского райкома партии Григорий Григорьевич Андреев вызвал к себе комсомольцев, отобранных для работы во вражеском тылу, Маруся попросила послать и ее. Из семьи Королихиных двое уже сражались на фронте, в партизанский отряд уходила сестра Маруси — Татьяна. Члены бюро попытались отговорить девушку, но та решительно шагнула

к столу и сказала: «Все равно уйду и я. Лучше пошлите. Очень прошу». Коммунисты вняли «ультиматуму-просьбе» восемнадцатилетней комсомолки. Марию и Татьяну направили на курсы в Кимры.

До сентября сестры Королихины были вместе. Но потом Татьяна заболела, и я отправил ее в советский тыл в группе Федорова.

Марусю в отряде любили. Это была веселая, очень подвижная голубоглазая девушка. У партизанского костра не раз звучал ее звонкий голосок:

Эх, малинушка, малина,
Ягодка медовая.
Крепко чешут немцам спины
Пареньки бедовые.

На следующий день Кулеш и я тщательно проинструктировали разведчиц, условились о связи. Ранним утром 10 сентября они ушли из лагеря. На опушке леса в копне сена девушки оставили гимнастерки и сапоги, надели старые туфли, простенькие вязаные кофточки и направились в Шаталово. Но только Катя и Маруся вышли на большак, как неожиданно из-за поворота показали всадники и телега с вооруженными людьми. Прятаться было поздно, и разведчицы неторопливо продолжали путь. Поравнявшись с ними, один из всадников окликнул:

— Красавицы, куда так рано идете?

— Женихов ищем, — шутливо ответила Вознюк.

«Казак» отстал, но офицер, командовавший группой, подъехал к разведчицам и потребовал документы.

— Беженки мы, — пыталась отговориться Катя, — была справка, и ту в Забелье забрали.

— Молчать! — крикнул гитлеровец и приказал посадить девушек на телегу.

«Казак» повернули назад. Когда проезжали мимо густых кустов, Катя толкнула возницу, спрыгнула в кювет, крикнув:

— Бежим, Муся!

В руке у разведчицы сверкнула граната. Секунда, — и она метнула ее под ноги офицеру, схватившемуся за маузер... Спаслись бы девушки, но граната не взорвалась. Пуля фашиста сразила Вознюк насмерть. В Королихину мертвой хваткой вцепился полицай.

— Русская сволочь, куда шла? — подступил к связанной вожжами Марусе офицер. — Отвечай!

Терять теперь было нечего. Королихина поднялась с земли и обратилась к столпившимся около нее «казакам»:

— К вам шла, в гарнизон. Шла, чтобы сказать: уходите в лес, пока не поздно. Стыдно холоуями фашистскими быть.

Гитлеровец наотмашь ударил Мусю...

Все это мы узнали спустя несколько дней. 13 сентября в отряд вернулись наши разведчики Николай Иванов, Крюков и Суругина. Николай рассказал:

— Вчера стали мы подходить к деревне Харайлово. Видим — у крайнего дома несколько солдат с крестьянами разговаривают. Рядом стоят оседланные лошади. Это нам показалось странным. Не слышно, как обычно, криков, стрельбы. Залегли. Ждем. Мимо нас прошла женщина. Остановили. Михаил Иванович спрашивает: «Много карателей в деревне?» Крестьянка отвечает: «Это не каратели, а «казаки». Бежали из Поддубья. Ищут партизан», Крюков попросил женщину вернуться и предложить одному из перебежчиков прийти на кладбище без оружия для переговоров. Вскоре «казак» пришел. Мы договорились о встрече и пошли в наш лагерь.

Через день Кулеш и я в присутствии командиров и политруков взводов допрашивали Петра Лопатина, назвавшегося старшим группы. Рассказ его был коротким и искренним. Попал в плен. Бежать из концлагеря не мог: очень ослаб от голода. Весной сорок второго согласился пойти служить в охранные войска. Мысль о явке с повинной ни на минуту не покидала. Когда в казарме появились партизанские письма, решил действовать. В это время фашисты организовали нападение на наш лагерь, месторасположение которого хорошо знала агент тайной полиции по кличке Фаина. Шумом Лопатин и его товарищи выдали себя, во время атаки стреляли вверх. В ночь на 13 сентября убили трех офицеров-гитлеровцев и попытались поднять весь гарнизон на восстание. Большинство «казаков» заявили, что будут в одиночку переходить линию фронта. Переодевшись в гражданскую одежду, они разбежались. Петр Лопатин, Федор Нямяко, Иосиф Столяр, Петр Гуменюк, Винник и другие — всего тринадцать человек — направились разыскивать партизан.

— Вот мы и встретились, — заканчивая свой рассказ, сказал Лопатин.

Допросили остальных. Убедились, что они понимают свою вину. Посоветовались. Поспорили. Победила точка зрения Никонова, высказавшегося весьма определенно:

— Пришли с оружием. Фашистов убили. Вину чисто-сердечно признали. Накажем — поступим против совести, да и других отпугнем. Пусть воюют рядом с нами, а жизнь покажет, чего стоит их раскаяние.

Наши дальнейшие бои и походы подтвердили правоту старого коммуниста. Бывшие «казаки» заслужили право носить партизанское звание.

В тот день они показали место гибели Вознюк. Мы похоронили Катю. Спустя четверть века с помощью десятиклассниц Пустошкинской средней школы Зины Храбровой и Дуси Ивановой удалось разыскать могилу разведчицы. В 1968 году труженики совхоза «Поддубье» перенесли ее останки в центр села.

А о мужественном поведении Маруси Королихиной мы узнали от жены Слободского, которая была арестована в связи с доносом Фаины. Сидела Слободская в общей камере, а за тонкой дощатой перегородкой, в одиночке, томилась Королихина. После одного из допросов избитая Маруся сильно стонала. Женщины стали ее спрашивать, кто она и за что брошена в тюрьму. Маруся сказала, что ее пытали, предлагают пойти на службу в жандармерию, но она лучше погибнет, чем попросит милости у врагов. Слободскую через три недели направили в лагерь, а оттуда спустя месяц выпустили. Все это время у дома ее отца в деревне Петраши гитлеровцы устраивали засады, ожидая прихода партизан.

В последние годы из документов архива и из следственных дел осужденных в Пустошке фашистских прихвостней Шумского, Иванова, Алексева и Петушко удалось узнать о судьбе Королихиной. Ее подолгу мучил на допросах капитан Вагнер, избивал многоконцевой плеткой, прижигал грудь дымящейся сигарой. Допрашивал дважды Марусю и шеф ГФП оберст Родэ. Разговаривал он ласково, «жалел» молодость Маруси, приводил в пример Фаину, предлагал разведчице «переменить хвояпа». Полицию особенно интересовали наши связи с местным населением, «явки комиссара Кулеша».

Маруся осталась верна долгу и партизанской клятве. На рассвете ясного октябряского дня 1942 года автоматная очередь оборвала жизнь молодой советской патриотки. Расстреляли Королихину в роще у бывшей машинно-тракторной станции.

Эта роща в годы оккупации стала страшным местом, где почти каждую ночь звучали глухие выстрелы. Здесь были расстреляны 65 красноармейцев и командиров Красной Армии, захваченных ранеными в плен в одном из боев у границы. Здесь же от рук гитлеровцев погибли более тридцати учащихся ремесленного училища. Как они попали в Пустошку, неизвестно. Вся «вина» подростков заключалась в том, что были они в форме ремесленников и пришли в город... строем. Фашисты схватили ребят и в тот же день расстреляли. В роще были казнены подпольщики — учителя Татьяна Птичкина и Николай Мицкевич, чекист Иван Петров, советские активисты Мусайникова, Юринов, Валентина и Василий Филатовы и многие другие...

В день 25-летия Победы на месте расстрела патриотов пустошане воздвигли памятник.

О них, мужественных и преданных, можно сказать словами поэта Александра Решетова:

...Вы стойкостью не изумляли,
быть может, лишь гранита твердь.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

...Разведка группы Крюкова в направлении Себежа была удачной. От крестьян партизаны узнали, что в районе маленькими группами действуют военнослужащие, оставшиеся на оккупированной территории в силу ряда обстоятельств. Об одной из таких групп сказал разведчикам дорожный мастер Егоров из деревни Жарково.

— Мы попытались найти ее, — рассказывал мне и Кулешу Крюков. — Пошли по лесной дороге и вскоре заметили следы в сторону, к болоту. Добрались до него. Следы исчезли. Тут я обратил внимание на покоробленную кору на березе. Очевидно, дерево стигали, перепрыгивая через воду. Сделали это и мы. Опять обнаружили след. Вышли на сухой бугор. Внизу у ручейка валялся разбитый жбан, рядом — кусочек мыла. Решили — значит, есть здесь люди. Еще раз осмотрели все вокруг себя. Заметили резаный дерн. Подняли его, а там лаз в землянку. В ней оказалось два человека. После некоторых переговоров они пустили нас к себе. Назвались Савельевым и Батановым. Сказали, что два их товарища ушли в деревню, все они — «окруженцы».

— Вооружены? — спросил Кулеш.

— Да. И основательно.

— Вооружены — и отсиживаются на болоте?

— Нет, Андрей Семенович, — улыбнулся Крюков, — ребята боевые — устраивают засады на дорогах.

— Это дело! — обрадовался комиссар. — Вот такие хлопцы и пополнят наши ряды в ближайшее время.

В Себежский район первым ушел Кулеш с частью отряда. К этому времени за счет пополнения мы уже создали третий взвод (командир Малаховский, политрук Волисов). Кулеш ушел со взводами Щербины и Малаховского. По дороге в Себежский район в алольских лесах взвод Малаховского пополнился за счет четырех красноармейцев, бежавших из плена. Старший четверки Анатолий Николаевич Николаев рассказал:

«Войну я встретил в Риге. Служил в войсках НКВД. Под Лугой попал в окружение, а после ранения — в плен. Лагерь в Пскове, Идрице... И наконец на торфоразработках познакомился с Григорием Токаревым, Иваном Обуховым, Василием Лескуновым, такими же военнопленными. До нас дошли слухи о крупных боях партизан под Идрицей. Решили бежать. Убили конвой, захватили оружие и вот нашли вас».

Николаев до июля 1944 года командовал в четвертой бригаде взводом разведки, затем воевал на 2-м Прибалтийском фронте.

Спустя неделю после ухода Кулеша, в Себежский район перебрался и я со взводом Никонова. Свое появление отряд ознаменовал тремя операциями.

Первая была без выстрелов, без крови. В деревне Липняги проживала некая Полина Васильева. Эта разбитная молодка не привыкла задумываться над своими поступками, жила по принципу «пей, гуляй да деньги наживай». К ней за самогонкой повадился ходить заместитель немецкого коменданта железнодорожной станции Заваруйка по имени Альфред. Узнав об этом от местных жителей, политрук Григорьев поручил Петру Воробьеву и Максиму Кошкину поймать гитлеровца. Поздним вечером трясущийся от страха ухажер самогонщицы был доставлен в штаб отряда. На все наши вопросы он отвечал быстро и многословно.

В ту ночь взвод Щербины совершил налет на небольшой охранный гарнизон в Дубровке. Гарнизон «приказал долго жить». В этом бою отличился Степан Федорович Бумаков, уничтоживший семь гитлеровцев. А через несколько дней партизаны из взвода Малаховского устроили засаду у железнодорожного полотна. Ждать пришлось недолго. Вскоре из-за поворота дороги показалась дрезина с боеприпасами. Подпустив ее поближе, партизаны кинжальным огнем уничтожили десять гитлеровцев, захватили оружие, гранаты, патроны. Рассказывая мне про эту операцию, довольный Андрей Семенович сказал:

— Воевать научились — это факт, но главное, мне думается, в другом.

— В чем же? — заинтересовался я.

— Для фашистов дрезина и десятков солдат — потеря небольшая. А вот для местных партизанских группок это добрый сигнал. Видимо, пришел крупный отряд в район,

раз за «железку» взялся. Значит, он сила. Значит, хватит по землянкам ютиться, надо идти в отряд.

Это было правильно.

Однако первыми к нам заявили... гитлеровцы. Около батальона карателей в сопровождении проводницы — предательницы Аничкиной — ранним утром попытались незаметно войти в лес. Фашисты приблизились к сторожевому посту, оставленному нами на подходе к бывшему нашему биваку (накануне, как будто предчувствуя недоброе, мы сменили место стоянки). Часовые Агапов и Рая Кулагина сделали несколько выстрелов. Каратели залегли и открыли огонь. Агапов был ранен, но с помощью не растерявшейся Раи укрылся в лесной чащобе. Гитлеровцы атаковали... пустые шалаши.

Коменданты Себежа и крупного железнодорожного узла Идрицы предприняли против партизан и другие действия: был усилен гарнизон Заваруйки, начались вырубki леса и кустарников в полосе от 100 до 200 метров вдоль полотна железной дороги. Новое, хорошо вооруженное подразделение охранных войск обосновалось в Дубровке.

А у нас в это время проходили встречи с местными партизанскими группами. В деревне Боброво старостой был наш человек, бывший председатель колхоза Кирилл Максимович Чечуев. Он обещал связать нас с группой Малиновского, действовавшей поблизости. Вместе с Николаем Ивановым и моим ординарцем Сергеем Смирновым я направился на встречу днем. Дом Чечуева был удобен для свидания — стоял на окраине деревни.

В разговорах с Кириллом Максимовичем незаметно протекло часа три. Когда стало темнеть, наблюдавший из окна Смирнов доложил:

— К деревне подходят несколько вооруженных людей, устанавливают в укрытии пулемет, один человек направляется к нашему дому.

— Чертяки, делают всё умненько, — уважительно заметил Чечуев.

Я предложил:

— Выйдем из помещения.

На улице высокий, крепкого телосложения молодой человек в кожаном пальто, с винтовкой за плечами и пистолетом на боку, подошел ко мне и по-военному четко откомендовался:

— Козлов Семён, представитель партизанской группы.

— Марго Владимир Иванович, командир партизанского

отряда, — ответил я. — Наш отряд прибыл из советского тыла с заданием Калининского обкома партии объединить всех патриотов края для борьбы с оккупантами.

— Мы тут тоже без дела не сидим.

В голосе Козлова прозвучали обидчивые нотки. Как никак, а с объединением утрачивалась самостоятельность действий, к которой за все семь месяцев окруженцы-партизаны привыкли. На территории района в первую военную зиму не было ни крупного партизанского отряда, ни подпольного райкома партии, ни спецгрупп, заброшенных из советского тыла. Воевать группой в несколько человек, когда не знаешь, что делается на белом свете, а фашистская пропаганда трубит на все лады об отступлении Красной Армии за Волгу, могли только люди большого гражданского долга и непоколебимого мужества.

— Это мы знаем, — ответил я. — Но наши задачи сейчас шире. Нужно действовать не разрозненно. Предлагаю вашей группе влиться в отряд.

— Хорошо. Я доложу старшему лейтенанту Володину. Если не возражаете, встретимся завтра под вечер в деревне Лиственке.

Договорились.

Между тем к нам подошли товарищи Козлова — бойцы Александр Куклев, Андрей Никитин и Александр Вахрушев. Они несколько недоуменно поглядывали на наши автоматы. Наконец Никитин, не выдержав, спросил:

— Отечественные?

— А вы что, еще не видели? — удивился Николай Иванов. — Наши, отечественные, ППП прозываются. Не слышали?

— Не приходилось. А посмотреть можно?

— Своим, конечно, можно, — Николай протянул оружие, — машинка безотказная. Не горюйте, и у вас такие же будут.

На встречу в Лиственку (деревня эта Опочецкого района, расположена у границы с Себежским) старший лейтенант Володин пришел в точно назначенное время. С ним были Анатолий Голубев, Иван Малиновский и еще несколько человек.

В начале разговор не клеился. Но вот в него вмешался голубоглазый парень.

— А вы точно — Марго, до войны учителями командовали (так он определял по военному образцу пост за-

ведующего роно) и к нам в Аф. Слободскую школу приезжали. Я там семь классов окончил.

— Ну вот, наш Иван признал свое школьное начальство, — улыбнулся Володин и представил мне парня. — Это Малиновский, наш полпред среди местных жителей.

— Как воюется? — спросил я Ивана.

— Воюем понемножку. Вот недавно на шоссе Опочка — Себеж легковую машину подбили. На ней какой-то крупный инженер из штаба армии ехал. Это мы после узнали. А тогда, жаль, трофеями не попользовались. Подскочили два грузовика с фрицами.

Завязалась беседа. Александр Степанович Володин дал ей сразу же правильное направление:

— Вы — отряд, мы — группа, — сказал он. — С вами представители партийной власти. Значит, нам и рассказывать, кто мы и что мы. Начну с себя. Родом из Калининской области, в прошлом учитель. Войну встретил в должности начальника штаба полка. В июле сорок первого отступал с боями. У реки Сороти разбила нас фашисты. Попал с группой в окружение. Пытались пробиться к своим — не получилось. Рассредоточились по деревням. Мне понравилось в Себежском районе: народ здесь хороший, местность пересеченная, лесов порядочно — партизанить можно. Осенью завел знакомства с такими же, как и сам. Начали собирать оружие. В феврале этого года ушел с товарищами в лес. Командиром группы избрали меня, ребята дали партизанскую кличку «Федор Иванович», а зовут нашу группу в окрестных деревнях группой Малиновского. Иван — здешний, его тут многие знают. Летом к нам присоединилась группа Голубева.

— А я из Ленинградской области, — начал свой рассказ Анатолий Михайлович Голубев, — лет мне от роду двадцать три. Родился в семье фельдшера и стал таковым. Правда, окончил еще курсы санитарных врачей.

Я не утерпел, перебил:

— Самая подходящая для нас специальность. Врачей в отряде — кот наплакал.

— Он ее, пожалуй, уже и позабыл, — вмешался в разговор Малиновский, — ему не скальпель, а автомат теперь подавай. Весной от полицаяв десять военнопленных отбил, одного охранника живьем приволок.

Голубев смутился:

— Разное бывало. Спустя месяц и нас каратели настигли и изрядно потрепали. Спаслись лишь трое — я,

Степан Барабанов и Андрей Никитин. Ранеными были, но вырвались из фашистских лап. А потом повстречали группу Кости Никифорова, где были Семен Козлов, Александр Вахрушев, Александр Голубятников и Иван Малиновский. Теперь все у Володиной в группе.

Я спросил:

— Вы не договорили — в армии в качестве кого служили?

— Был врачом батальона двести первой воздушно-десантной бригады. Потом окружение под Режицей. А дальше вам известно.

— Не видать тебе, Толя, автомата как своих ушей, — засмеялся Володин, — быть тебе опять врачом, раз начальство так настойчиво добирается до твоей специальности.

Военные знания, привычка к дисциплине бывших красноармейцев и командиров сыграли немалую роль в становлении нашей бригады.

Семен Сергеевич Козлов, с которым я впервые встретился в деревне Боброво, вскоре стал у нас командиром взвода. Он рассказал, что в начале войны в одном из боев был контужен и попал в плен. Оттуда бежал, разыскал партизан, с апреля 1942 года воевал в группе Володиной.

Политрук взвода Василий Иванович Исаков, отважный и мужественный партизан, вспоминая своего командира пишет:

«В нашем взводе чувствовалась настоящая военная дисциплина. Козлов требовал, чтобы партизаны были похожи на советских солдат, хотя форма одежды у нас и разная. Его личное поведение в бою и в обычной жизни было для нас примером. Взвод наш состоял из одной молодежи, и это заслуга Семена Сергеевича, что мы не отставали и в бою, и в разведке, и в диверсионных делах от бывалых партизан. На привалах, нередко в лагере — у партизанского костра или в землянке, Козлов рассказывал нам о Ленинграде, уроженцем которого он был, советовал всем нам после этой страшной войны и победы над врагом (в том, что она придет, он никогда не сомневался) побывать в городе Ленина, посетить Эрмитаж, Петропавловскую крепость, побродить по ленинградским паркам. Хорошо, душевно рассказывал... Знал наш командир цену жизни, любил ее и до последнего дыхания защищал от темных сил...»

В отряде хорошо приняли новых товарищей. К слову сказать, Володин не ошибся — Анатолию Михайловичу Голубеву пришлось полностью вернуться к прежней профессии: в декабре 1942 года он стал начальником партизанского госпиталя, а в августе 1943 года возглавил всю санитарную службу бригады.

Население поддерживало группу Володиной, и в этом была большая заслуга Ивана Малиновского — первого комсомольца из местных жителей в рядах партизан. Энергичный, смелый парень, он с первых дней оккупации, где только мог, выступал против порядков, устанавливаемых гитлеровцами, помогал красноармейцам, бежавшим из плена, устраиваться жить у крестьян, как говорили тогда, «уходить в примачи».

До войны Иван работал избачом. Обаятельный, жизнерадостный, он быстро оброс активом и пользовался авторитетом не только среди молодежи, он и у пожилых людей. Не мудрено, что вскоре от землянки группы Володиной протянулись незримые нити к многим крестьянским хатам. Через Малиновского Володин установил связь с группами Леонова и Конопаткина.

В ясный и теплый день недалеко от деревни Ровняги должна была состояться встреча с другой крупной группой местных партизан. Командовал ею окруженец Иван Леонов. Мы с Кулешом знали, что в этой группе находился Федосий Алексеевич Кривонос, об объединении надеялись договориться быстро и поэтому предварительных переговоров не вели.

Пока ждали встречи, вспомнили наше горькое расставание в сорок первом... Да, сколько бы впереди нас ни ждало еще испытаний и невзгод, а все же самое тяжелое было позади. Мы снова вернулись туда, где начинали войну. И отсюда не уйдем. Не позволит честь наша партизанская и память о товарищах, замученных и расстрелянных...

На проселочной дороге показалась цепочка вооруженных людей. Впереди в неизменной кожанке шел Кривонос. Обнялись. Федосий Алексеевич представил своих новых товарищей. В этом отряде комиссаром был Борис Иванович Васильев. Родился он на берегах Невы, но считал себя коренным себежанином. Еще до революции его родители переехали в деревню Гришманы, да так и остались в этих местах. Васильев учился, а потом работал в Томсинском сельсовете. Оттуда ушел в армию. Отслужив, вернулся в родные края. Я раньше не был знаком

с ним, но Кулеш его знал,— Борис Иванович накануне войны вступил в партию.

В дни, когда вражеские полки двигались к старой латвийской границе, Васильев был бойцом истребительной группы Томсинского сельского Совета. Ему была поручена эвакуация скота. Часть стада удалось отправить в восточные районы области. Что делать самому — не знал. Зашел спросить у секретаря парторганизации, но тот растерялся и ничего толком посоветовать не смог. Васильев на некоторое время затаился, но догадался прихватить с собой из здания сельсовета приемник марки «Колхозник».

Кто-то из знакомых парней сказал Борису Ивановичу, что в деревню Бакланицу заходят красноармейцы, оставшиеся на оккупированной территории. Он не замедлил туда отправиться. На вечеринке познакомился с Иваном Леоновым и Борисом Анохиным. Общий язык нашли сразу. На первых порах собирали листовки, сброшенные с советских самолетов, и разносили их по окрестным деревням, зимой ушли в лес. Обосновались в сарае бывшего хутора недалеко от деревни Ключово и стали активно действовать.

В дневнике боевых дел командира группы за февраль 1942 года отмечены следующие операции:

2 февраля. Собрано 200 советских листовок, сброшенных с самолета. Распространены среди населения.

7 февраля. Произведено развинчивание рельсов на железной дороге Себеж — Идрица, в районе деревни Сивцево. В результате произошло крушение поезда с продовольствием и боеприпасами. Паровоз сгорел.

11 февраля. На шоссе Себеж — Опочка, в районе деревни Речки, сожжен мост.

19 февраля. На большаке Себеж — Томсино, в районе деревни Гаспорово, сделана засада. В бою убито три полицейских.

25 февраля. На шоссе Опочка — Себеж, между деревнями Прихабы и Дубровка, уничтожена телефонная связь на протяжении 4000 метров — спилены столбы и порублена проволока.

Земля слухом полнится. О группе Леонова — Васильева узнали вышедшие из окружения и бежавшие из плена красноармейцы. В марте в группе было уже 18 бойцов. Узнал о группе и предатель — некто Крюковский. Он сообщил командиру карательного отряда, что раненый партизан Сергей Калинин находится в деревне Боброво

в семье Гусевых. Гитлеровцы бросились туда. Сергей отстреливался из пистолета, убил овчарку и двух фашистов. Последнюю пулю приберег для себя.

На другой день каратели опять явились в Боброво: расстреляли восемнадцатилетнюю Валу Гусеву. Дом Гусевых сожгли. Был уничтожен и сарай, где укрывались партизаны.

Группе удалось уйти, и она продолжала действовать. Вот перечень ее боевых дел за май:

7 мая. Сожжен Кольхновский маслосыроизовод Опоचेцкого района.

15 мая. Разбит маслосыроизовод в деревне Борисенки Себежского района.

19 мая. На шоссе Идрица — Мозули сожжен мост через реку Веть в районе хутора Рыбница.

20 мая. Сожжен мост на шоссе Опочка — Себеж вблизи деревни Лавищи.

27 мая. Пойман и расстрелян предатель — старшина Дубровской волости Крюковский.

В июне группе Леонова удалось совершить крупную диверсию на железной дороге. В районе деревни Посино партизаны спустили под откос эшелон, направлявшийся к фронту с живой силой. Было разбито несколько десятков вагонов, погибло много гитлеровцев.

К нам группа пришла в составе двадцати одного бойца. Из местных жителей кроме Васильева в ней был комсомолец Евгений Целицо, сын учителя, и еще два-три человека. На вооружении они имели два ручных пулемета и один станковый, двадцать пять винтовок.

Васильев и Леонов привели группу в деревню Горюшино, где базировался тогда наш отряд.

— А накормишь такую ораву? — спросил Кривонос.

— Накормить, быть может, не накормим, а поесть найдется.

В этот вечер Федосий Алексеевич рассказал о своих мытарствах в себежских лесах. С большим трудом со спецгруппой Тимофеева он добрался до Идрицкого района. После непродолжительного отдыха вместе с Василием Рыбаковым отправился в Себежский. В это время фашисты обнаружили группу Тимофеева и почти полностью ее уничтожили. Кривонос с Рыбаковым остались зимовать в северной части Себежского района, встречались с коммунистами Михаилом Никифоровым, Михаилом Легкобитом, Алексеем Сергеевко, Пименом Прокофьевым, Иваном Зуевым, Иваном Пановым, с их помощью вели

индивидуальную работу с жителями деревень, переходя из одной в другую. В марте сорок второго узнали о появлении в районе одного из отрядов рейдирующей бригады партизан майора Литвиненко, но связаться с ним не удалось. Весной Федосий Алексеевич встретился с небольшой партизанской группой пограничника Конопаткина; летом она влилась в группу Леонова.

Когда спустя несколько дней я рассказал комиссару о новом пополнении, Андрей Семенович решил сразу:

— Вызывай своего Малиновского. Быть ему моим помощником по комсомолу.

Иван поначалу отказывался:

— Я ведь толком обстановку сейчас не знаю, — говорил он нам, — газеты месяцами не читаю. Я уже лучше с автоматом. Дело привычное.

— С автоматом по лесам да по дорогам шастать теперь не ахти какое хитрое дело, — сказал, насупившись, присутствовавший при нашем разговоре Кривонос, — а вот взять на учет всех подростков-комсомольцев, объединить их разрозненные усилия в борьбе с фашистами в единое русло — это посложнее.

И надо сказать, что это задание Иван Малиновский с помощью коммунистов-партизан выполнил превосходно. Он был вездесущ. Бесстрашно появлялся в населенных пунктах, где гитлеровцы держали гарнизоны, и вербовал для разведки парней и девчат. Ребятам постарше направлял партизанить. Косарев, Целицо, Исаков, Малофеев, Шилов, Голубев, Цыганков — всех «крестников» Ивана сейчас и припомнить трудно. Были это отчаянно смелые люди.

Много добрых дел совершили Малиновский и его ближайшие помощники. Это они сорвали угон девушек района в Германию. Из 295 человек, вызванных в Себеж на регистрацию и доставленных под охраной полицаем, по пути на станцию (от города до нее 3 километра) 230 исчезли и попали в партизанскую зону.

Горячее комсомольское слово теперь все чаще и чаще звучало в деревнях. Бывало так: стоит в населенном пункте воинская часть фашистов, а в соседней деревне наши комсомольцы рассказывают на собраниях жителей содержание доклада товарища Сталина, читают последние сводки Совинформбюро.

Рос и боевой счет комсомольского вожака. После разведки Малиновского и с его участием был спущен под откос железнодорожный эшелон на перегоне Идри-

ца — Себеж. Состав шел к линии фронта, вез автомобили.

Не раз выступал Иван и в роли проводника — уводил под носом у карателей наши подразделения на новые места базирования. В разгар борьбы Ивана постигло горе — фашисты расстреляли его мать. Анастасия Никитична Малиновская собирала для сына разведанные. Еще раньше был арестован и отправлен в Германию на кааторжные работы отец — Павел Спиридонович. Сестрам Ивана Вере и Тане удалось бежать из Себежа, куда они были доставлены под усиленным конвоем. Шестнадцатилетняя Татьяна стала бойцом нашей бригады. Нашлась работа и четырнадцатилетней Вере. Она совмещала в одном из отрядов две «профессии» — санитары и повара.

В дни объединения с группами Володина и Леонова произошла одна неприятная встреча. Случилось это в деревне Лиственке. Прибежал ко мне командир отделения Гавриил Павлов, докладывает:

— Владимир Иванович, мои ребята в одной из хат задержали двух человек в форме командиров Красной Армии. У одного три кубаря в петлицах, у другого два.

— Что говорят?

— Старший сказал: партизан ищут, а сами парашютисты.

— Вооружены?

— Так точно. Винтовка, пистолеты.

— Винтовки у парашютистов? — удивился Никонов. — Что-то странно, Владимир Иванович.

Еще по первым месяцам войны мы знали: фашисты не скупясь забрасывали в прифронтовую зону диверсантов и шпионов в форме командиров Красной Армии или милицейских работников. Могли такой трюк гитлеровцы выкинуть и сейчас. Но в то же время не исключалась возможность появления в наших краях какой-нибудь спецгруппы из советского тыла. Я приказал Павлову:

— Пригласите задержанных ко мне, но оружие пусть сдадут. Скажите, что у нас такой порядок. Действуйте настойчиво, но без какой-либо грубости.

Не прошло и получаса, как в избу, где находились Кулеш, Никонов, я и еще несколько командиров, ввели задержанных. Мне сразу не понравились глаза у старшего из них — настороженные, бегающие. Но вопросы я задавал дружелюбно, стараясь подавить в себе чувство неприязни. Отвечал больше тот, у которого в петлицах было три красных кубика. Он довольно обстоятельно рассказал о

задачах, которые им поставило наше командование, определив местом выброски Алушковскую лесную дачу, где «действовал партизанский отряд товарища Марго», назвал дату вылета.

Неожиданно Никонов протянул старшему лейтенанту карту и попросил:

— Покажите, где проходит передний край на нашем участке фронта.

— Очевидно, сейчас уже есть какие-то изменения.

— Ну, тогда на момент вашего вылета.

Старший лейтенант неуверенно провел карандашом по голубой жилке, обозначавшей на карте реку Ловать.

— Ну это, батенька, ты врешь, — поднялся из-за стола Никонов. — Как же так — кадровый офицер, говоришь, спецзадание получили, и не знаешь, где проходит линия фронта?

— Выходит... — Углы губ задержанного зло опустились книзу.

— Выходит, — перебил его Кулеш, — что вы не те, за кого себя выдаете.

— Идите, подумайте, — сказал я, — с нами можно говорить только на языке правды. Даю вам час на размышление.

Когда «командиров» увели, Кулеш спросил, обращаясь ко всем присутствовавшим:

— Шпионы?

— Да, — ответил за всех Никонов, — наряд соколий, а походка воронья.

На повторном допросе «старший лейтенант» выдвинул новую версию: они — десантники, но были схвачены гитлеровцами и заключены в концлагерь в Опочке, оттуда бежали. Вот и винтовки поэтому у них, — по дороге разоружили полицейских.

— А пистолеты вам на память о концлагере генерал Скультэтус подарил, так, что ли? — насмешливо поинтересовался Володин.

«Старший лейтенант» смерил Александра Степановича презрительным взглядом.

— Откуда вам известно это имя?

— Мне-то имя генерала из Опочечкой фельдкомендантуры должно быть известно, — я с ребятами под самым городом не раз в засадах сидел. А вот почему это имя вам знакомо? Говори, зачем пожаловали в отряд?

И тогда последовало признание. «Старший лейтенант» оказался агентом Опочечкого отделения ГФП, а второй

задержанный действительно был военным из местных жителей. Он давно хотел уйти в партизаны. Шпион воспользовался его доверчивостью и взял с собой. Умоляя сохранить жизнь, вражеский лазутчик сообщил, что на завтра начальство назначило ему встречу в лесу, и предложил устроить засаду, чтобы захватить легковую машину с офицером. Я поручил Володину «организовать» эту встречу. Никто не приехал, но шпион пытался бежать.

Последний допрос был короткий. «Старший лейтенант» не скрывал теперь враждебных взглядов. Он стал рассказывать о своих связях с крупными шпионскими организациями, говорил, что его прежняя подрывная деятельность в СССР представляет интерес для советской разведки. Так это было или не так проверить мы тогда не могли, и я приказал уничтожить гадюку. В какое неистовство пришел негодяй! Весь трясаясь от злобы, он проклинал советскую власть, кричал о том, что ненавидел нас всегда, везде и всюду, клял партизан самыми последними словами, призывал на наши головы кары небесные. Фашиста настигло заслуженное возмездие.

Пополнялся отряд не только местными жителями и «окруженцами», но и советскими воинами, бежавшими из фашистского плена. Помню, как однажды пришел к нам в изодранной тельняшке худой, измученный балтийский моряк Серафим Алексеевич Белых. Сумев вырваться из концлагеря, он пробирался в советский тыл. От него мы узнали об активных действиях белорусских партизан. Он даже назвал имена партизанских вожakov Захарова и Романова.

«Моряк Сима» (так стали звать Белых товарищи) — стал лихим разведчиком. Пуля лжепартизана из банды Мартыновского оборвала его жизнь в 1944 году.

Позже в наши ряды был принят девятнадцатилетний Мефодий Шилов. Бежал из «самого пекла» — так называли военнопленные псковские лагеря, где ежедневно гибли от голода, побоев и тифа десятки людей. Шилов стал бойцом отделения подрывников Николая Ширкунова. Любо дрался с врагом.

Кроме Белых появился у нас еще один отважный балтийский моряк — Сергей Александрович Черевков. И у него путь в партизаны был нелегким. Радист дивизиона катеров «морской охотник», Черевков сошел вместе с товарищами на берег в дни обороны Таллина, храбро дрался на подступах к эстонской столице и не успел вовремя прийти к уходу кораблей в Кронштадт. Остался на окку-

пированной территории. Почти год вдвоем с товарищем скрывался в лесах и на хуторах. Несколько раз попадал в засады и облавы. Вышел в Латвию, затем пробрался в наши края... Хорошо воевал моряк, став партизаном. Отличался не раз в разведке, участвовал в трех крупных боях, взял «языка» — немецкого майора.

Базируясь в начале осени 1942 года в основном в деревне Горюшкино, мы облюбовали для лагерей урочище Лоховню, расположенное в пятнадцати километрах от Себежа. Кругом — заболоченный лес. На многие километры тянется он сплошным массивом в сторону Латвии и Краснородска. Этот лес и стал надолго нашим домом. Гостеприимным, хорошим домом! И по сей день его добрым словом поминают бывшие партизаны, сражавшиеся с оккупантами в себежском крае.

Знали это урочище и гитлеровцы. На первых порах кое-кто из них называл Лоховню... городом. Даже в некоторые донесения просочилось такое наименование — «город Лоховня».

После объединения с группами Володина и Леонова в отряде насчитывалось больше двухсот человек. Стали мы думать о тактике наших действий. Бывшие кадровые военные предлагали рейдировать отрядом в нескольких районах Калининской области с выходом на отдых в белорусские леса.

Кулеш, Никонов, Крюков, Малаховский и другие командиры, в прошлом партийные и советские работники, настаивали на создании бригады, состоящей из трех-четырёх отрядов, с выделением каждому из них определенного участка действий в пределах Себежского района.

В начале обсуждения я склонялся к первому варианту. Он был заманчивым, дерзким. Но сторонники второго направления резонно говорили: вскоре появятся отряды и бригады в соседних районах. Кроме того, закрепление отрядов за определенными участками в пределах одного района лучше разрешит продовольственную проблему. Алексей Григорьевич Григорьев даже на известного немецкого историка Клаузевица ссылался, который в своей книге «О войне» писал, что партизанские отряды должны быть малочисленны и подвижны, внезапно появляться и исчезать, но при необходимости быстро объединяться для удара.

Связи с обкомом партии у нас все еще не было. В советский тыл мы направили несколько связных, но вернулся только один Валерий Павлович Герасимов. Путь туда

и обратно занял у него почти три месяца. Впоследствии, встречаясь с ленинградскими партизанами, я по-доброму завидовал им. У них не раз бывали посланцы штаба партизанского движения, действовала регулярная связь между обкомом партии блокированного города и большинством отрядов народных мстителей еще с поздней осени сорок первого года. Нам же приходилось очень часто все решать самим.

По предложению Кривоносова и Никонова, собрали коммунистов посоветоваться. Подавляющее большинство товарищей высказались за второй вариант. На том и порешили. Тогда же коммунисты предложили командованию провести мобилизацию военнообязанных и пополнить ими формирующуюся бригаду. Кто-то, правда, высказал сомнение — дескать, мобилизация в первые дни войны, как неведом, всех прихватила, но Освальд Андреевич Югансон довольно метко сказал в ответ:

— Тогда торопились. Невод не ремонтировался. Дыр много было. Вот и остались некоторые вне армии.

Решено было дело не откладывать в долгий ящик и провести мобилизацию в северной части района в ту же ночь. В деревни пошли Крюков, Щербина, Никонов, Слободской, Григорьев. У каждого было в распоряжении трое или пятеро хорошо вооруженных бойцов. У меня сохранился рассказ Слободского о событиях той ночи.

Пришел он с товарищами в деревню Морозовку. Здесь жил его дядя Цветков. Не виделся он с ним десять лет. Партизаны решили начать с его дома. Постучались в окно. Племянника родственники не узнали и на вопросы о гитлеровцах и партизанах отвечали неохотно. Тогда он спросил, где их сын Костя. Позвали Костю, который сразу узнал брата. На столе появился ужин. На вопрос — как думает жить дальше и что делать? — Костя заявил, что пойдет к партизанам. Он назвал и других военнообязанных, их тоже в эту ночь призвали в отряд. Мобилизованных парней набралось человек двадцать.

Рано утром прибыли на место, где должен был находиться отряд. Но его там не оказалось. Поставив часовых, решили до вечера отдохнуть, а потом пойти искать товарищей. Днем ходить с такой группой безоружных было опасно. Не прошло и двух часов, как часовые сообщили: к лагерю движутся фашисты. Партизаны быстро двинулись в глубь леса. В самой чащобе, в низине, оставили приунывших новичков, а сами впятером заняли оборону, чтобы дать бой и драться до последнего патрона.

К счастью, каратели прочесывать лес не стали, — обнаружив пустой лагерь, ушли. В течение двух ночей группа Слободского искала отряд. За это время из мобилизованных никто не сбежал.

Успешно провели мобилизацию и другие командиры. Всего влилось в наши ряды около двухсот человек. В числе их были учителя-коммунисты Михаил Никифоров, Михаил Легкобит, Алексей Сергеевко, Александр Ефремов, ранее помогавшие нам. Молодые парни, как правило, принесли с собой оружие. Случаи отказа идти в партизаны были, в трех-четыре домах отцы мобилизуемых даже пытались откупиться, — год оккупации возродил «стыдную болезнь», как называл ее в свое время Владимир Ильич Ленин, — взяточничество. Но случаи эти были редкими. Зато с проявлением патриотических чувств мы сталкивались повсеместно. Помню, доложили мне, что у одного из мобилизованных осталась больная жена и двое детей-подростков, вызвал его и спрашиваю:

— Почему не просишь, чтобы отпустили к семье?

— Совесть не позволяет.

— Ну так вот, по законам совести мы тебя домой отпускаем. Выздоровеет жена, поправишь дела — придешь. Стоит человек. В глазах слезы. Потом вдруг снимает теплую фуфайку и добротные сапоги, просит:

— Отдайте, товарищ Марго, кому-либо из ребят. Зима на носу, а многие из вас по-летнему одеты и обуты. А я при доме буду — найду обувь. Возьмите, очень прошу. И верьте, приду.

И ведь сдержал слово — весной 1943 года пришел в бригаду. Хорошо воевал.

Кто-то из мобилизованных сообщил нам о группе Валласа и Рыбакова. Учителя Валласа я знал еще до войны и решил послать ему записку с предложением объединиться. В деревню Пыжники к учителю отправился политрук взвода И. Е. Солнцев. На следующее утро в полной боевой готовности к нам пришли Рыбаков, Валлас и еще несколько человек. Хорошее было пополнение. Василий Филиппович Рыбаков вскоре стал начальником штаба отряда, а Мартын Мартынович Валлас — политруком взвода.

В наш «невод» попали не только местные жители. Так, в деревне Вараксина появились двое «окруженцев»: Александр Аркашев и Николай Молоков. Оказавшись на оккупированной территории, они бродили из деревни в деревню — никогда нигде долго не задерживаясь. Мы их «вернули

к воинской повинности», как метко выразился по этому поводу Югансон.

Попали в «невод» и медицинские сестры. Они были крайне необходимы в бригаде. В Себеже в барачно-госпитале для военнопленных работала Екатерина Бабкина — медсестра одной из частей 47-й ударной армии. Вместе с Прасковьей Шеметовой и Валей Брашкиной (тоже медсестрами) она бежала из города. Поселились беглянки в деревне Плакутицы в стороне от крупных населенных пунктов. Здесь их и нашли партизанские «вербовщики».

После проведения мобилизации мы сразу же официально оформили создание бригады. Решено было иметь в ее составе три отряда. Командиром первого назначили Александра Трофимовича Щербину, комиссаром — Алексея Григорьевича Григорьева. Это был самый малочисленный отряд — около ста человек. Пополняться ему надлежало в южной части района, куда он направлялся для боевых действий.

Командиром второго, самого крупного, отряда стал Василий Николаевич Никонов, комиссаром — Михаил Иванович Крюков. Отряд состоял из бойцов группы Володина и Леонова и мобилизованных военнообязанных. Третий отряд возглавляли Эдуард Иосифович Малаховский и Федор Егорович Воллисов.

Командиром бригады утвердили меня, комиссаром назначили Кулеша, который вскоре после ухода Кривоносова в советский тыл (Федосий Алексеевич был отозван обкомом партии) принял на себя также и обязанности первого секретаря Себежского подпольного райкома партии. Начальником штаба бригады был назначен лейтенант Константин Федорович Никифоров.

Наступила полоса наших активных действий. В донесении, посланном мною в штаб корпуса 20 октября 1942 года (оно хранится сейчас в партийном архиве Калининской области), указывались следующие боевые операции:

«8 октября сожжены 4 моста на шоссе Томсино — Идрица и на шоссе Дубровка — Борисенки — 2.

9 октября разбит гарнизон Борисенки, 25 км северо-западнее г. Себеж...

10 октября засада на шоссе Себеж — Томсино, около д. Поддорожье... Разгромлена Томсинская волостная управа, уничтожен маслосырзавод, сожжен склад сена — 700 тонн, захвачено 30 тонн хлеба, 50 пудов соли.

13 октября разбит полицейский гарнизон в д. Ручьево, 12 км западнее г. Себеж, полиция бежала. Трофеи: станковый пулемет системы «максим» и 1500 патронов.

15 октября сожгли мост около д. Заситино, на шоссе Заситино — Себеж, через реку Иссу.

19 октября в районе д. Черная Грязь, на большаке Себеж — Глембочино, действуя из засады, убили 42 гитлеровца».

Гарнизон в Борисенках располагался в двухэтажной деревянной школе. Здание стояло в стороне от селения, на возвышенности. Пулеметы из двух дзотов простреливали все подходы к траншеям, отрытым на холме. И все же взвод Леонова сумел незаметно занять исходный рубеж для атаки у подножия холма.

Атаку начали с наступлением темноты с двух сторон. Одну группу партизан повел Леонов, другую — командир отделения Семен Николаевич Живодров. Захватить гарнизон врасплох не удалось. Гитлеровцы и полицейские, выскочив из здания, залегли в траншеях и открыли пулеметно-автоматный огонь. Залегли и наши. Перестрелка длилась минут двадцать. И тогда Живодров пошел на хитрость. Громовым голосом он подал команду:

— Первый миномет огонь!

Минометов в ту пору у нас еще не было, но вслед за командой во вражеской траншее раздался взрыв. Это ловко метнул туда гранату Максим Кошкин. Не успели охранники разобраться, в чем дело, как услышали:

— Второй миномет огонь!

После второго взрыва гранаты нервы осажденных не выдержали. Выскочив из траншей, они бросились к болоту, но от партизанских пуль не ушли.

В разгроме вражеского гарнизона в Томсине участвовали взвод Володина из отряда Никонова и группа бойцов из отряда Щербины. Гитлеровцы превратили в казарму кирпичное здание церкви. Обнесли ее несколькими рядами колючей проволоки. Установили пулеметы, из которых простреливалось все пространство между казармой и томсинским парком.

Никонов и Володин отдавали последние распоряжения, когда из Томсина к нам прибежала Клавдия Богданова и сообщила, что в село на автомобилях приехали эсэсовцы.

По рассказу нашей добровольной помощницы, их было около ста человек. Вместе с солдатами гарнизона и полицейскими они заняли круговую оборону.

Это нас удивило. Гитлеровцы никоим образом не могли узнать о нашем намерении штурмовать Томсина.

— Очевидно, эсэсовцы приехали не по нашу душу. Ожидают кого-то другого, — предположил Володин.

Его поддержал Никонов:

— Это точно, Владимир Иванович, недаром минувшей ночью мы слышали звуки большого боя со стороны Опочки. Ведь не друг с другом дрались фашисты.

— Может, стоит отложить нападение, командир, — посоветовал Кулеш, — гитлеровцы ждут его. Сотня эсэсовских головорезов, изготовленных к бою, — орешек крепкий.

— Отложить — нет, повременить — да.

Принимая это решение, я исходил из двух соображений. Во-первых, люди из отряда Щербины уже ушли на исходные позиции для ночного штурма. Мы не успели бы предупредить их об изменении наших планов. Во-вторых, эсэсовцы наверняка не знали, нападет ли на село тот противник, которого они хотели подкараулить. Из подслушанного разговора полицейских Богданова поняла, что прошлой ночью что-то произошло в Дубровках, эсэсовцы ждут кого-то, а вечером, очевидно, уедут.

На этом мы и построили свой новый план нападения. Я дал командиру отряда указание послать бойцов в засаду на дороги, по которым, возможно, будут возвращаться фашисты в Себеж. Никонов отправил отделение Ивана Кузьмича Комарова к деревне Хохлово с заданием уничтожить мост на реке Лосьме. Отделения Михаила Казакова и Александра Куклева получили приказ оседлать вторую дорогу из Томсина.

Смеркалось. По ковру из жухлых трав Казаков, Куклев и их товарищи приблизились к лесистой горке Куксихе. На ее склонах и было решено устроить засаду. Вскоре послышался шум моторов. Не успела показаться из-за поворота головная машина, как по фашистам дружно застрочили два партизанских пулемета. Гитлеровцы бросились в кюветы и тоже ответили сильным огнем. Под его прикрытием машины спустились под гору и развернулись. Продолжать бой эсэсовцы не решились. Подобрав убитых и раненых, они на машинах направились в сторону Хохлова. Здесь их ожидал сюрприз — мост через Лосьму, по которому они ехали утром, был сожжен. Восстанавливать переправу фашистам пришлось под огнем. Бойцы Комарова из укрытий метко разили гитлеровцев.

Сильная стрельба в районе Куксихи и Хохлова хорошо была слышна в Томсине. Оставшиеся там солдаты и поли-

дейские решили, что село окружено крупными партизанскими силами со всех сторон. В гарнизоне поднялась паника. Она усилилась после того, как пули вдруг зацокали по казарме. Это наш лихой разведчик ленинградец Иван Прокофьев, пробравшись в парк, дал несколько очередей из автомата. На улицу выскочил фельдфебель — начальник гарнизона. За плечами у него был ранец. Началось бегство.

Отступали гитлеровцы и полицейские по дороге в Опочку. Это их и спасло от полного уничтожения, — в той стороне партизан не было. Один из полицейских, Роман Сергеев, был нашим человеком. Узнав от переводчика намеченный маршрут отхода, он незаметно в пути скрылся, забежал вперед и с пригорка встретил бегущих огнем.

Когда я со своим штабом вошел в Томсино, там уже распоряжался Никонов. Я приказал ему все, что возможно, из захваченного в складах раздать жителям. Никогда не забудется этот вечер. Впервые народные мстители похозяйски, не таясь, разместились в крупном населенном пункте и впервые за многие месяцы местные жители увидели так много партизан.

В центре села стал собираться народ. Ко мне на лошади подсакал Сережа Смирнов, шестнадцатилетний белокурый паренек.

Лихо прыгнул с седла, поправил автомат за плечом и кобуру нагана на боку:

— Товарищ командир бригады, ваше приказание выполнено!

Надо было видеть восхищенные лица деревенских подростков, окруживших Сергея. Один из них радостно сказал отцу:

— Папая, слышишь, «командир бригады». Значит, у наших уже бригада.

Поздним вечером вернулись разведчики, побывавшие на месте большого ночного боя, и доложили: через район проходило не то крупное партизанское соединение, не то рейдирующая воинская часть. Они полностью истребили охранный гарнизон в Дубровке и ушли в направлении на Опочку. Известие было приятное. Нам всем очень хотелось узнать, кто наши новые товарищи по борьбе.

— Вполне возможно, что это белорусские партизаны, — высказал предположение Никонов.

Белорусские партизаны воевали весьма активно, особенно в районах, пограничных с Калининской областью, — Дриссенском, Освейском и Россонском.

Бойцы бригады военнослужащие и ярый сторонник рейдовой тактики Освальд Андреевич Югансон полагали, что бой вела бригада или полк Красной Армии.

— По примеру батьки Литвиненко, верхом и на колесах, — возбужденно доказывал Освальд Андреевич, — все время в движении. «Подпалыв врага и тикай» — так любил говорить наш комбриг.

Как стало известно позже, бой в Дубровке вел 1-й Калининский партизанский корпус. Состоял он из нескольких бригад. Кроме Калининской области нигде такого партизанского формирования не существовало. Создано оно было по инициативе оперативной группы по руководству партизанским движением при Военном совете 3-й ударной армии. Корпус начал боевые действия в середине сентября 1942 года. Перед ним была поставлена задача усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи, уничтожать штабы и технику гитлеровцев, «не пропускать ни одного поезда с живой силой, техникой и боеприпасами врага к линии фронта». В корпус были сведены несколько бригад и отдельные отряды Шиповалова, Мартынова, Ромакова, действующие на территории Калининской области.

Во главе корпуса стояли весьма сведущие в военном отношении люди. Командиром стал капитан Василий Васильевич Разумов, участник советско-финляндской войны, награжденный орденом Красного Знамени. Кадровым военным был и начальник штаба корпуса майор Иван Иванович Веселов. А пост комиссара занял москвич Алексей Иванович Штрахов, в прошлом ученый, дипломат, участник гражданской войны в Испании, человек большой эрудиции и культуры.

Среди командиров отрядов и бригад было немало людей, уже побывавших во вражеском тылу. Второй бригадой командовал чекист Петр Васильевич Рындин. Он сменил на этом посту старшего лейтенанта Арбузова, погибшего в августе в бою с карателями в алольском лесу. Военнослужащими были и командиры 1-й и 3-й бригад Федор Тимофеевич Бойдин и Алексей Михайлович Гаврилов. Оба смелые, энергичные и волевые начальники. Народные мстители под их командованием провели много успешных боев и диверсионных акций. Гаврилов погиб впоследствии смертью храбрых в рядах Советской Армии под Берлином, а с Федором Бойдиным мы бок о бок воевали до изгнания оккупантов с территории западных районов Калининской области, и нас связала светлая, крепкая дружба.

Федя накануне войны окончил артиллерийское училище. Командовал полубатареей в боях под Смоленском в сорок первом. Оставшись на оккупированной территории, стал партизаном отряда Зылева, действовавшего на территории Великолукского и Невельского районов. Отряд в конце первой военной зимы провел операцию по штурму крупного фашистского гарнизона в селе Лехово. Отличился Бойдин и во время рейда корпуса. Бригада под его командованием разгромила несколько вражеских гарнизонов на ленинградском шоссе, в том числе хорошо укрепленный опорный пункт гитлеровцев в селе Щукино Пустошкинского района.

Отряды и бригады корпуса с боями прошли Невельщину, Россонский район Белоруссии, вторглись в соседние с нами Опочецкий и Пустошкинский районы и возвратились в белорусские леса вблизи села Юховичи. Корпус за короткий срок записал на свой боевой счет 52 подорванных вражеских эшелона, уничтожил 8 гарнизонов гитлеровцев, 16 волостных управ, разбил несколько полицейских формирований.

Важно было и то, что корпус ввел в глубокий тыл противника бригады, которые до этого времени базировались в прифронтовой зоне и на оккупированной территории появлялись лишь для выполнения того или иного боевого задания.

Последнее можно и нужно было сделать значительно раньше. Кратковременный рейд бригады Арбузова, наши действия в Алушковской лесной даче насторожили врага. Не случайно командование корпуса ограничилось разгромом сравнительно некрупных охранных гарнизонов. Кроме того, появление партизанских бригад сразу в нескольких районах летом сорвало бы в значительной мере контроль гитлеровцев за уборкой урожая. Думается, что в тех условиях не следовало рейд завершать уходом в Белоруссию. Бригады должны были сразу осесть в назначенных им районах. Эффект был бы большой, да и времени собирать силы для контрудара у фашистов было бы в обрез.

...Утро после нашего ночного вторжения в Томсино выдалось хмурое. Тучи плотно завесили небо. Кулеш, поднявшийся ни свет ни заря, уже побывал на улице. Разбудил он меня словами:

— Вставай, Володя. Дело к непогоде идет. Нам горючиться надо, а пока народ в поход соберется, мы заседаем малость.

Я отшучивался:

— Ох, Андрей Семенович, погубите вы меня. На что сбиваете с утра: патошак — заседать. Да где это видано? Люди скажут: не комбриг, а тюря какая-то кабинетная.

— А они уже идут. Вставай, вставай, — продолжал тормошить меня комиссар.

Поговорить с командирами и политруками действительно следовало. И о предстоящем броске части сил бригады на юг района. И о некоторых недостатках только что проведенной операции.

На совещании Кулеш и я потребовали также от командиров абсолютной точности данных разведки. Я припомнил случай, когда посланный в разведку командир отделения доложил, что подразделение гитлеровцев окапывается на большаке у Томсина. На самом деле там ничего не произошло. Шла речь и о медленном сборе молодых партизан по тревоге.

Еще раз был подтвержден наш незыблемый закон: ничего самовольно у населения не брать.

Здесь же я познакомил командиров с планом перехода отряда Щербины в южные деревни района. С отрядом уходил и штаб бригады. План был разработан лейтенантом Константином Никифоровым. Учитывая интенсивное движение по железной дороге Рига — Москва и сильную охрану, начальник штаба предложил силами отряда Никонова блокировать вражеские гарнизоны вблизи этой стратегически важной магистрали.

К исходу следующего дня штаб и отряды Никонова и Щербины сосредоточились в деревне Васильково. Наши разведчики Борис Васильев, Николай Иванов и Борис Анохин выбрали место для перехода между полустанками Посинь и деревней Логуны, расположенными километрах в шестнадцать западнее Себежа. С северной стороны место было открытое, но холмистое. Сразу за железной дорогой к югу тянулся лесной массив. Одно неудобство — вблизи, в поселке Заситино, в Логунах и в Посини, располагались фашистские гарнизоны.

Ночь выдалась теплая. Временами моросил дождь. Было далеко за полночь, когда я подаю сигнал. Две зеленые ракеты одна за другой взмыли в серое небо. И сразу в нескольких местах раздались пулеметные очереди, выстрелы автоматов. Это бойцы взвода Володина начали обстрел гарнизона Заситина на себежском шоссе, а взвод Леонова открыл огонь по фашистам, засевшим в Логунах. Над шоссе взметнулось пламя, — удалось поджечь мост через

реку Иссу. Группа наших разведчиков во главе с Борисом Васильевым одновременно блокировала охрану разъезда Посинь.

Шоссе Зилуе — Себеж мы перешли благополучно, но у железной дороги были встречены довольно сильным огнем. Пришлось бы туго, если бы начальник штаба первого отряда Семен Багрий не сумел с небольшой группой разведчиков незаметно перебраться за насыпь железнодорожного полотна и с фланга и с тыла атаковать солдат охраны.

На некоторое время мы стали хозяевами положения. Подорвав в нескольких местах рельсы, предупредили Никонова ракетой об удачном переходе, и я отдал команду двигаться по маршруту. Начало светать, когда мы натолкнулись на опорный пункт полицейского гарнизона деревни Ручьево. Фашистские прихвостни открыли пулеметный огонь из бункера, расположенного на холме. Наши штурмовые группы под командованием Югансона и Багрия выбили их оттуда и уничтожили. Партизаны захватили трофеи — пулемет, патроны, винтовки.

На дневку остановились в лесу около деревни Стеймаки. Со стороны Освей была слышна время от времени артиллерийская канонада.

20 октября мы вышли к хутору Гагары. Погода окончательно испортилась. В небе закружились хлопья мокрого снега.

Разбили временный лагерь. Ночью я на лошади отправился в деревню Боровые к нашим старым знакомым братьям Кузнецовым. Там впервые за последние четыре месяца встретился с другими калининскими партизанами. Узнал от них о расформировании корпуса и о пребывании на оккупированной территории представителей опергруппы штаба армии. Решил поступить по восточной пословице: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Захватив с собой связного Бориса Анохина, высокого, ладного украинца, расторопного смелого бойца, поехал в белорусское село Юховичи.

Принял меня пожилой, суровый на вид полковник Романов. Ему не понравилось мое партизанское обмундирование. Рядом с Анохиным, одетым в кожанку, перепоясанную ремнем, с командирской сумкой через плечо и неизменным автоматом, я — в полушубке и неказистой шапке-ушанке — выглядел, конечно, не блестяще. К тому же поздоровался чисто по-граждански. Полковник неприветливо спросил:

— А вы, товарищ Марго, разве не военный?

— Нет. В армии служить не довелось.

— А как же вы оказались на посту командира бригады?

Меня задело эти слова, и я весьма нелюбезно ответил:

— Вы бы лучше спросили, как здесь образовалась бригада?

Романов посмотрел на меня внимательно, слегка улыбнулся уголками губ и спокойно сказал:

— Ну что ж, расскажите. Это, конечно, интересно.

Коротко изложив боевые дела бригады, я попросил снабдить нас взрывчаткой, патронами для канадских винтовок, дать топографические карты, а главное — рацию.

Романов все записал. Расстались мы дружелюбно. По его требованию многое из того, что мы просили, было нам доставлено. Спустя две недели после нашего разговора полковник погиб при бомбежке. Позднее нам во многом помог другой представитель штаба — бывший комиссар корпуса Алексей Иванович Штрахов, деятельный, обаятельный человек, снискавший уважение всех партизан.

Наступил ноябрь, а с ним и самый большой наш праздник. Разведчик Рэм Кардаш записал в тот день в своем дневнике:

«Вот прошел еще один год советской власти. Четверть века нашей власти! Замечательная годовщина!

Вчера в 7 часов вечера мы слушали доклад Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина...

Партизаны 2-го и 3-го отрядов собрались в расположении 1-го отряда. Приемник транслировал концерт. Темные фигуры столпились у костра. Передние сидят. Подошел комбриг. Боец уступил ему место. Радист посмотрел на часы. Было без пяти минут семь.

— Ну, начнем, товарищи.

Мы притихли. В приемнике что-то зашумело, что-то зашуршало. Потом все затихло. Радист объявил, что включен зал заседания.

Все оживились. Улыбки появились на лицах партизан. После объявления состава президиума слово было предоставлено товарищу Сталину. И мы услышали его ровный, спокойный голос!

...Пошли в землянку. Долго не засыпали. Возбуждение, охватившее нас, улеглось не сразу, не скоро.

Как там наши встречают праздник? Волнуюсь. Честное слово. Даже писать трудно».

Я прочитал впервые эту немудреную запись, собирая материалы для книги. Да, Кардан написал все правильно. Наш неутомимый радиотехник, веселый и храбрый Александр Иванов настроил трофейный «телефункен». Как все радовались, слушая полес Москвы! Мысленно побывали мы у стен Кремля, на берегах Невы, в Сибири — там, где свободно, торжественно, хотя и сурово, праздновалось 25-летие Великого Октября...

В начале ноября мы провели несколько диверсий на дорогах и два встречных боя с карателями, которые особенно активизировались в районе подразделений полевых войск, выведенных на отдых.

В восьми километрах от Себежа взвод под командованием Николая Степанова занял замаскированные траншеи, подготовленные карателями для... засады на партизан. Ждали долго, переживаясь от изрядного утреннего морозца. Гитлеровцы приехали с тингом — три автобуса доставили их к месту засады. Обрато удирали они уже только на двух. Степанов и его товарищи подожгли один автобус, уничтожили 27 солдат, захватили оружие.

Второй бой был длительным. Как-то группа партизан обнаружила в лесу несколько граждан, заготавливавших дрова для оккупационных властей. Среди них был шофер Медведев. Увидев партизан, он сразу же стал просить взять его с собой в отряд. То, что я знал об этом человеке, говорило не в его пользу. До войны он работал в райисполкоме и должен был и мог уйти из Себежа, но почему-то остался на оккупированной территории. Однако отказать ему в приеме было нельзя. Трое суток пробыл Медведев в отряде. Что за это время «храбрец» передумал, сказать трудно, но заячья мысленка — сбежать — победила. В ночь на 31 октября он исчез, а утром появился в нашем лагере вместе с карателями.

Но это появление дорого обошлось гитлеровцам. Как только стало известно о девертирстве Медведева, я приказал немедленно сменить место нашей стоянки. Еще раньше были вызваны отряды Никонова и Малаховского. Первыми с карателями встретились партизаны из группы Александра Вахрушева. Во главе со своим командиром они пошли в разведку в Осыно, нарвались на засаду, но ускользнули без потерь. Поняв, что каратели движутся к Боровым, Вахрушев опередил их. Партизаны заняли удобную позицию и, когда на дороге показалась вражеская колонна, обстреляли ее.

Фашистов было в несколько раз больше, но они повернули обратно в Осыно. Там остались ночевать.

Утро 2 ноября выдалось сухое, солнечное. В бору, еще не занесенном снегом, было тихо. Лишь где-то стучал дятел. На опушке у дороги застыли в кустах бойцы группы Виноходова. Люди надежные. У них два пулемета.

Гитлеровцы не торсились, не меняли установленный распорядок. В восемь утра они, как всегда, позавтракали. Но вот наконец в десять часов показались семь автомашин.

— Порядок! — прозвучал Виноходов. — Ребята, не торопитесь, подпустим фрицев вплотную.

Все ближе и ближе урчанье вражеских автомобилей. — Огонь!

Раздались первые выстрелы. В этот момент среди партизан появился Роман Кузнецов — наш боевой помощник из Боровых. Он сообщил, что в деревню на тридцати двух машинах приехали солдаты. Узнав об этом, Виноходов сразу отправил ко мне связного.

Я приказал Щербине идти с отрядом к месту засады, встретиться там с Виноходовым и вместе с его группой отойти в лес, пропустив карателей вперед. Никонов и Малаховский молучили задание оседлать дорогу, но тоже пока не нападать на фашистов: пусть идут к нашей прежней стоянке.

Расчет оказался верным. Каратели дошли до места, куда их вел Медведев. Никого не обнаружив там, сожгли сарай и баню. После этого довольно бесечно повернули обратно. Вот тогда-то мы и обрушили на них огонь. Фашистов было много, — в экспедиции кроме солдат охранных войск участвовало до батальона регулярной армии. Бой длился до ночи. Оставив не менее пятидесяти убитых и три сожженных автомашины, гитлеровцы удрали в город.

В бою погибли два наших товарища — Борис Георгиевич Соловьев и Илья Федотович Куликов — балтийский моряк. Несколько человек были ранены, Василий Сидоренко — тяжело.

Через двое суток после боя у Боровых наши агентурные разведчики сообщили из Себежа: в госпиталь привезли много раненых солдат регулярной армии, предатель Медведев шобит гитлеровцами до полусмерти. Смеялись партизаны: «Каков Савва, такова ему и слава».

В наших отрядах становилось все больше и больше новичков. Командирам и политрукам прибавилось хлопот:

нужно было строить землянки, учить новичков партизанской премудрости. Особенно важно было научить их сохранять партизанскую тайну. Посылая бойцов в деревни на разведку и за продовольствием, мы каждый раз напоминали им о необходимости быть в разговорах даже с проверенными людьми сдержанными, лишнего не болтать, возвращаясь в лагерь, следить за тем, чтобы не было «хвоста». Были установлены общепригодные пароль и отзыв: «Орел» — «Рига»; для командного состава: «Привет из Москвы» — «Ждем в Латвии».

Каждый день группами по несколько человек партизаны уходили из лагеря на задания. 11 ноября группа под командованием Куклева вблизи деревни Черная Грязь уничтожила две почтовые машины, захватила оружие, почту. 14 и 15 ноября три группы в нескольких местах подорвали железнодорожное полотно на участке Себеж — Резекне. 16 ноября взвод под командованием Леонова разбил отряд «казаков» — конных полицейских, грабивших деревню Зеленево.

В конце ноября оккупационные власти Себежа отдали приказ об уничтожении партизанских деревень. Петух просыпается рано, говорит народная мудрость, а злодей и того раньше. Ночью, как тати, подобрались фашистские факельщики к Боровым и Заозерью. Чуть свет в небо взметнулись языки пламени, — запылали крестьянские дома. Не успели мы прийти на выручку. Но с этого дня фашистские гарнизоны в Бондари и Рудне, где укрылись каратели, были взяты нами, по выражению Никонова, под «персональную опеку».

24 ноября начальник штаба бригады Константин Федорович Никифоров с группой бойцов устроил засаду на шоссе. Мы знали, что из Себежа должны послать подкрепление блокированному гарнизону Бондари. На шоссе появился автобус. С короткой дистанции Никифоров, Столяр, Кошкин, Воробьев, Дьяконов и другие наши товарищи открыли огонь. Удалось перебить часть солдат, убить команданта гарнизона, сжечь автобус. В ту ночь гитлеровцы покинули Бондари. Через несколько дней сбежал в Себеж и гарнизон Рудни.

26 ноября нам через агентурную разведку стало известно, что из Себежа направляется воинский эшелон с живой силой врага. На одном из перегонов партизаны обстреляли его из четырех пулеметов и нескольких автоматов. Переполох у гитлеровцев был страшный. Жаль только,

что мы не могли подорвать полотно — не было взрывчатки.

В ноябре — декабре активизировалась немецкая авиация, но ей ни разу не удалось нанести сильного удара по нашему лагерю или по партизанской колонне на переходе. Пробовали гитлеровцы в эти зимние дни пугать нас и артиллерией. Однажды, вернувшись из разведки, Рэм Кардаш доложил:

— Сегодня на себежском шоссе на участке нашей последней засады наблюдал демонстрацию сил Гитлера.

— Не шути, Рэм. Докладывай толком, — приказал мой заместитель по разведке Конопаткин.

— А я не шучу, товарищ старший лейтенант. Точно. Фрицы привезли под усиленной охраной три гаубицы. Раза четыре туда и обратно по дороге протащили. А потом на виду у деревни из одной пальнули. Я слышал, как офицер команду подал: «По лесным бандитам — огонь!»

— В нашу сторону стреляли?

— Нет. Просто наобум святых, по лесу. Не было со мной противотанковой гранаты. Я бы им показал демонстрацию.

— Вот за это и попало бы. Тебя не на диверсию посылали. Ясно? — нарочито сердито обрезал разведчика Конопаткин.

— Ясно, товарищ старший лейтенант.

— Ну, иди отдыхай.

Конопаткин несколько лет прослужил на границе, прошел в погранвойсках путь от рядового бойца до начальника заставы. Когда Кардаш ушел, старший лейтенант сказал:

— Горяч парень, однако разведчик из него первоклассный получится.

Обстановка к концу 1942 года на советско-германском фронте все еще продолжала оставаться тяжелой. Шли кровопролитные бои в районе Сталинграда. Фашисты вынуждены были бросать в пекло войны все новые и новые формирования. Их уже не хватало. На фронт уходили и части охраненных войск.

Большую роль тогда сыграл партизанский край, возникший на границе трех республик: Белоруссии, Латвии, России. Общеизвестно, что первый партизанский край был создан ленинградскими партизанами еще осенью 1941 года. Он просуществовал более десяти месяцев. Его защитники

сохранили советские порядки в четырехстах деревнях, отбили натиск нескольких карательных экспедиций.

Подробно об этом мы, к сожалению, узнали лишь по окончании войны. Тогда же имели только некоторую информацию от латышских партизан, побывавших в свое время в «лесной республике» на берегах Шелони. Поэтому наш партизанский край не мог «впитать» и не «впитал» в себя опыт Ленинградского партизанского края. В этом, конечно, не наша вина.

Образовался партизанский край на границе трех республик в обстановке, когда линии фронтов были четко очерчены и у коммуникации, имевшей стратегическое значение (железная дорога Рига — Москва), стояли крупные охранные гарнизоны. Значит, создание края не было и не могло быть одновременным актом. Мне представляется весьма спорным, когда некоторые историки и мемуаристы связывают возникновение нашего партизанского края с действиями Калининского партизанского корпуса. Его рейд лишь ускорила процесс, который зрел. Край не возник бы, не будь нарастающей борьбы патриотов Белоруссии, Латвии, России против оккупантов. Не случайно край наш получил славное имя Братский.

И вовсе не случайно, когда по славной традиции ежегодно в первое воскресенье июля бывшие калининские, белорусские и латышские партизаны собираются у кургана Дружбы (он был насыпан летом 1959 года), они вспоминают прежде всего тех, кто начинал борьбу, кто зажигал первые партизанские костры.

Немало их было, бесстрашных пионеров партизанского движения, у старой латвийской границы. Сергей Моисеенко и Разидтин Инсафутдинов, Пантелеймон Конопаткин и Александр Володин, Петр Машеров и Иван Захаров, Александр Гром и Имант Судмалис, юные подпольщики белорусской деревни Прошки и девушки-подпольщицы из русского села Ницца.

Начиная с лета сорок второго население в пограничных с Калининской областью районах Латвии и особенно Белоруссии стало открыто помогать партизанам. Осенью белорусские партизаны освобождают от оккупантов почти полностью Россонский, Освейский и Дриссенский районы Витебской области. Братский партизанский край простирается затем на значительную часть Невельского и Пустошкинского районов Калининской области, включает в себя добрую половину населенных пунктов Себежского и Ид-

рицкого районов*, на западе уходит к Лудзе. Это огромная территория с населением более ста тысяч человек.

Военно-политическое значение Братского партизанского края трудно переоценить. Восстановление органов родной советской власти придавало населению оккупированных территорий трех республик новые силы в борьбе с врагом. Наш край стал своеобразным магнитом для полковых войск вермахта, не говоря уже об охранных частях. А это означало прямую помощь партизан Красной Армии. В край на отдых и переформирование уходили после тяжелых боев партизанские отряды и даже бригады. Отсюда они направлялись и в рейды в глубь Латвии, к Опочке и Красногородску, на белорусской земле.

Противник понимал военное значение Братского партизанского края. В одном из донесений службы безопасности (СД) в центр говорилось: «Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших действий».

Неприступная оперативная база. Лучше не скажешь! ...Шли дни, недели. С наступлением зимы у бойцов появилось больше свободного времени. Комиссар наш, его помощники — политруки да и все коммунисты бригады делали все возможное, чтобы эти часы проходили с пользой. В землянках теперь уже нередко звучал голос с «Большой земли»: настроив трофейные радиоприемники, бойцы слушали передачи из Москвы. Иногда удавалось поймать ленинградскую волну. Горести и борьба города — колыхали Великого Октября — были близки всем нам.

По вечерам партизаны часто пели у костра «По долинам и по взгорьям», «Широка страна моя родная». Певали и свои партизанские. Особенно была в почете песня о юном партизане. Не знаю, кто занес ее в наши лагеря. Помню, там были такие слова:

Ни жена, ни сестра нас не ждет у окна,
Мать родная на стол не накроет.
Наши семьи ушли; наши хаты сожгли,

* В работах псковского историка Г. Ф. Сарченко неточно указываются границы края: пригороды (?) Новосокольников и город Новоржев.

Только ветер в развалинах воет.
Ночь настала темна, и не светит луна,
Лишь у рожи костер разгорался,
Там немецкий обоз полетел под откос
И на собственных минах взорвался.

Хороший голос был у Михаила Никифоровича Никифорова. Его часто просили исполнить «Шотландскую застольную», и никогда он не отказывался.

Михаил Никифорович и сейчас (работает он преподавателем средней школы города Пустошки) нет-нет, да и тряхнет стариной. Споет — заслушаешься.

Когда у костра или в землянке в свободный час появлялся Георгий Нестерович Федоров, звучали лирические песни: «Вечерний звон», «Степь да степь кругом», «Как много девушек хороших». Цели мы и мысленно уносились в мирные довоенные дни. Песни тревожили душу, боевые товарищи тянулись друг к другу. Это помогало крепить партизанскую семью.

Во время недавней встречи с директором Себежской школы Мартыном Мартыновичем Валласом, вспоминая товарищей, мы припомнили и безобидные, а иногда и хлесткие, прозвища, которые партизаны давали друг другу. Я тогда, например, не знал, что боевого комиссара одного из отрядов — Федора Волисова — товарищи за глаза называли «все до чисточки». Поводом послужили слова самого Федора Егоровича. Строили партизаны землянку. Вдруг на большаке раздалась стрельба. Прибежал к строителям Волисов и приказывает: «В случае чего все до чисточки в болото». Вот и прилипло слово к человеку. Бывало подходит он, а кто-нибудь предупреждает: «Мальцы, тише, «все до чисточки» идет». Шутка шуткой, а уважение и послушание своим чередом.

Бригада в своем большинстве состояла из людей молодых, неженатых. Естественно, что между нашими бойцами и девушками из деревень, в которых мы часто бывали, возникли и симпатия, и крепкая любовь. Командование отрядов и бригады не запрещало (попробуй — запрети!) встречаться парням и девушкам. Но жениться не разрешалось.

Многие наши товарищи пронесли свои чувства через годы испытаний, другие сберегли верность любимым до последних дней рано оборвавшейся жизни. Я знал, например, что у нашего лихого разведчика Рэма Кардаша есть любимая девушка. Рэм часто писал Людмиле письма, посвятив ей стихотворение. Как-то он прочел его в кругу друзей. Лирически проникновенное, немного грустное, оно

очень понравилось слушателям. Обычно парни любят шутить и подсмеиваться над теми, кто не стесняясь говорит о верности избраннице своего сердца. Над Кардашем никогда не шутили: знали, что чувство его крепкое, чистое.

Бываю теперь в Себеже, я почти всегда встречаюсь с Николаем Михайловичем Ивановым. Он тоже из наших. Во вторую военную зиму, говоря словами песни, «шел парнишке в ту пору восемнадцатый год». Смелый, ловкий был партизан. Полюбил он Женю — дочь красноармейца из себежской деревушки Сляново, по-настоящему полюбил. Встречались в редкие свободные минуты. Когда отшумели партизанские бои, Николай ушел в армию. В 1946 году демобилизовался, разыскал Женю и женился. Сейчас у него взрослые дети.

Однажды в бригаду из деревни Козельцы пришел пожилой крестьянин Федор Григорьевич Григорьев. Жену его фашисты сожгли живьем. Пришел партизанить Григорьев не один — с тремя дочерьми. Одна из них, Лида, стала разведчицей. Крепкая дружба связала ее с лихим разведчиком ленинградцем Николаем Форсуновым... Вот уже 30 лет они идут по жизни рука об руку.

Последний месяц сорок второго года. Опять маневр — отряд Никонова ушел в «свою» часть района — на север. Вскоре и штаб наш перекочевал туда же. Отрядам (Щербины — Григорьева, Малаховского — Волисова) были поставлены задачи: уничтожать мелкие подразделения противника, появляющиеся для различных поборов в их округе, совершать диверсии на дорогах, вести агентурную разведку, организовать изготовление валенок, полушубков и лыж.

15 декабря я получил приглашение приехать в деревню Одеро, куда накануне прибыло какое-то партизанское формирование из советского тыла. Обрадовался. И часа не прошло, как с Борисом Анохиным были мы в пути. Торопились. Подмораживало. От воздуха, по-зимнему студеного, перехватывало дыхание.

Командир бригады капитан Лисовский принял меня радушно, познакомил с комиссаром Владимиром Николаевичем Вакариным, заместителем по разведке Василием Филипповичем Барановым. Они показали мне приказ 04 по оперативной группе 3-й ударной армии, в котором говорилось о подчинении отряда Марго в количестве ста человек товарищу Лисовскому. Итак, заканчивался декабрь, а кто-то из наших прямых начальников все еще располагал данными о нас на август.

Довольно сдержанно я сказал, что у нас уже не отряд, а бригада, приказу подчинюсь, но предварительно сообщу об этом подпольному райкому партии. Как он решит — так и будет. Лисовский с моим мнением согласился.

Вместе с отрядами Лисовского в наш район пришел отряд латышей — все, как на подбор, рослые, коренастые, вооруженные автоматами. Глядя на них, я вспоминал известные по книгам и кино латышских стрелков — верных стражей Великого Октября. Сыновья продолжали дело отцов.

Темной декабрьской ночью они без выстрела перешли линию фронта. На рассвете, измученные и продрогшие, выиграли бой с гитлеровцами на реке Великой в Поддубье.

Шли латыши в родные края. Командовал отрядом Вилис Самсон. Двадцатидвухлетний коммунист, уже опытный партизан, Самсон участвовал в походе первого крупного латышского партизанского полка «За советскую Латвию». Формировался полк в Ленинградской области в районе Старая Рууса, Холм, Дно, Чихачево — на оккупированной территории. Летом 1942 года он под командованием В. Лайвиньша вместе с 1-й и 4-й бригадами ленинградских партизан двинулся на запад. Вилис Самсон командовал во время рейда отрядом, отличился в боях на территории Славковского района Ленинградской области. В схватке с большими силами гитлеровцев под деревней Кошкино Самсон чуть не погиб. Пуля, направленная в упор, попала в диск его автомата.

Лишь отдельным группам полка «За Советскую Латвию» удалось просочиться сквозь сеть фашистских гарнизонов в глубь оккупированной территории республики. И вот Самсон вновь появился во главе спецотряда у старой границы. Центральный Комитет КП(б) Латвии поставил перед отрядом большую цель: создать партизанскую бригаду и в широком масштабе развернуть народную войну.

Вечер в Одереве прошел во взаимных расспросах. Мы условились с Лисовским и Самсоном о совместных действиях договориться утром. Самсон улыбаясь сказал:

— Пусть будет по пословице: утро вечера мудренее.

Но послать нам в ту ночь не пришлось. Внезапно на окраине деревни послышалась стрельба. Отряды Лисовского и Самсона быстро поднялись по тревоге и заняли оборону. Я решил поехать к отряду Никонова и с ним попытаться задержать фашистов, чтобы дать нашим гостям возможность уйти в освейские леса без потерь. На пути встретил разведчиков. Они сообщили — отряд Нико-

нова уже спешит к месту боя. С восхищением подумал: «Ну и молодец Василий Николаевич. Услышал выстрелы — и сразу сообразил, что к чему».

Приближался рассвет. Густой туман окутал все окрест. Начал таять снег. Командир отделения Семен Николаевич Живодров, находившийся на краю деревни Крутово, увиделдвигающуюся к околице колонну и усомнился: противник ли это? А вдруг латыши?

— Эй, там, давай сюда одного на переговоры.

Из колонны тоже крикнули что-то на ломаном русском языке.

— Фашисты! Огонь! — скомандовал Живодров.

Гитлеровцы под прикрытием тумана попытались окружить деревню, но отряд Никонова с криком «ура!» бросился в контратаку. Фашисты, отстреливаясь, начали отходить. Некоторые залегли в лощине и повели фланговый огонь. Живодров подобрался к стрелявшим и метким выстрелом сразил одного из автоматчиков. Но в тот же миг упал сам, подкошенный автоматной очередью. Обливаясь кровью, он приказал:

— Ребята, добейте гадов!

Политрук взвода Александр Панов, Петр Яковлев, братья Поляковы — Владимир и Петр — уничтожили фашистов. Потеряли мы в тот ранний утренний час еще одного отважного бойца — Ивана Васильевича Шалаева. Убитого у пулемета заменил Александр Цыганков.

К гитлеровцам вскоре подоспело подкрепление, и они теперь атаковали сразу две деревни — Крутово и Бубны. Но я уже получил сообщение, что латыши оторвались от преследования. Вскоре мы соединились с Самсоном и Лисовским. После небольшого отдыха двинулись в путь.

17 декабря утром синей кромкой на горизонте обозначились освейские леса.

— Ну вот и дотопали до новой крепости, — сказал Кулеш, показывая рукой в сторону бора.

— Какой крепости? — не понял Лисовский.

— Лес — крепостная стена для гитлеровцев, а для нас — дом.

— Родной дом, — уточнил слова комиссара Самсон.

По рации Лисовского Кулеш и я связались с членом Военного совета Калининского фронта Бельченко, доложили о создании бригады и обстановку в районе.

В ответной радиограмме за подписью Бельченко сообщалось, что мы остаемся самостоятельной бригадой, ей присваивается номер пять, а в бригаду номер четыре (ко-

мандир Лисовский) для ее усиления должны передать один из своих отрядов.

Нас это, конечно, не обрадовало, но приказ есть приказ. Передали Лисовскому отряд Малаховского в составе 129 человек.

В нашей бригаде было десять бойцов-латышей. Им очень хотелось воевать в своем родном краю. С нашего разрешения они пополнили отряд Самсона. Вскоре в него влились партизанские группы А. Грома (36 человек), И. Барановского (15 человек). Они были связаны с местным населением, что имело немаловажное значение для решения задач, поставленных перед спецотрядом.

И опять Кулеш задает мне свой традиционный вопрос:

— Что будем делать, Володя? Пообщипали нас будущие соседи.

— Были бы кости целы, а мясо нарастет, — отвечаю я.

Мы с комиссаром идем к хате, где собрался командный состав бригады.

— А нам без третьего отряда никак нельзя, — продолжает Кулеш.

— Трудно, — бурчу я в ответ.

— Николай Степанов, по-моему, потянет отряд. Как думаешь, командир?

— Степанов, конечно, справится.

На совещании решили: быть третьему отряду. Люди найдутся. С оружием, правда, плохо. Ну что ж, не привыкать — добудем в бою. Командиром отряда был назначен Николай Степанович Степанов, комиссаром — Иван Елисеевич Солнцев. Оба из советского тыла, ветераны, партизаныли осенью сорок первого. Дали им 12 бойцов из отряда Щербины и Никонова, поставили задачу: создать боеспособное подразделение к Новому году.

Грядущий 1943-й год встретили мы одним добрым делом — в предновогоднюю ночь уничтожили охранный гарнизон в деревне Глубочице, в пяти километрах от Себежа. Дело было так. В себежской полиции был у нас свой человек — Семен Яковлевич Дмитриев, в прошлом балтийский моряк. Конопаткин послал к нему Николая Борисова. Тот через два дня принес нам все данные о гарнизоне, сообщив, что старшим в ночь на 30 декабря в Глубочицу будет назначен... Дмитриев.

Еще никогда так близко мы не действовали у Себежа. В распоряжении коменданта города — сотни солдат, бронемашин, танкетки. Об этом нельзя было забывать, и я один из взводов поставил в засаде на случай подхода под-

крепления из города, другой взвод послал отрезать дорогу в лес.

Операцию начали около полуночи. Борисов, настегивая лошадь, въехал в деревню. Его остановил часовой окриком: «Стоять! Куда едешь?» Николай начал объяснять: жена, дескать, рожает, тороплюсь в Себеж. В этот момент из караульного помещения вышел полицейский Ляховский, который во всем помогал Дмитриеву. Он распорядился пропустить Борисова и сказал, что сам с ним поедет. Повозка затарахтела дальше.

Я с группой бойцов находился на горке, на опушке леса. Ляховский, увидев нас, соскочил с телеги и, лихо козырнув, доложил:

— Товарищ командир бригады! На охране моста через реку на трех постах сейчас стоят наши люди, готовые бросить службу в полиции. Тех, кто находится в караульном помещении, нужно брать внезапным налетом.

Я подал сигнал, и группа бойцов во главе с Семеном Багрием бесшумно исчезла в направлении к дому, где светились яркие огни. Ночь была морозная и лунная. Земля на холмах чуть припорошена снегом. Видимость хорошая. Все следовало делать быстро и тихо.

Прошло несколько минут. В караульном помещении прозвучали две короткие автоматные очереди. Это Багрий и Иванов прикончили фашистских прислужников, схватившихся за оружие. Большинство же охранников, услышав громкое «Руки вверх, сволочи», успели лишь побросать игральные карты. В это время отделение Югансона обезоружило пулеметчиков, а остальные бойцы уже распоряжались на мосту: накидав на него солому, обливали ее керосином.

В Себеже заметили пламя. В караулке раздался звонок. Дежурный военной комендатуры тревожно спросил:

— Что у вас там случилось?

— Загорелся стог сена, господин обер-лейтенант, — доложил старший охраны уже не существующего гарнизона Дмитриев.

— Скоро все запылает вокруг вас, ироды проклятые, — вполголоса добавил Семен Багрий.

Новогоднюю ночь мы встретили в деревнях Волоцья, Нечертцы, Орловичи. Отдыхали. Бойцы приводили в порядок оружие, одежду. Дымили бани. А потом были и добрая чарка и песня.

Ровно в полночь в Себеже, около казарм гитлеровцев, разорвалось несколько артиллерийских снарядов. Город

обстреливали партизанские пушки белорусской бригады Александра Васильевича Романова и четвертой Калининской бригады. Комендант поднял гарнизон по тревоге. Праздник оккупантам был испорчен.

В новогоднюю ночь обычно принято задумываться над прожитым, а еще больше мечтать о грядущем. Хотелось, очень хотелось, новых радостных вестей с фронта — известий о больших победах, таких, как разгром фашистов под Москвой. Это раз. Далее, росла и крепла убежденность в том, что, как бы ни было трудно в дальнейшем, край свой мы не покинем, в советский тыл не выйдем. Третье направление мыслей было весьма прозаичным: проснуться и вдруг очутиться в Себеже, ставшим мне родным городом, в довоенной обстановке, в добром учительском кругу. На районной конференции, что ли.

Начало года для защитников Братского партизанского края было боевым. Крупные силы белорусских партизан с участием некоторых отрядов калининцев и латышей совершили одновременный налет на 8 вражеских гарнизонов, расположенных вдоль железнодорожной ветки Борковичи — Дрисса, изрядно потрепали их. 13 января печальная участь постигла крупный фашистский гарнизон в местечке Вецслабада. В операции участвовало около восьмисот латышей, белорусских, калининских и литовских партизан. Гарнизон был почти полностью уничтожен. Народные мстители сожгли спиртзавод, склады, захватили большие трофеи.

В налете на Вецслабаду зрелым командиром показал себя наш новый знакомый — Вилис Самсон.

Разгром Вецслабады имел большой отзвук во всей Латвии. Сотни непокоренных советских людей стали пробираться в восточные районы республики, искать Самсона и его боевых друзей. За короткий срок отряд Самсона превратился в бригаду, численностью до полутора тысяч бойцов.

Забегая вперед, скажу: Вилис Петрович был тяжело ранен в одном из боев, стал Героем Советского Союза. Ныне он ученый и общественный деятель Латвийской ССР. И такой же простой, обаятельный человек.

Командование фашистских войск групп «Центр» и «Север» решило уничтожить Братский партизанский край или хотя бы пресечь наступательные действия объединенных сил белорусских, калининских и латышских партизан. С этой целью зимой 1942/43 года были предприняты две крупные карательные экспедиции. Но ни «Заяц-бе-

ляк», ни «Зимнее волшебство» (таковы были кодовые названия операций) не принесли врагу успеха.

В первой экспедиции участвовали: 601-й полк 201-й пехотной дивизии, 2-й полк велосипедистов 8-й легкой пехотной дивизии, 409-й егерский полк, 481-й гренадерский артиллерийский полк и подразделения из гарнизонов Себежа, Идрицы, Суток, Рудни, Нищи. Судя по показаниям пленных, каратели должны были очистить от партизан треугольник Невель — Себеж — Полоцк и восстановить движение по шоссе Себеж — Полоцк.

Борьба носила весьма ожесточенный характер. В бой за село Павлово Россонского района противник бросил до тысячи человек, три танка, пушки. Сражение шло сутки. В тот день отличились бригады Гаврилова и Бойдина, а из нашей бригады — отряд Щербины. Отважно действовали и автоматчики — латыши, занимавшие рубеж в центре села.

Вечером 10 февраля гитлеровцы, понеся большие потери, ворвались в Павлово. Однако дорога по-прежнему находилась в руках партизан. Их отряды стали замыкать кольцо окружения. Поздней ночью фашисты спешно покинули село. О героях Павловского боя партизаны сочинили песню. Были в ней такие слова:

Беспощадно, как зверей,
Бьют сейчас германцев
Смелый Ботов — командир,
Комиссар Таланцев.

Ф. И. Ботов и П. С. Таланцев возглавляли один из отрядов бригады Федора Бойдина. Умелым организатором боевых действий бригады был начальник ее штаба Дмитрий Александрович Халтурин — партизан с декабря 1941 года.

О масштабе и значении, которое придавалось карательным экспедициям в начале 1943 года, можно судить по совершенно секретной телеграмме от высшего командования в адрес группы войск Шевалера и начальнику тылового района группы армии «Центр». В телеграмме-приказе указывалось:

«Обергруппенфюрер СС и генерал полиции Еккельн намереваются в ближайшее время на границах между рейхкомиссариатом Остланд и тыловыми районами групп армий «Север» и «Центр» провести операцию против банд партизан, которая распространится также на оперативные районы. Группы армии должны широко поддерживать эту

операцию и все силы, которые можно высвободить, временно подчинить для практического использования ст. начальнику СС полиции группы армии «Север». О подробностях договориться непосредственно...»

Еккельн для участия в последней экспедиции привлек около 20 тысяч солдат. Значительную часть их составляли полевые войска вермахта. Каратели двинулись из гарнизонов Даугавпилса и Зилупе на восток, из гарнизонов Дрисса и Бигосова — на север, из Опочки и Себежа — на юг. Они пытались охватить Братский партизанский край, продвигались медленно, создавая по пути мелкие гарнизоны для охраны своего тыла.

Наступили тревожные дни. Было решено действовать объединенными силами. А. Ф. Бардадын, уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения, командовал белорусскими бригадами; калининскими — руководил А. И. Штрахов, латышские отряды возглавлял К. М. Озолинь.

Калининские бригады А. М. Гаврилова, Ф. Т. Бойдина, В. М. Лисовского, белорусские — И. К. Захарова, Р. А. Охотина, А. В. Романова встретили карателей во урочищах. Засады на пути движения, удары с фланга, уничтожение гарнизонов в тылу экспедиционных войск — такова была тактика партизанских сил. Врагу удалось отрезать некоторые латышские отряды от русских и белорусских партизан, но те развернули активную диверсионную деятельность в тылу экспедиции.

Основные боевые действия развернулись в Белоруссии. Гитлеровцы вторглись и в юго-западную часть Себежского района, обрушив удар своих регулярных войск на жителей Ляховского и Дединского сельских Советов, пограничных с Латвией. Партизан в то время там не было. Фашистские варвары «сражались» с населением: сожгли 50 деревень, расстреляли около ста человек и больше тысячи женщин, детей, стариков угнали в Латвию.

Из нашей бригады активно участвовали в борьбе с карателями отряды А. Т. Щербины и Н. С. Степанова. Они упорно дрались в районе деревень Ормея и Денисенки, не пропустили гитлеровцев к Освее. Кроме открытых боев с карателями мы в те дни сделали 21 засаду, взорвали три моста и разрушили станционное хозяйство на трех железнодорожных разъездах, спустили под откос и сожгли несколько платформ с автомашинами.

До 20 марта противник пытался сжать кольцо вокруг края. Тщетно! Партизаны устояли. А тут наступила ве-

сенная распутица. Под прикрытием самолетов каратели в конце месяца начали отступать в направлении Себеж, Освея, Кохановичи.

В боях с карателями мы потеряли замечательного партизанского вожака Василия Николаевича Никонова. Его отряд пришел в деревню Замошане. В этот район мы стягивали силы бригады, чтобы преградить путь воинской части, которая, по донесениям нашей агентурной разведки, должна была проследовать из Себежа на помощь карателям в Белоруссию. Весна уже наполняла студеной водой траншеи и глубокие воронки.

Не успели устать, вымокшие бойцы расположиться на отдых и обсушиться, как прискакавший на лошади разведчик Евгений Целицо доложил Никонову:

— Товарищ командир, в соседней деревне фашисты. Василий Николаевич приказал:

— В ружье!

Отправив связного к Степанову с просьбой поспешить со своим отрядом на помощь, Никонов повел бойцов навстречу гитлеровцам. Перед деревней завязался бой.

Фашисты не ожидали встретить здесь сопротивление, кое-кто из солдат повернул назад.

— Вперед, ребята! Круши гадов!

С этими словами Никонов первым бросился врукопашную. Автоматная очередь сразила его почти в упор. Над полем боя пропесся чей-то отчаянный крик:

— Командира убило!

Яростной была атака бойцов. С фланга в это время ударил по фашистам отряд Степанова. Каратели бежали, оставив по дороге несколько десятков трупов.

Хоронили мы Василия Николаевича с воинскими почестями всей бригадой в белорусской деревне Рудне. Накануне похорон пришел ко мне Крюков и говорит:

— Вот что, Владимир Иванович, не знаю, как там начальство на такие вопросы смотрит, но уважить нужно одну просьбу ребят сразу.

— Какую, товарищ Крюков?

— Бойцы просят отряду присвоить имя Василия Николаевича.

Я согласился. Командиром отряда имени Никонова мы назначили лучшего командира взвода Леонова.

Спустя неделю «воздушный писемносец» доставил в бригаду почту. Одно из писем было адресовано Василию Николаевичу. С волнением читали мы строчки, написанные рукой его одиннадцатилетней дочери.

«Дорогой папа! Мы живем хорошо. Мама работает на заводе, я учусь в четвертом классе только на «хорошо» и «отлично». Когда приедешь, я покажу тебе свои отметки. Скорее кончай войну и приезжай домой. Желаем тебе наилучших успехов в твоей партизанской жизни. Целую тебя. Твоя дочь Аля».

В борьбе с карателями теряли мы и новичков, и ветеранов. Остался лежать навечно в белорусских лесах начальник штаба первого отряда Семен Тихонович Багрий, пали смертью храбрых и другие наши товарищи.

В разгар второй военной весны калининские партизаны вместе с отрядами белорусов провели две крупные операции наступательного характера, вошедшие в историю под названием «Савкинский мост» и «Штурм Суток». Наша бригада не принимала в них непосредственного участия. В первой главную роль играли отряды из бригад Гаврилова, Семина и Бойдина (во время этой операции погиб уполномоченный штаба партизанского движения майор И. И. Веселов), вторая проводилась в основном силами 10-й калининской партизанской бригады. Командовал ею бывший заведующий военным отделом Великолукского горкома ВКП(б) Николай Михайлович Вараксов. Бригада пришла из-за линии фронта и с января 1943 года вела боевые действия в Красногородском, Опочечком и частично Себежском районах.

Весенние бои показали возросшее боевое мастерство партизан, умение действовать наступательно, неиссякаемую силу родников народной войны.

НАШИ НЕВИДИМКИ

Разгром фашистских армий под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, освобождение советскими войсками Великих Лук не только радовали народных мстителей, но и обязывали их усилить помощь фронту. В новых условиях особенно большое значение приобрела разведывательная информация — как для партизан, так и для наших армейских штабов.

Не знаю, как бы мы справились с этой важной задачей, если бы не подпольщики. О них мне хочется рассказать и побольше и в отдельной главе.

В Себеже, Идрице, Опочке и Пустошке не было подпольных организаций, как в Острове, Дне, Порхове, но во время всей оккупации там самоотверженно действовали небольшие группы патриотов и одиночки-подпольщики. Немало их работало в гарнизонах врага и в сельской местности.

Среди них были, конечно, и те, кто с радостью согласился помогать еще в тот памятный октябрь 1941 года, когда наша маленькая группа коммунистов совершала походы из деревни в деревню, но не вела, да и не могла вести, вооруженную борьбу в широких масштабах.

Встречи с ними в дни, когда мы уже действовали отрядом, а затем бригадой, были для нас очень важны. Как-то после трудного перехода отряд остановился на отдых в лесной деревушке. Только я пристроился на лавке надремнуть часок-другой, как вошел дежурный:

— Товарищ командир, вас хочет видеть девушка.

— Кто такая?

— Не говорит.

Пришлось подняться. Смотрю — на крыльце стоит Пынто. Похудела. Лицо осунулось, но глаза, как и десять месяцев назад, — два огонька. Улыбается.

— Вот я и разыскала вас, Владимир Иванович. Спасибо, что слово сдержали — пришли.

Всю ночь я и Андрей Семенович Кулеш слушали рас-

сказ Марии. Это был настоящий отчет нашей разведчицы, смелой и умной. Пынто помогла нам составить список людей, готовых вступить в партизаны, назвала имена предателей, сообщила ценные сведения о крупных гарнизонах врага в зоне действия наших партизанских сил.

— Молодец, Мария,— похвалил я девушку.— Не нас благодарить надо за возвращение, а тебя за все, что ты тут сделала без нас.

А она опять улыбается, глаза прищурила, смотрит на меня и говорит:

— Да я ведь не одна, у меня сеть.

— Какая сеть? — не понял Кулеш.

— Разведчиков-подпольщиков.

Такого подарка мы никак не ожидали. А Мария, рассказав про своих помощников, неожиданно попросила:

— Замена у меня теперь есть. Возьмите к себе в отряд, Владимир Иванович.

Трудно, очень трудно мне было отказать в просьбе Марии. А пришлось. Бойцов у нас хватало. А «сеть» Пынто без нее могла не сработать. Только весной Мария покинула деревню,— в немецких гарнизонах бывшую избачку уже хорошо знали и охотились за ней. Но, даже став бойцом бригады, сначала нашей, затем Федора Бойдина, отважная комсомолка не изменила своей «специальности» — осталась разведчицей. Мария была одной из самых надежных помощниц заместителя командира 4-й бригады по разведке Василия Филипповича Баранова.

Трагически сложилась дальнейшая судьба этой удивительной девушки. Весной сорок четвертого года Мария Селиверстовна Пынто на заседании Себежского райкома партии была утверждена вторым секретарем подпольного райкома комсомола. А через некоторое время ее свалил тиф. Она лежала в бреду, когда фашистские ищейки напали на ее след. О том, что произошло дальше, рассказано в листовке, выпущенной в те дни.

«Запомни и отомсти!

15 мая 1944 года фашистские каратели ворвались в землянку, где укрывались две девушки* из деревни Дубровка Себежского района. Младшую — Марию Пынто, заподозрив в ней партизанку, они подвергли жестоким издевкам. Выбили зубы, отрезали левое ухо. Кровь текла

* Вторую звали Ядвига. Она была сестрой Марии. Ей удалось бежать. Пули карателей миновали Ядвигу.

по лицу девушки, но она не ответила ни на один вопрос палачей. Ее спину полосовали ножом — она молчала. Ее взгляд был полон ненависти и презрения. Глубоко вздохнув, готовая умереть, но не покориться, девушка бросила в лицо врагу гордые слова:

— Ваша гибель неизбежна, русский народ победит!...»

Только на четырнадцатый день партизаны нашли в лесу изуродованный труп Пынто. На теле Марии было семь ножевых ран...

Я смотрю на фотографию Марии, и невольно приходят на память стихи себежанина Ф. Стриго:

Русая прядь по-девичьи взбита.

Взгляд спяватых глаз упрям.

Как ее имя? Мария Пынто.

Пусть это имя запомнится вам.

На кургане Дружбы на берегу речки Синеи ныне установлен обелиск в честь подвига Марии. Надпись на мемориальной доске гласит: «Здесь, в Братском партизанском крае, мужественно боролась с врагом славная дочь советского народа — секретарь Себежского подпольного райкома ВЛКСМ Мария Пынто. Отважная патриотка зверски замучена фашистскими палачами 15 мая 1944 года. Вечная слава герою!»

Таким же самоотверженным бойцом незримого фронта был Никита Никифорович Никифоров, оставшийся осенью 1941 года с согласия Виноградова и Кривоносова в деревне Карпино, где жили его жена и сын. Рассказав в управе об участии в эвакуации колхозного скота, а затем о длительной задержке его оккупантами на оборонных работах, Никифоров получил документы и неторопливо, осторожно начал действовать. Жене прямо сказал: «Партия поручила делать то, что и в восемнадцатом году».

Это Никита Никифорович заранее подобрал нам связных, беспрепятственно проникавших в Себеж. Это он обеспечивал разведывательной информацией первые партизанские группы, помогал скрываться секретарю райкома партии Кривоносову, поддерживал связь с командиром-пограничником Конопаткиным.

В феврале сорок второго года агенты тайной полиции провалили явку, где бывал Никифоров. Начальник ГФП приказал Вильгельму Бусу и Митрофану Гирсову арестовать старого коммуниста. Трое суток в февральский бурян рыскали полицейские ищейки по деревьям колхоза «Брошевик», наконец схватили Никифорова. Арестовали и его жену. В Себеже Никита Никифорович попал в руки ге-

стапо. Жену отпустили. При прощании он попросил: «Ко мне не приезжайте. Я домой не вернусь. Береги сына».

О дальнейшей судьбе нашего боевого товарища мы узнали из допросов полицейских, захваченных нами в предновогоднюю ночь при налете на деревню Глубочицу. Вначале гестаповцы смазывали Никифорова на предательство, затем люто избивали, морили голодом, два раза во дворе тюрьмы оставляли на морозе раздетым догола. Истерзанный патриот в ответ на все вопросы упорно повторял свою «легенду». 12 марта 1942 года фашисты расстреляли Никифорова.

Большую роль в создании нашей агентурной разведки сыграл Пантелеймон Петрович Конопаткин, кадровый военный.

Война застала старшего лейтенанта Конопаткина на одной из застав наших новых западных границ. В первых боях он был ранен. Местные жители помогли командиру-пограничнику укрыться. Выздоровев, Конопаткин решил пробираться в советский тыл. Поздней осенью он появился в Себежском районе, где хорошо знал коммунистов пограничных колхозов.

Встретился с Никифоровым, с семьей учителей Федоровых, разыскал Кривоносова и остался на подпольной работе. У моих старых друзей — Георгия Нестеровича и Валентины Яковлевны Конопаткин нашел приют. Федоров связал его с группой бывшего своего ученика Григория Иванова. В доме Федоровых смелый пограничник слушал радиопередачи из советского тыла, а затем раздавал своим помощникам сводки Совинформбюро, которые удавалось переписать от руки Валентине Яковлевне.

Был такой случай. Неожиданно утром в школу нагрянули жандармы из ГФП. Георгий Нестерович в это время находился по дороге в Себеж, а Конопаткин, отдохнув немного после ночной диверсии, сидел в комнатухе-чулане (она была специально оборудована для него) и читал газет. Валентина Яковлевна не успела даже убрать радиоприемник из школьного шкафа с наглядными пособиями.

Начался обыск. Конопаткин приготовился к худшему — от гитлеровцев его отделял шкаф, за которым был вход в его «штаб-квартиру». Чем бы все это окончилось, не трудно догадаться, если бы... вдруг Валентина Яковлевна не упала бы в обморок.

— Тиф, — слабым голосом объяснила она свое состояние старшему из жандармов,

— Тифозен? — со страхом переспросил фельдфебель. Гитлеровцы быстро покинули школьное здание.

Опытный разведчик, мужественный и энергичный человек, Пантелеймон Петрович в течение нескольких месяцев ходил из сельсовета в сельсовет, встречался со знакомыми активистами, красноармейцами, избежавшими плена, но оставшимися на оккупированной территории. Так, звено за звеном, создавалась сеть подпольщиков-информаторов в фашистских гарнизонах. Они были у Конопаткина даже в тайной полевой полиции.

Не ограничиваясь разведкой, Конопаткин создал небольшую группу боевиков-диверсантов. Ранней весной 1942 года пятерка отважных уничтожила охрану трех маслозаводов, совершила несколько нападений на гитлеровцев, направившихся грабить деревни, сожгла на шоссе пять мостов, разгромила волостное управление в Аф. Слободе.

Я знал Пантелеймона Петровича до войны и был рад встретиться с ним осенью сорок второго года. Звали мы его Павлом. Наш «главный разведчик» никогда в разговоре с подчиненными не повышал голоса, умел внимательно слушать, обладал отличной памятью. В общем, лучшего заместителя по разведке я и желать не мог.

Долго нам вместе работать не пришлось. Конопаткин в январе 1943 года получил спецзадание и во главе отдельной разведывательной группы ушел в район Полоцка. Мы с Кулешом не поскупились: отдали ему несколько наших лучших разведчиков. Группа действовала смело и результативно. Пантелеймон Петрович удостоился высокой награды — ордена Красного Знамени. В декабре сорок третьего года Конопаткин погиб.

Среди подпольщиков Себежа выделялась группа бывшего директора городского хлебозавода коммуниста Степана Николаевича Лапшова. Эвакуироваться в сорок первом Лапшов не смог, — в семье его было четверо малых ребят. Устроился работать на маслозавод, стал присматриваться к людям. Вскоре установил контакты со старым большевиком, партизаном времен гражданской войны Алексеем Кузьмичем Кузьминым и бывшим матросом эскадренного миноносца «Виносливый» Андреем Ивановичем Уткиным. Лапшов помог Андрею Ивановичу устроиться конторщиком в городскую управу.

Степан Николаевич и Алексей Кузьмич не сдали радиоприемники. С большим риском для жизни слушали они передачи из Москвы и Ленинграда, а потом все трое от

руки писали листовки. Распространяли их молодые подпольщики Борис Кузьмин, Николай Иванов, Петр Боровков, Федор Петров и другие юноши, привлеченные Лапшовым к борьбе с оккупантами.

Всем участникам подполья Степан Николаевич рекомендовал устроиться на такую работу, которая позволяла бы им свободно передвигаться по району: ремонтными рабочими на шоссе, на железной дороге. Члены группы не только вооружались сами, но и собирали оружие для партизан. Хранили его в стогах сена, в пчелиных ульях. Когда Конопаткин связал Лапшова с нами, мы получили от подпольщиков двадцать винтовок, три ящика патронов, больше двухсот гранат.

В сентябре 1942 года члены группы Лапшова Валентина Сергеева и Виктор Шутов уничтожили собранное для отправки в Германию зерно. Петр Защеринский поджег казарму одного из подразделений охранных войск фашистов.

Впервые я встретился с представителями себежского подполья 6 декабря 1942 года. Место для встречи было выбрано под самым носом у гитлеровцев — в пяти километрах от города, на Чернейской мельнице. Ночь выдалась темная. Я и Конопаткин добрались до деревни, не встретив никого по дороге. Дом мельника стоял в полукилометре от деревни, и мы долго бы пугались, наткнувшись на сугробы, если бы не мелькнул в кромешной тьме условленный огонек.

Вместе с Лапшовым приехали Дмитрий Микшевич, Тимофей Башуров, Степан Ермолаев, Казимир Ворошилов. Всех их я хорошо знал по совместной работе до войны, так что нам не потребовалось времени на знакомство. Коротко проинформировав товарищей о задачах бригады, я передал им задания подпольного райкома партии. Лапшову было поручено наблюдать за участком железной дороги от Себежа в сторону Риги, устанавливая номера воинских частей, находившихся в городе, и по возможности количество солдат в них. Микшевичу поручался контроль за движением на железнодорожном участке Себеж — Идрица и выполнение обязанностей связного. Первую встречу назначили у моста в деревне Ключки 10 декабря с 12 до 14 часов. Башуров должен был составить список всех себежских полицейских, дав им соответствующую характеристику, а также собрать соль для партизан. Искать оружие, особенно боеприпасы, и доставлять его в бригаду поручалось Ермолаеву.

Встреча, хотя и короткая, деловая, взволновала всех присутствовавших. Подпольщики почувствовали, что они теперь не одни, что в их информации очень нуждаются. Радовались и мы с Конопаткиным, убедившись, что в городе у нас теперь есть надежные «уши и глаза», как выразился Пантелеймон Петрович, тепло прощаясь с себежанами.

Эти первые и последующие задания Лапшова и его товарищи выполняли самоотверженно. Их разведанные всегда были точными. Немало потрудились они, выполняя указания подпольного райкома об организации антифашистской пропаганды среди солдат гитлеровской армии, особенно среди тех, кто был призван на службу из оккупированных стран.

Член подпольной группы Андрей Иванович Уткин вначале осторожно, как бы между делом, а потом все подробнее знакомил солдат со сводками Совинформбюро, рассказывал о том, какой размах приняло партизанское движение. Доказывать это особенно не приходилось: солдаты хорошо знали, что за пределы города дальше чем на два-три километра выходить нельзя, иначе рискуешь встретиться с партизанами.

В конце 1942 года в штаб нашей бригады поступило сообщение Уткина о том, что солдаты, с которыми он вел работу, хотят перейти к партизанам. От этого шага их удерживает боязнь за судьбу своих родных, оставшихся в Польше и Германии. Но они обещали, что, попав на передовую, сразу же найдут возможность сдаться в плен. Двое солдат — поляк и немец — изъявили желание тотчас уйти к партизанам и просили сообщить, как это можно сделать.

Мы назначили место встречи. Оба солдата заявили, что они готовы с оружием в руках бороться с нацистами и что никакие опасности для них не страшны. Если же им не доверяют или по каким-либо другим причинам не могут оставить в отряде, они просят считать их военнопленными.

Вышестоящее командование разрешило нам оставить перебежчиков в бригаде. Позднее своими боевыми делами они оправдали наше доверие.

Что же привело этих солдат к партизанам именно в тот момент, когда гитлеровское командование, нажав на все педали пропагандистской машины, пыталось доказать солдатам, что победа не за горами?

Происходило это в каждом случае по-разному.

Поляк-перебежчик Бернард Адамович Тшебетовский до оккупации Польши немецко-фашистскими войсками был офицером военно-морского флота. Политикой он не занимался, его не интересовала и жизнь простого народа. В сентябре 1939 года он сразу же перешел в армию, которая, поверив геббельсовской пропаганде, согласилась служить нацистам. Но вскоре война открыла ему глаза на то, что творилось в порабожденной Польше.

Весной 1942 года Тшебетовский, оскорбленный фашистским офицером, дал ему пощечину. За это он был лишен офицерского звания и переведен в чине унтер-офицера в резервный полк, которому предстояло отправиться на Восточный фронт. Когда его часть прибыла в Себеж, находившийся сравнительно недалеко от линии фронта, и когда Тшебетовский познакомился с обстановкой и встретился с советскими подпольщиками, возможность перехода к партизанам для него стала реальной. В течение двух месяцев он сражался плечом к плечу с нами, принимал участие в разгроме немецко-фашистских гарнизонов, подрывал на шоссе вражеские автомашины.

Узнав из газет, которые доставлялись в бригаду из тыла, о действиях поляков-патриотов, находившихся в Советском Союзе и боровшихся за создание подлинно народной польской армии, Тшебетовский стал просить, чтобы мы отправили его туда. Он справедливо считал, что, сражаясь в одном строю с соотечественниками, сможет принести больше пользы общему делу борьбы с фашизмом. Просьба Б. А. Тшебетовского была удовлетворена.

Вместе с Тшебетовским из гитлеровской армии дезертировал немец-антифашист Пауль Экс. Он родился в 1909 году в Германии. До 1935 года работал на заводе, а потом был актером провинциального театра. Перед самым призывом в армию три года находился в тюрьме и лагерях за то, что высказывался против установленных порядков и показал на сцене в неприглядном виде одного из нацистских «фюреров».

Годы заключения усилили неприязнь к фашистскому режиму, к нацистам. Когда П. Экса освободили из тюрьмы и в начале 1942 года в Гамбурге призвали в гитлеровскую армию, у него не было никакого желания умирать за ненавистный ему режим. Еще в резервной воинской части в Германии Экс пытался связаться с антифашистским подпольем, но там ему это не удалось. В Польше, куда часть была переброшена на формирование, Экс познакомился и сблизился с Тшебетовским.

Пауль Экс партизанил почти полтора года. Он был поваром и заготовителем в хозяйственном взводе, бойцом-пулеметчиком и разведчиком, переводчиком и санитаром.

В конце сорок третьего и в начале сорок четвертого года уже не одиночки, а целые группы поляков, белорусов из Западной Белоруссии и даже немцев дезертировали из фашистской армии и переходили к советским партизанам. Получив боевую и политическую закалку, многие из них с приближением линии фронта настойчиво стали просить отправить их в оккупированные врагом родные места, чтобы там продолжать вооруженную борьбу с фашистами. В июне 1944 года одна из таких партизанских групп была сформирована и направлена в Польшу. Возглавил ее поляк Адам Адамович Блех, бывший у нас командиром отделения. В группу входили Григорий Шимборецкий, Аркадий Лешко, Яков Путрич, Ян Добролович и другие антифашисты.

В январе 1943 года вместе со своими подопечными пришел в бригаду и Уткин. Семья у Андрея Ивановича находилась в эвакуации, а ему оставаться в Себеже было больше нельзя. Партизаны полюбили этого добродушного, немного застенчивого высокого человека с седой головой. Мы знали, что у нашего нового товарища большой желудок и часто пошаливает сердце, но никто никогда не слышал от него жалобы на плохое здоровье. Однажды, когда Андрей Иванович собирался на задание с группой, которой предстоял тяжелый, длительный переход, и я хотел было задержать его под каким-то предлогом в штабе, он с обидой сказал:

— А у меня есть еще порох в пороховницах. Рано вы меня, товарищ комбриг, в обоз списываете.

Пришлось уступить. Целый год партизанил вместе с нами Уткин. В конце 1943 года он был в отряде Володина и вышел в советский тыл. Там заболел и вскоре в госпитале умер.

Группа Лапшова пополнила наши ряды и молодежью. Чтобы спасти семьи молодых подпольщиков от преследований, было решено вновь инсценировать «насилованный увод» в партизаны. Ребята собрались на вечеринку в деревне Шнуры, расположенной вблизи станции Себеж, а мы «напали» на танцующих. Семнадцать парней и девушек в ночь на 17 января 1943 года стали бойцами нашей бригады.

Расширялись связи группы Лапшова и с другими бригадами. В доме у него стало бывать много людей. Конспи-

рация не всегда соблюдалась. Кто-то из агентов ГФП выследил связанного. Последовал молниеносный арест Лапшова, Микшевича, Ермолаева, Башурова. Были схвачены также Алексей Павлович Голубев — хозяин Чернейской мельницы (его сын Евгений воевал в нашей бригаде) и другие товарищи, связанные с Лапшовым. Арестованных отправили в «отель „Воркующий голубь”», — так издевательски называли гестаповцы свой застенок для пыток в Идрице. После истязаний подпольщики были расстреляны.

Удалось спастись лишь жене Лапшова. Стенаниду Корнеевну при первом налете жандармы не арестовали. Мужественная женщина ночью ушла со старухой матерью и детьми в партизанскую Лоховню. Переправить туда восьмилетнего Сашу, шестилетнюю Валу, четырехлетнюю Галю и годовалого Витю помог подпольщик Борис Кузьмин.

Отважно действовала в Себеже с лета сорок второго года группа Ивана Елисеева. Находчивый, смелый, с мужицкой хитринкой в характере, двадцатипятилетний Елисеев сумел войти в доверие к гитлеровцу Вилли Шутту, и тот взял его к себе шофером. Шутт был непростой фигурой: работал в хозкомендатуре, но дружил с сотрудниками контрразведки Алексом, Шкребой и Игнатком — бывшим белогвардейцем. На попойки к Шутту заглядывал и начальник ГФП Венцель. Елисеев часто слышал их разговоры, знал о ближайших намерениях гитлеровцев в отношении партизан.

Помогать народным мстителям Елисеев начал еще первой военной зимой. Через Федора Егоровича Карпова, жителя деревни Выгородки, он связался с Володиным. Явкой служила Яскинская мельница. Мельник Иван Осипов, родственник Карпова, впоследствии был схвачен гитлеровцами и расстрелян.

С нами Елисеев установил контакты с поября сорок второго года, получил кличку «Надежный», — к слову сказать, он полностью ее оправдал. С ним в паре работал Владимир Шутов по кличке «Точный». Информаторами в группе были Семен Дмитриев из полиции, переводчик комендатуры по кличке «Вальтер», Мария Траскина, Анна Чайкис из городской больницы, Григорий Сенченков со станции Себеж.

Много разведывательной информации дала нам группа Елисеева. Совершила она и несколько диверсий в городе. На окраине Себежа были сожжены скотные дворы, в ко-

торых находился скот, предназначенный для отправки в действующую армию. 28 января 1943 года сгорел гараж хозяйственной комендатуры. На тушении пожара отличился... Иван Елисеев. Машины гитлеровцев были уничтожены, а Иван получил две благодарности: от командования бригады и от начальника немецкой хозкомендатуры.

В конце февраля, после неудавшейся диверсии в городской больнице, арестовали Анну Чайкис. «Вальтер» был на ее допросе, понял, что арест угрожает и Елисееву, и сумел предупредить руководителя группы об опасности. Елисеев с отцом, матерью и сестрой, помогавшей Чайкис, немедленно покинули город.

Фашисты расстреляли Чайкис и Григория Алексеича Сенченка, арестованного после пожара скотного двора. Но оставшиеся подпольщики продолжали борьбу. Елисеев, находясь уже в бригаде, держал связь с Алексеем Иваповым, Александром Ивановым (кличка «Войтин»).

В городской больнице продолжала работать Мария Александровна Траскина. Она хорошо снабжала «хозяйство» Анатолия Голубева различными медикаментами и перевязочным материалом. Заметив слежку за собой, Мария вынуждена была уйти в отряд. Свои функции по снабжению нашего госпиталя она передала Георгию Константиновичу Чайковскому.

Траскина некоторое время вместе с Елисеевым вела агентурную разведку, а затем работала фельдшером в госпитале. Немало партизан и местных жителей обязаны ей жизнью.

Спаслась от ареста и расправы семья Григория Сенченка. Два его сына, Леонид и Петр, храбро сражались с гитлеровцами в одном из отрядов нашей бригады. В лесу с четырьмя дочками укрылась и Зинаида Федоровна, помогавшая мужу. Двух младших похоронила, а со старшими была эвакуирована в советский тыл.

После назначения Конопаткина командиром спецгруппы моим заместителем стал Павел Никитич Петрович. Везло мне на заместителей. Петрович долго жил у границы, дружил с пограничниками, хорошо разбирался в людях, знал повадки врага. По долгу службы исколесил вдоль и поперек Себежский район, лесные массивы под Дриссой и Резекне.

Петрович принадлежал, как и Никонов, Никифоров, Уткин, к славному поколению людей, участвовавших в Октябрьской революции. В 1917 году Павел Никитич слу-

жил в Кронштадте, в составе делегации моряков-балтийцев слушал у дворца Кшесинской ленинскую речь с призывом к социалистической революции. В дни вооруженного восстания в Петрограде находился с пушками на Пулковских высотах. Затем фронты гражданской войны. В 1919 году солдат революции стал членом Коммунистической партии.

Появился в нашей бригаде Петрович в начале 1943 года и партизанил до освобождения края от оккупации. Как и Конопаткин, Павел Никитич все время укреплял нашу агентуру в Себеже и создал хорошо законспирированную разведывательную сеть в Опочке.

В небольшом городе, набитом гитлеровцами и полицаями, трудно незаметно обосноваться пришлому человеку. Поэтому мы были всегда рады каждому новому себежанину, давшему согласие собирать для нас разведывательную информацию. Как-то Павел Никитич Петрович принес на просмотр копии налоговых документов. Хитровато подмигнув, спросил:

— А знаешь, Владимир Иванович, кто добыл эти копии в районной управе?

— Очевидно, Иван Елисеев постарался, — предположил я.

— Не обошлось, конечно, без него. А снимала специально для нас копии купеческая дочка.

Так я узнал о девятнадцатилетней подпольщице Маргарите Ивановне Ляшкевич. Нелегкая была судьба у девушки. Отец ее приветствовал приход оккупантов и открыл собственную торговлю. Втянул сына в грязные дела. Но Рита оставалась верна своим убеждениям. Влияние школы, комсомола оказалось сильнее отцовского примера и заманчивых обещаний.

«Светлым огоньком» назвала Риту ее учительница Наталья Ивановна Сивицкая. В одном из своих писем она вспоминает: «Как сейчас вижу перед собой милую девочку с ясными, лучистыми глазами. Девочка, вечно живущая интересами школьного коллектива, помощник товарищам в учебе, страстно любящая литературу...»

Тогда мы с комиссаром бригады мало что знали о Рите, но, судя по тем сведениям, которые она передавала, было ясно: у нас появился новый смелый и преданный подпольщик. Когда Елисеев пришел с семьей в бригаду, он дал Ляшкевич наилучшую характеристику:

— Давно я к ней присматривался, Владимир Иванович. Девушка красивая. Немецкое офицерье за ней увивается.

А она от них нос воротит. И не работает нигде, хотя достаточно отцу слово сказать — сразу возьмут на службу. Решил поговорить с глазу на глаз. Встретились. И раз, и другой. Ну, она высказала откровенно, что думает про гитлеровцев. Отца своего по всем статьям корила, говорила, что он ее склоняет к сотрудничеству с фашистами. Я ей и посоветовал: «А ты послушайся его и устройся в управу. Там кое-что можно узнать. А это кое-что можно нашим передавать». При слове «нашим» встрепенулась она, глаза загорелись...

Больше в тот раз Елисеев ничего не сказал Ляшкевич. Но Рита смекнула, в чем дело. Через две недели в приемной городской управы восседала новая секретарь-машинистка. Не сразу мы дали ей задание. Рита мучилась в ожидании, — теперь и ее, как и отца, провожали осуждающие взгляды себежан. Нередко девушка слышала за собой: «Фашистская девка».

С упоением, с необычайной смелостью работала Рита в подполье весь 1943 год. За подписью «Жданова» через связных мы трижды получили от нее сведения о прибывших в Себеж новых воинских частях. Дважды она предупредила нас о готовившихся карательных экспедициях, неоднократно передавала пароль, который узнавала у брата-полицая.

Однажды Рите попал список лиц, подозреваемых в сочувствии советской власти и в оказании помощи партизанам. Подпольщица сняла копию с этого документа и переслала в бригаду. Кого сумела, сама предупредила. Ныне умерший Иван Васильевич Ананьев, лесник из деревни Сидорково Себежского района, вспоминая годы войны, писал мне: «Я и дети мои благодарны Маргарите Ляшкевич. Она спасла нам жизнь». Рита сказала Ананьеву о готовящейся расправе над ним буквально за час до появления в его доме карателей. Ананьевы поверили предупреждению и всей семьей немедленно ушли в партизанский отряд.

Осенью 1943 года связная Риты была арестована. Мы сразу же послали к Ляшкевич на связь нового человека. Это была энергичная и смелая разведчица Нина Васильева, известная под кличкой «Крокодил». Васильева предупредила подпольщицу об опасности, вручила шифр, научила им пользоваться. С декабря связь с Ляшкевич прервалась. Через некоторое время в нашу бригаду пришел из Себежа врач Чайковский. От него мы узнали: Рита в руках гестапо.

9 декабря, проходя по городу, Ляшкевич видела, как гестаповцы вели арестованную Васильеву. Нужно было немедленно скрыться. Рита, жалая мать, решила повременить. Медлительность оказалась роковой... Более месяца истязали подпольщицу в застенках гестапо. В январе 1944 года в камере, где сидела Ляшкевич, кто-то заболел тифом. Тогда фашисты ночью увезли всех заключенных в лес, там расстреляли и сожгли.

Так погибла отважная себежанка Маргарита Ляшкевич. Погас «светлый огонек».

Наступательные операции Советской Армии в начале 1943 года, активные действия ленинградских, белорусских и калининских партизан создали тревожную обстановку в стане врага. Командование фашистской армии то наводняло Себеж и Идрицу подразделениями охранных войск, то посылало их в карательные экспедиции, и часто в распоряжении военного коменданта Себежа Гофмана в городе оставалось лишь несколько десятков солдат. Но это обстоятельство не облегчало работу наших подпольщиков. К 1943 году гитлеровцы имели в нашей зоне разветвленную контрразведывательную сеть. Активно действовали агенты начальника ГФП Венцеля. Обосновалось в городе и отделение службы безопасности (СД) во главе со Шпицем.

Особенно большую угрозу для наших связей с городом создала бандитская шайка Мартыновского. Официально она именовалась «Ваффен СС ягд фербанд Ост», что в переводе на русский язык означало «Истребительное соединение «Восток» войск СС». Это были провокаторы-лжепартизаны. Их кровавый путь начался под Лугой, затем банда появилась на берегах Сороти, где ее чуть было не уничтожили партизаны бригады Германа. В 1943 году Мартыновский и его сподручные Купфер, Решетников, Оскар, Терехов и другие обосновались в Себеже, потом перекочевали в Белоруссию и Польшу, а в 1945 году объявились в Югославии. С помощью этой банды гестапо раскрыло многие партизанские явки, уничтожило немало преданных советской власти людей. Так, в деревне Черная Грязь провокатор Решетников убил командира разведки одной из белорусских партизанских бригад Константина Фиша. В районе Себежа в руки лжепартизан попали и были зверски замучены командир и два бойца армейской разведывательной группы.

В таких условиях быть связным значило постоянно ходить по острию ножа. Идя в город или из него, связные

брали с собой зашифрованные или написанные открытым текстом ценнейшие разведывательные данные, чистые бланки немецких документов, магнитные мины, листовки, советские газеты. Опасность грозила им ежеминутно, на каждом шагу. Попадись с таким «грузом» — прямая дорога в ГФП, а оттуда путь один — на русское кладбище или к деревне Мидино — облюбованному жандармами месту для расстрелов.

Конопаткин и Петрович сумели подобрать на «посты» связных весьма надежных людей. Но среди отважных и храбрых всегда есть наихрабрейшие. Такими для нашей бригады были с лета 1942 года по март 1943 года супруги Голубевы из деревни Белогурово. Во время «мартовской чистки города» фашистской контрразведкой им удалось ускользнуть из деревни. Некоторое время они находились в нашей бригаде. Иван Федорович стал незаменимым хозяйственником в одном из отрядов, а Марфа Лукьяновна продолжала быть связной и даже дважды ходила в город. Оба они — Марфа Лукьяновна и Иван Федорович — погибли в боях с карательной экспедицией в декабре 1943 года.

Каратели расстреляли тогда в лесу на белорусской границе и несколько наших партизан, захваченных ранеными в плен. В числе их был Павел Петрович Петров, военврач, свердловчанин. Он бежал к нам из Себежа, где работал в больнице, находясь на положении военнопленного. У нас стал начальником госпиталя.

Семья Голубевых — замечательные патриоты. Работая над рукописью этой книги, я получил письмо из Чернейской восьмилетней школы. Секретарь комсомольской организации Латышева, председатель совета пионерской дружины Борисова и староста краеведческого кружка Воронцова сообщают, что учащиеся школы начали собирать материалы, посвященные жизни и подвигам этой семьи. Вот что пишут юные краеведы: «На первых порах нам удалось узнать следующее: до войны Голубевы работали в колхозе, работали очень хорошо. Марфа Лукьяновна каждый год за добросовестный труд получала премии. С односельчанами они жили дружно. Год рождения Марфы Лукьяновны 1900, а Ивана Федоровича точно установить не удалось, родные говорят: 1887. У них было два сына и дочь. Старший сын Федор погиб под Берлином, младший Михаил — в партизанском отряде при переходе через линию фронта. Дочь Мария жива и в настоящее время проживает в Татарской АССР. Марфа Лукьяновна

была среднего роста, лицо продолговатое, чернявое, волосы и глаза темные. Иван Федорович — высокий, лицо продолговатое, волосы и глаза светлые...»

Каждый, кто шагал в те дни с нами партизанскими тропами, будет глубоко тронут и благодарен ребятам Чернейской школы за стремление увековечить подвиги Голубевых. Иван Федорович и Марфа Лукьяновна еще до прихода нашего отряда в район вступили на путь борьбы с оккупантами: помогали выходящим из окружения командирам и бойцам Красной Армии — давали им приют, снабжали продовольствием и оружием, выполняли задания Конопаткина. Второй военной зимой дом Голубевых, расположенный в нескольких километрах от Себежа, стал нашей штаб-квартирой по связи с городским подпольем.

Дважды в неделю Иван Федорович и Марфа Лукьяновна поочередно ходили или ездили на лошади в Себеж — возили на базар то овощи, то яички, то картофель. Посмеивались, проверяя содержимое корзины и мешков на проверочных постах, полиция: «Вот что значит частная инициатива, обещанная немцами, даже Голубевы пристрастились к торговле». И невдомек было хмельным злым дням перевернуть сани и посмотреть на полозья. А посмотрели бы — обнаружили в вырезках не только партизанскую почту, а и магнитные мины. Записки от Елисеева и других наших подпольщиков Иван Федорович заплетал в гриву и хвост лошади. Бидончик с молоком, который доставляла Марфа Лукьяновна на городской базар, имел двойное дно. Бедовая «торговка» не гнушалась занести молоко или творог и на дом кому-нибудь из себежан. Особенно охотно заходила она в частную портновскую мастерскую, которую открыл отец Елисеева. Там всегда толклось много народу, и приход человека с базара не вызывал подозрений шпиков.

Голубевы помогли мне в феврале встретиться с переводчиком отряда ГФП «Вальтером», или, как его называли в городе, «Ленькой-переводчиком». Это был человек, связанный с нашими разведчиками «Надежным» — Елисеевым и «Балтийцем» — Дмитриевым. От него мы несколько раз получали необходимую информацию из Себежа. «Вальтер» хорошо знал немецкий язык, пользовался у гитлеровцев доверием, иногда присутствовал на допросах арестованных подпольщиков и партизан.

Встретились мы в воскресенье в полдень в доме Голубевых. Наши отряды стояли в это время километрах

в пятнадцати от Белогурова, в зимних лесных лагерях вблизи деревень Боровые — Орловичи. К Белогурову я направился, как и обычно, в сопровождении Бориса Анохина, на лошади, запряженной в санки. Дорога по зимнему лесу — чудесная, но ехали осторожно, присматриваясь к следам, — крестьяне в ту пору редко отлучались из дому. Борис беспокоился:

— Владимир Иванович, а вы уверены, что переводчик нашему делу служит?

— Пока не подводил.

— А вдруг он «хвост» за собой приведет. Что тогда?

— На всякое «вдруг» не начихаешься, — отшучивался я.

К «Вальтеру» у многих себежан было весьма отрицательное отношение. Кое-кто из партизан об этом знал, и мне было понятно беспокойство Анохина.

В Белогурове нас встретил Семен Дмитриев и доложил, что фашистов в деревне нет, Голубевы ушли к соседям. Часов в одиннадцать наш наблюдатель заметил, как из Себежа выехала подвода с одним человеком. Минут через сорок она уже поднималась в гору, на которой стоял дом Голубевых. С саней соскочил стройный, выше среднего роста мужчина, с хорошей военной выправкой. Он лихо щелкнул каблуками, представился:

— Андреев Леонид Иванович.

— Марго, — отрекомендовался я и, как бы невзначай, заметил:

— Все это довольно рискованно.

— Что рискованно? — не понял переводчик.

— Приезд ваш. Среди бела дня, на виду у начальства.

Видимо почувствовав в моем голосе нотку недоверия, Андреев протянул мне пропуск:

— Отпущен на три часа. Сказал помощнику коменданта, что в Белогурове знакомый живет, обещал мне самогону, яиц и масла. — Немного помолчав, добавил: — Место встречи не я назначал.

Посмотрев пропуск, я заинтересовался довоенной биографией Андреева. Но мой собеседник, сказав только, что он москвич, искусно уклонился от ответов. Я не стал настаивать. Позже мы узнали: отец Леонида в двадцатые годы служил в военном посольстве в Пекине, младший Андреев жил с отцом и учился в немецкой школе. Продолжал он изучать язык и в Москве, куда переехал на

жительство и где незадолго до войны работал в троллейбусном парке.

Андреев привез с собой хорошего французского вина и сигарет. В печи у Марфы Лукьяновны стояло жаркое. Мы пообедали. За трапезой вели разговор о себежских делах. «Вальтеру» было известно о поспешном выводе из города полицейских подразделений и охранных войск в направлении Белоруссии. Я кое-что слышал об этом. Теперь все прояснилось: готовилась новая карательная экспедиция. Я сказал Андрееву, что от него в первую очередь мы ждем информации чисто военной. Он обещал выполнить задание.

Взяв заготовленные Голубевой самогон и яйца, Андреев уехал. Дальнейшая судьба этого человека сложилась несколько загадочно. В феврале и марте мы получили от него важные сведения военного характера, затем связь оборвалась. В конце марта в Себеже гитлеровцы арестовали большую группу советских патриотов, были среди них и некоторые наши подпольщики, а также «Вальтер». В апреле его неожиданно выпустили на свободу, но с нами связь он больше не устанавливал. Вскоре его опять арестовали. В последний раз Андреева видели в кузове грузовика. Он был в красноармейской гимнастерке, без ремня, под охраной эсэсовцев.

О «Леньке-переводчике» и по сей день себежские старожилы разное говорят. Мне и Кулешу неизвестна военная биография Андреева, его жизнь до приезда в Себеж, но мы твердо убеждены: сведения и военная информация, полученные от «Вальтера», всегда были точными, и пользу от него мы имели немалую.

Совсем недавно из рассказа генерала Георгия Ивановича Казарцева я узнал, что и он в свое время пользовался информацией «Вальтера», только кличку переводчик в его агентурной сети имел другую. Георгий Иванович (тогда старший лейтенант) был заместителем командира по разведке в белорусской партизанской бригаде Романова — Машерова. Кадровый военный, он умело работал с агентурой, имел контакт с Конопаткиным и нередко пути наших «главных разведчиков» переплетались.

После ареста «Вальтера» и ухода в лес супругов Голубевых труднее стало действовать связной Нине Васильевой. До войны Нина учительствовала, а в период оккупации жила у родных в деревне Свищерщине, расположенной рядом с железнодорожной станцией. Симпатич-

ная, живая, энергичная, с копной пышных рыжеватых волос, молодая женщина научилась свободно и уверенно держаться среди гитлеровцев и полицейского сброда. Ну а смелости Нине было не занимать. И изобретательности тоже.

...Контрольный пункт при выезде из Себежа. Несколько человек ждут осмотра. Васильева небрежно лущает семечки. Но вот к полицейским подходит ефрейтор-немец, старший поста. Нина с улыбкой протягивает кулек: «Битте, господин начальник!» Гитлеровец улыбается. Отсыпав в карман часть содержимого кулька, он возвращает его обратно. Бегло глянув в корзину, машет рукой: «Пропустить!» Но если бы и покопались постовые в корзине — ничего бы подозрительного не обнаружили. А вот кулек... это не что иное, как разведсводка одного из себежских подпольщиков-информаторов.

...Молодая женщина приглянулась пожилому лейтенанту-железнодорожнику. Васильева не против встреч! «О! Она понимает: господин офицер много работает, и так хочется развлечься. Ну что ж, пошли погуляем...» Ухажер ведет Нину подальше от казармы, в кустарник, и попадает в горячие объятия... трех наших разведчиков. Добыт ценный «язык». Смеется Петрович:

— Ну разве не крокодил? Живьем заглотила. Целиком, и с оружием.

Сама ли Васильева взяла кличку «Крокодил» или кто-то из нас придумал — не помню, но тогда Петрович попал в точку, — действительно чистая была работа.

До конца 1943 года Нина держала связь с Алексеем и Александром Ивановыми, с Ритой Ляшкевич, врачом Чайковским и другими нашими помощниками в Себеже. В декабре ее арестовали и после пыток расстреляли. Выследил связную и провалил кто-то из банды Мартыновского, чей штаб располагался в то время в здании школы вблизи станции, где Нина была частым «гостем».

В фондах Себежского краеведческого музея и в Калининском партийном архиве хранятся документы, рассказывающие об активной деятельности подпольщика-себежанина по кличке «Еж». Вот два из них:

«Тов. Еж!

Вашей работой довольны. Продолжайте разведку врага, разлагайте его тыл. Обратите внимание на установление и расшифровку нумерации частей. Заполните и быстрее вышлите наградной лист и автобиографию (если мож-

по й (фотб). Достаньте для нас проявитель, закрепитель и фотобумагу.

С приветом Кулеш».

«Тов. Еж! Вышли списки местных полицейских (нашего района), укажи Ф. И. О., прежнее место жительства и район.

Наименование и структуру административных органов и хозорганов района. Списки работников.

Кулеш».

«Еж» был самым верным и наиболее результативным подпольщиком-информатором в группе Валентины Афанасьевны Сергеевой, ныне Бурносовой (кличка «Родина»), которая после провала группы Лапшова пришла к нам в бригаду и вскоре по совету Петровича вновь была привлечена к разведработе. «Еж» — Василий Платонович Березкин, плановик Себежского райпотребсоюза — связь с нашей бригадой установил в конце 1942 года, но вел борьбу с оккупантами, как и Голубевы, с первых дней фашистского нашествия. Это из его дома на Челюскинской улице вылетели первые в Себеже «ласточки правды» — листовки. Глухими осенними ночами сорок первого года часами просиживал у радиоприемника тяжелобольной пятидесятилетний человек. Рядом дети — Валентина, Леонид, Вадим — при слабом свете копилки переписывали сводки Совинформбюро. А Домна Константиновна — хозяйка дома — мокла в это время под дождем и следила за тем, чтобы кто-нибудь случайно или намеренно не подошел к окнам или двери.

Распространяли листовки дети Березкина. Помогал им беженец из-под Ленинграда, которого соседи Василия Платоновича знали только по отчеству — Романович. По началу Березкин работал в немецкой хозяйственной комендатуре. За короткий срок он сумел сжечь овощной склад и совершить несколько мелких диверсий. Но вскоре по болезни уволился. Жила семья на скудный заработок от шитья Домны Константиновны.

Семья Березкиных была очень дружной. Бывший юный партизан 3-й Калининской бригады Владимир Михайлович Марков вспоминает: «В довоенные годы каждое лето Березкины приезжали под мое родное Томсино, отдыхали в деревне Мешки. Василий Платонович очень любил детей, мог подолгу с сыновьями и их деревенскими приятелями пропадать в лесу, рыбачить на реке Веть. Вся де-

ревня радовалась приезду Березкиных. Не случайно в тяжелый час для Родины дети Василия Платоновича стали рядом с ним».

Наши связные (чаще всего Захар Дмитриевич Шутов) появлялись в доме Березкиных под видом заказчиков. Шутов до войны работал счетоводом колхоза деревни Шуты.

Два сына Шутова, Анатолий и Валентин, партизанили. Помогали нам жена Захара Дмитриевича Клавдия Исаковна и дочь Майя.

На след «Ежа» и его помощников ищейки из СД напали в декабре 1943 года, когда Березкин начал осуществлять диверсию на складах зерна, приготовленного к отправке в Германию. Осенью к Березкиным повадился ходить полицейский Владимир Кисляков. Он заводил всегда разговоры на политические темы, и не исключено, что горячий в спорах Василий Платонович не сдержался и неосторожными высказываниями вызвал подозрение непрощеного гостя. Как бы там ни было, но фашисты схватили супругов Шутовых, Романовича и всех Березкиных.

В тюрьме, куда бросили арестованных «Ежа» и его помощников, сидела шестнадцатилетняя Фаина Громова, связанная с нами через Дмитрия Исаковича Трофимова. Как-то ей приказали убрать в одиночных камерах. В одной из них она и увидела истерзанного пытками Василия Платоновича. Фаина Корнеевна Громова, работающая ныне в Себежском отделении связи, вспоминая эту встречу, написала мне:

«Дядя Вася был очень плох, но улыбался и попросил передать своим, что чувствует себя хорошо. А одиночка — холодная, малюсенькая, когда сидешь — то ноги протянуть уже нельзя. В этой страшной тюрьме СД были жепципы, старики и даже дети... Позже я узнала, что, когда группу арестованных повезли на расстрел в Мидино, Василий Платонович сказал детям и жене: не будем расставаться в последнюю минуту жизни. Так, взявшись за руки, они впятером и пошли к яме... Семья эта не должна быть забыта, хотя пройдет тысяча лет!».

Права Фаина Корнеевна: никогда не забудется подвиг семьи Березкиных. Такие, как они, всегда с нами...

А Шутову удалось спастись. Бежав из-под расстрела, Захар Дмитриевич пришел к нам. Принес печальную весть о гибели матери сыновьям и дочери Майе. Работал по-прежнему в разведке. Весной 1944 года в одном из тяжелых боев Шутов был убит.

Побег из камеры смертников — редкость, побег из-под расстрела — почти чудо. И все же они совершались. Председателем одного из сельских Советов Себежского района в послевоенные годы работал Дмитрий Исакович Трофимов, а ведь это он, раздетый до нижнего белья, шагал босой по снегу к обрыву, где должна была от фашистской пули оборваться его жизнь...

В 1942 году Дмитрий Исакович жил на станции Себеж. Через учительницу Марию Жукову он передавал Георгию Нестеровичу Федорову ценную информацию о движении воинских эшелонов. Агенты ГФП пронюхали о связях Трофимова с нами и 23 февраля 1943 года арестовали его. Полдня продолжался допрос. Не добившись ничего, командиры карательного отряда, обер-лейтенант, в сопровождении ефрейтора-конвоира повел избитого Дмитрия Исаковича утром 24 февраля на кладбище, расположенное у ветеринарной лечебницы. Разув и раздев свою жертву, они вынули пистолеты и приказали идти к оврагу. Трофимов сделал несколько шагов и вдруг метнулся к кустам. Раздались торопливые выстрелы, но пули, к счастью, только заделали подпольщика. Еще секунда, вторая — и он кубарем скатился в овраг. Пять километров пробежал босиком по февральскому снегу Трофимов. Обморозил ноги, но добрался до деревни Гусево, где жила его связная. А та — немедленно к нам. На следующий день Трофимов уже лежал в партизанском госпитале.

Вылечился герой. И не только ходить стал, но и воевал лихо: участвовал в разгроме двух фашистских гарнизонов, в нескольких засадах. У деревни Васильково с тремя товарищами подорвал автомашину с живой силой врага. Неоднократно ходил в разведку на хорошо охраняемую фашистами железную дорогу Себеж — Рига.

В январе 1944 года, когда была расстреляна семья Березкиных, мы потеряли еще одного смелого агента — восемнадцатилетнюю себежанку Веру Гутовскую. Как и Ляшкевич, Гутовская с нашего согласия, а точнее, по нашему совету служила в оккупационном аппарате гитлеровцев. Работая на бирже труда, Вера сумела получить доступ к документам, касающимся отправки рабочей силы в Германию. Многие юноши и девушки спаслись от угона в Неметчину благодаря Гутовской. Получали мы от отважной себежанки и разведывательную информацию. Собирать ее помогало Вере хорошее знание немецкого языка.

«Ни в чем не сознавайтесь, не говорите, что знали про меня. Я сама за все буду отвечать», — сказала потихоньку

матери Вера при встрече в тюрьме (гитлеровцы арестовали и родных юной разведчицы). Свое слово она сдержала. Не проговорила, не назвала ни одного имени, как ни изощрялись следователи ГФП в пытках.

В городе знали о расстрелах наших боевых помощников. Себежане читали грозные приказы, запрещавшие всякое общение с пришлыми людьми, но продолжали оказывать нам помощь. Контрразведка врага рвала нашу подпольную сеть, но ее ячейки быстро восстанавливались. С риском для жизни, самоотверженно вели разведку в стане врага Александра Захарова, Валентина Калининна, Александра Васильевна Никандрова, Дарья Ивановна Михайлова, сестры Васильевы Валентина и Клавдия, Ирина Карповна Иванова, Нина Николаевна Сенченко (ныне Барановская), Елена Ивановна Петрова, Виктор Казимирович Бенишев, Леонид Николаевич Сенченко, Иван Михайлович Литвинов и другие смелые люди. Действовали в городе и подпольщики, связанные с 4-й бригадой калининских партизан и со спецгруппами фронтовой разведки.

Мне и Петровичу в 1943 году не раз приходилось встречаться с командирами разведотрядов и спецгрупп. Результативно работал отряд, посланный в район Опочка — Красногородск — Себеж Калининским штабом партизанского движения. Особенно ценными и точными стали его радиogramмы в армейские штабы после того, как был заменен командир отряда Подгорный — человек энергичный, но нечистоплотный. Новый командир старший лейтенант Петр Васильевич Бобрусь прошел хорошую партизанскую школу на Смоленщине, служил до войны в погранчастях.

«Гонтарь» (этим именем Бобрусь подписывал свои радиogramмы) дал нашим армейским штабам координаты четырнадцати отдельных частей вермахта, подробно характеризовал состав 28-й охранной дивизии гитлеровцев. Более пятидесяти человек составляли агентурную сеть отряда. Особенно хорошо действовала группа Прушковского в Опочечком районе. Бобрусь поддерживал связь и часто пользовался помощью командования 10-й Калининской партизанской бригады.

Из спецгрупп мне больше всего запомнилась группа «Борец», которой командовал майор Константин Чугунов. Это были люди, посланные в свое время в район Опочка — Себеж — Латвия разведотделом штаба Северо-Западного фронта. «Борец» прочно обосновался вблизи старой государственной границы с Латвией. Отважные, собранные, неразговорчивые (скуп был на слова и сам Чугунов), раз-

ведчики группы проникали к самым секретным объектам оккупантов, в штабы охранных войск. Каждые три дня от берегов Синей за линию фронта летели радиogramмы Чугунова с указанием целей для бомбежек, с оценкой сил фашистских гарнизонов.

В 1944 году щупальца «Борца» протянулись в глубь Латвии и к берегам Немана. В те дни Чугунов передал в нашу бригаду 20 своих отменно вооруженных бойцов. Об этом недавно напомнил мне в письме из Ленинграда Дмитрий Назарович Алексеев — рабочий Кировского завода. До прихода к Чугунову шестнадцатилетний Алексеев был проводником одного из отрядов 10-й бригады. Чугуновцы воевали хорошо.

В нашей бригаде сражался с оккупантами Николай Иванович Жуков. Сестра его Оля была в спецгруппе Чугунова. Шесть раз отважная себежанка ходила в разведку в самое пекло — в населенные пункты, где размещались каратели. Из последней разведки Оля не вернулась. В дом, где она остановилась, предатель привел гитлеровцев. Раненая Жукова отстреливалась до последнего патрона, последний в себя.

Чугунов, в отличие от некоторых командиров спецгрупп, держал связь с командирами партизанских бригад (со мной, с Н. М. Вараксовым, с В. П. Самсоном), и от этого выигрывали и мы и спецгруппа. После войны мне стало известно: талантливый, смелый разведчик погиб в дни освобождения Прибалтики от фашистской оккупации.

В зоне наших действий кроме Себежа находился другой большой город — Опочка. Расположенный на реке Великой и стратегически важной шоссеиной магистрали Киев — Ленинград, он был крупным опорным пунктом 16-й немецкой армии.

По дороге Себеж — Опочка, а также из Латвии через поселок Красногородск направлялось гитлеровцами к Ленинграду много военной техники. Священник села Прихабы Александр Устинович Михайловский и другие наши подпольщики из деревень, находившихся поблизости от этих коммуникаций, сообщали нам о вражеских перевозках. Отряд Никонова, а позже и другие наши подразделения устраивали засады и частенько довольно основательно трепали автоколонны противника. Но все же большая часть грузов достигала Опочки. Их там скапливалось немало. Но где и когда лучше бомбить эти скопления, подсказать нашим летчикам мы не могли.

Необходимо было иметь в Опочке свою агентуру.

— Как воздух, пужны свои люди в комендатуре Опочки. Понимаешь, Володя, как воздух! — говорил мне не раз Кулеш.

Я, конечно, понимая это не хуже Андрея Семеновича, но для начала требовалась крепкая ниточка, а ее-то и не было. То ли районные руководители, покидая город в срок первом году, не оставили людей в подполье, то ли в штабе партизанского движения не знали действительного положения в городе. Посоветовавшись, мы решили создать две небольшие группы разведчиков с целью установить связь с патриотами-опочанцами. Старшим в основной группе был назначен Рэм Кардаш.

Начались поиски «ходов в Опочку». Помог нам молодой опочанин Николай Алексеев, уроженец деревни Букино, расположенной неподалеку от города. У Николая были две сестры — Люба и Тоня. Старшая — Люба, комсомолка, знала многих городских девушек. Вместе они, как могли, облегчали участь военнопленных, находившихся одно время в концлагере на исковском шоссе. Брат и сестры Алексеевы были очень дружны. Люба на скрывала от Николая своих походов к лагерю. Когда оттуда бежало несколько военнопленных, пятнадцатилетний Николай помог им вооружиться, а сестре, боявшейся обыска после побега, надежно спрятать комсомольский билет. Завернув его в пергаментную бумагу, он положил драгоценный документ в глиняный горшок и зарыл неглубоко под яблоней.

Участвовал Алексеев и в нескольких диверсиях в группе Михаила Цуканова. Сержант Цуканов попал в плен раненным, бежал из концлагеря и стал поднимать на борьбу с оккупантами жителей деревень южнее Опочки.

Поздней осенью сорок второго года Николай разыскал нас. Паренек он был смелый, прямой, люто ненавидел фашистов. Под именем «Алешка» он храбро воевал в отряде Никонова. Мне и Кулешу Алексеев понравился, и мы определили его в помощники к Кардашу. Вместе они и появились осенней ночью в родной деревушке Николая. Постучались в окошко дома, где жила фельдшер Маша Кузьмина — хорошая знакомая Алексеевых.

— Кто там? — раздался испуганный голос девушки.

— Свои. Открой побыстрее, — тихо попросил Николай.

Впустив в хату ночных гостей, Кузьмина спросила:

— Откуда ты взялся, Коля? Говорили, что ты с военнопленными в лес ушел.

Алексеев без обиняков ответил:

— Я партизан. Мой товарищ — тоже. К тебе не случайно забрели, дело есть. А какое — он скажет, — показал Николай на Кардаша. — Только сначала честно скажи: хочешь помогать нам?

— Как тебе не стыдно спрашивать! Конечно, хочу и буду, — без колебаний ответила Маша.

Так было положено начало цепочки, соединившей бригадную разведку с Опочкой. К нему вскоре подключились сестры Алексеевы, подруга Тони Галина Федорова и соученица Любы комсомолка Надежда Литвиненко. Последняя жила в небольшом пригородном поселке Разувайка, работала прачкой в воинской части в городе. В 1941 году Надя окончила Опочечское педагогическое училище, понимала немецкую речь, сама весьма прилично говорила по-немецки.

Девушки начали опасную и трудную работу. С ноября 1942 года мы уже имели не время от времени, а постоянно разведывательную информацию из Опочки. И все же не хватало в нашей агентурной цепи еще одного звена, главного — нужен был человек, имевший доступ к документам врага, ежедневно встречавшийся с оккупационным начальством. Как-то Надя Литвиненко в разговоре с Кардашем рассказала о своей бывшей соученице Раисе Гавриловой, которая накануне войны училась в педагогическом институте, приехала в Опочку на каникулы и застряла у матери.

— Замечательная девушка, вот только одно плохо: говорят, фрицы ею довольны, хорошо работает, — заканчивая разговор, сказала Надя. — Ну да люди разное иногда болтают.

— А где работает? — поинтересовался Рэм.

— В хозяйственной комендатуре.

— Ты с нею встречаешься?

— Изредка.

— А ты веришь Гавриловой? — продолжал расспрашивать Кардаш.

— Так я же сказала, что она настоящая. А что?

— Да так, к слову.

Рэм передал мне все, что узнал о бывшей студентке.

Снабдив его подробными инструкциями, мы вновь отправили нашего неутомимого разведчика в путь — на связь с Гавриловой. Помню хорошо, как с Андреем Семеновичем стояли мы у небольшого лесного ручья вблизи мельничной запруды в ожидании Кардаша. Он опаздывал.

И я, и комиссар нервничали. Было холодно. Западный ветер зло гнул оголенные деревья. Огромная черная туча двигалась в нашу сторону. Чтобы успокоиться, я завел разговор о погоде. Кулеш вначале поддерживал его, но вскоре взорвался:

— Хватит, командир, друг друга обманывать. Будет ли дождь или туча свалится за озеро — тебя сейчас так же интересует, как меня здоровье японской императрицы. Ты мне вот что скажи: неужели серьезно думаешь, что с Кардашем случилась беда?

Я постарался успокоить своего старшего друга.

Часа через два промокший до нитки, но улыбающийся Кардаш появился в условленном месте. Свой доклад он начал словами:

— Контакт с Гавриловой установлен. Не девушка, а клад настоящий.

Гаврилова действительно оказалась замечательной девушкой. Она прошла проверку в гестапо, где искусно разыграла роль человека, обиженного советской властью. Ей поверили. Да и как не поверить. Ее отец был арестован НКВД в 1937 году. Начальник отдела комендатуры Мюллер доверил Рае секретную документацию, позже сделал ее своим секретарем-переводчиком. Гаврилова уже в феврале 1942 года установила связь с партизанами. Она передавала важные сведения разведчикам рейдирующей 2-й особой бригады Северо-Западного фронта. Умная, смелая и очень энергичная девушка обладала еще одним замечательным качеством, столь необходимым разведчице, — она могла улыбаться и даже смеяться, когда чертовски хочется броситься на врага или, выхватив браунинг из сумочки, выстрелить в ненавистное лицо. С русскими сотрудниками комендатуры Рая держалась просто, но сдержанно, близкого знакомства не заводила. Семья Гавриловых была большая: Рая, ее мать Пелагея Тихоновна, двоюродная сестра Раи Анна Чутурмина — жена командира Красной Армии да приемные дети-подростки Оля и Юра. Аня юные годы провела в Чехословакии, хорошо знала немецкий язык. По совету Раи молодая женщина согласилась работать в казино. За рюмкой коньяка офицеры болтали много лишнего, не зная, что услужливая официантка понимает каждое их слово. Рассказы Ани, просмотренные документы и личные наблюдения делали донесения Гавриловой абсолютно точными. И мы дали своей главной разведчице в Опочке кличку «Абсолют». Вот одно из донесений Раи:

«1. Командующий армии, расположенной в Опочке,— Хандель (он находится в военном городке).

2. Положение в городе:

а) 10 февраля ожидают прибытие армии в Опочку.

б) Кругом Опочки роют окопы. Ход установлен только до 4 часов дня.

в) Рабочие, имеющие пропуска, имеют право ходить только по определенным улицам, указанным в пропуске...»

В середине июня 1943 года «Абсолют» предупредила нас о готовящемся выходе из Опочки и Острова в северную часть Себежского района крупных сил карателей. Разведчица указала состав, вооружение, время отправки и маршрут гитлеровцев. Мы приготовились к встрече. Фашистов было около трех батальонов. У них имелись танкетки и легкие орудия. Взвод Володина с очень выгодной позиции у деревни Говядово встретил гитлеровцев пулеметным огнем. При этом особенно отличились пулеметчики Иван Климов, Евгений Малофеев и Анатолий Храмов. Одновременно каратели были атакованы отрядом Степанова с левого фланга — со стороны населенного пункта Сляново. Взвод Сидорова занял рубеж в деревне Клин. Отсюда по гитлеровцам был открыт сильный минометный огонь. Командовал минометным расчетом восемнадцатилетний Володя Марков — выпускник Томсинской средней школы.

В этом бою принял участие и отряд Добрякова из 4-й бригады. Потрепали совместными усилиями гитлеровцев изрядно.

Испугавшись окружения, противник отступил. Мы преследовали его километра три. К вечеру каратели получили подкрепление, а у нас к тому времени оставалось по пяти патронов на винтовку. Под покровом ночи мы ушли в Лоховню.

Кардаш был очень удивлен, когда однажды всегда осторожная Рая пришла на явку в деревню Шаблавино не одна. С нею была женщина средних лет, по внешнему виду не местная. Рэм не успел и рта раскрыть, как «Абсолют» безапелляционно сказала:

— Это наш новый товарищ. В Опочке ее знают как беженку Андрееву. По мужу у нее фамилия другая. Работает в управе. В бригаде пусть значится под кличкой «Олень». Комбригу скажи, что она жена военного, подробности сообщу позже.

Так нашей новой разведчицей в Опочке стала жена генерала Оленина. Тайну разведчицы «Олень» знали среди

партизан трое: я, Кулеш и Петрович, в городе — Рая и Пелагея Тихоновна.

Мария Федоровна Оленина встретила войну на границе. Машина, на которой она эвакуировалась с восьмилетним сыном Игорем, попала под бомбежку. Оленины чудом спаслись и пешком прошли сотни километров, направлялись к Ленинграду, пока не появился приказ оккупационных властей, запрещающих движение беженцев по дорогам. Становясь на учет в Опочецкой горуправе, Оленина назвала свою девичью фамилию.

В феврале 1942 года главный бухгалтер управы Шпилькин, связанный с партизанами, перевел Андрееву-Оленину на электростанцию. Там всегда толпился народ, горожане приходили платить за свет, крестьяне привозили торф. Мария Федоровна осторожно заводила разговоры о жизни, рассказывала о Ленинграде, где родилась и в молодости работала на швейной фабрике имени Володарского. На свой страх и риск она понемножку снижала плату семьям красноармейцев, увеличивала расценки за сдаваемый крестьянами торф. Гаврилова, к которой попадали ведомости, заметила это, стала наблюдать за Андреевой, встречаться с нею. Однажды во время болезни сына Мария Федоровна рассказала ей про мужа и про путь от границы до Опочки. Рая поверила, рискнула и не ошиблась.

В Опочецком районе в 1943 году действовали партизаны и из других бригад. Они наверняка знали о Гавриловой как об усердной сотруднице фашистской комендатуры. Чтобы обезопасить разведчицу, мы переслали ей с Кардашем документ. Он и сейчас хранится у родных нашего «Абсолюта».

«Справка

Настоящая дана Гавриловой Раисе Васильевне, проживающей в городе Опочке, в том, что она выполняет задание командования партизанской бригады № 5.

Командир бригады Марго».

Несмотря на свои тогдашние тринадцать лет, Оля догадывалась об опасной работе Раи и тоже выполняла ее поручения. Недавно при встрече со мной Ольга Васильевна Гаврилова, учительница одной из школ города Колпино, рассказала о том, как однажды поздним вечером Рая попросила мать зашить какой-то документ в рукав

синего жакета. «Когда гестаповцы, обыскивая нашу квартиру, несколько раз брали в руки этот жакет, я в ужасе закрывала глаза, — вспоминала Ольга Васильевна, — но партизанская справка была зашита надежно».

Весь 1943 год, особенно во второй его половине, наши подпольщики «Абсолют», «Олень», Надя Литвиненко, Люба и Тоня Алексеевы и их помощники держали штаб бригады и армейское командование в курсе всех дел в Опочке. Только в одном из донесений были названы следующие номера частей, направленных через город к Ленинграду, — 34607, 20401, 12498, 24494, 66068, 07803 и 24371. И около каждого номера стояла другая цифра — количество солдат в части, а около некоторых указывалось число орудий.

Опочечкая агентура регулярно снабжала нас медикаментами, табаком, солью. Гаврилова заполняла бланк и очень искусно поддельвала подпись Мюллера, а ее двоюродная сестра Аня Чугурмина, Андреева (Оленина) и Надя Литвиненко, получив выписанное на складе, передавали нашим посланцам.

В начале марта 1944 года из Опочки пришло срочное донесение о скоплении воинских частей в городе. Я немедленно передал его в армейский штаб, а Петрович послал нашим подпольщикам ракетницы. Утром 8 марта над городом появились советские самолеты. Орудия, танкетки, строительные материалы для оборонительной линии «Пантера» были превращены в груды обломков. Погибло более ста гитлеровцев, госпитали были забиты ранеными.

В конце марта Кардаш вместе с бойцами Тимофеевым и Быстровым отправился на одну из явок недалеко от Опочки. Вскоре бойцы вернулись в штаб бригады и доложили: нарвались на засаду, Рэм убит, труп его вынести не удалось. Все мы опечалились, — Кардаша любили в бригаде. Петрович, оставшись со мной наедине, сказал:

— Что-то не так, Владимир Иванович!

— Что не так? — встревожился я.

— Не верю я рассказу Тимофеева. Он с Быстровым у нас совсем недавно, по-настоящему еще не проверены. Чувствую — неправду говорит.

Я вызвал командира взвода бригадной разведки Гурского, разведчиков Черевкова и Евгения Марго* и приказал

* Мой двоюродный брат. Был пулеметчиком в 1-й бригаде. После возвращения из госпиталя в апреле 1943 года перешел в нашу бригадную разведку.

узнать обстоятельства гибели Кардаша, но сделать это так, чтобы Тимофеев и Быстров не знали о проверке. Сразу это сделать не удалось. Спустя некоторое время к Опочке ушел Георгий Нестерович Федоров с двумя местными партизанами. Они принесли чудовищную весть. Оказывается, вернувшись от подпольщиков, Кардаш отругал Тимофеева и Быстрова за мародерство и пьянство и пригрозил доложить о случившемся Петровичу. Ночью пьяный Тимофеев убил Кардаша.

А дальше вот что произошло. Через несколько дней Тимофеев и Быстров, возвращаясь с задания, случайно остановились в землянке около деревни Кожино, где в это время находились бойцы из отряда Степанова и несколько местных жителей. Узнав от них о расспросах наших разведчиков, негодяи поняли, что в бригаде уже известно об их преступлении. Они решили бежать. И тут вдруг появились каратели. Партизанам пришлось прорываться с боем. Всем удалось уйти, а преступники и не пытались: они сразу же сдались в плен.

Командир взвода Защеринский и боец Виноградов после боя решили предупредить нашу опочечскую агентуру. Они добрались до деревни Букино и дали сигнал Маше Кузьминой. Та сразу же отправилась в Разувайку, но было уже поздно. Получив от предателей адрес явки, гестаповцы появились на квартире Нади Литвиненко раньше Кузьминой. Вскоре были схвачены сестры Алексеевы. Гаврилову арестовали на работе.

О страшных днях, проведенных молодыми патриотами в застенках гестапо, мы знаем очень немного. Хорошо известно одно: не дрогнули девушки, не согнули их пытки. Апрельской ночью Раису Гаврилову, Надежду Литвиненко и Любовь Алексееву фашисты вывезли за город и где-то по дороге в Пустошку расстреляли. Антонина Алексеева после гнусных издевательств была повешена в деревне Куденково.

И еще известно — Пелагее Тихоновне удалось свидеться с Раей в тюрьме. Первое, что успела шепнуть разведчица матери: «Пусть «Олень» немедленно уходит». Мария Федоровна была в это время в деревне. Юра* бегом отправился туда и предупредил арест. Мокрые, промерзшие добрались мать и сын вместе с группой Федорова до нашей временной базы. За линию фронта пошла радио-

* Юрий Васильевич Гаврилов — подполковник запаса, проживает ныне в Опочке.

грамма с просьбой передать генералу Оленину, что его близкие живы. И они встретились.

5 сентября 1941 года беженка Оленина пришла в Опочку. 5 сентября 1944 года партизанка Оленина встречала мужа на берегах Великой, освобожденной от ненавистных оккупантов. Об этой встрече Мария Федоровна рассказала мне в Москве в 1967 году. Генерал-лейтенант Оленин недавно умер. Сын Олениных Игорь пошел по стопам отца. Он офицер Советской Армии.

Себежские подпольщики. Опочецкие. А сколько их было еще в других местах, где стояли фашистские гарнизоны! Вот хотя бы взять Томсино. Жил там Емельян Дмитриевич Дмитриев. В первую мировую войну участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве, защищал Ригу. Заслужил георгиевские кресты. Затем воевал с белогвардейцами. На борьбу с фашистами послал пятерых сыновей: трех в армию, двух — на партизанские тропы. Стар был человек, но и сам не оставался в стороне, помогал нам: шил седла, снабжал хлебом, оберегал партизан, навевывавшихся тайком в село.

А разве забудется партизанская служба семидесятилетнего фельдшера из деревни Гришманы Павла Ивановича Вешперса! Бывало, слышит поблизости выстрелы или узнает от нашего посланца о бое с карателями — сумку на плечо и в лес.

Как не рассказать и о Пимане Прокофьевиче Прокофьеве, председателе колхоза «Сила». Во время оккупации, когда старшина волости проводил сход крестьян, все в один голос назвали Прокофьева кандидатом в деревенские старосты в Пыжиках. Кандидатура была утверждена комедантом, вероятно, потому, что Прокофьев был беспартийным.

Пиман Прокофьевич «усердно» выполнял распоряжения оккупантов. Объявили мобилизацию для отправки на работу в Германию — он отправил туда тех, кто встречал гитлеровцев хлебом-солью. Староста собирал теплую одежду для оккупантов, но всегда получалось, что, когда назначенные им люди везли в Себеж этот «оброк», на них нападали партизаны и все опять возвращалось к своим хозяевам. Неоднократным «нападениям» подвергался и дом Прокофьева. Происходило это в то время, когда готовилось что-нибудь для отправки оккупантам. После таких «нападений» Прокофьев являлся в волость с прострелянной шапкой или полушубком, заявляя, что чудом спасся от «бандитов».

Какой-то предатель все же донес на Прокофьева. Пришлось ему весной 1943 года уйти в партизаны. Кончилась война. Прокофьев возглавил вначале колхоз «VI съезд Советов», а затем опять свой бывший колхоз «Сила».

Помогали нам не только взрослые, но и дети. В деревнях Стеймацкого сельского Совета ребятишки собирали для нас более двух тысяч патронов, нашли два пулемета. Тринадцатилетний Борис Кузьмин в деревне Мугалкино захватил и доставил в бригаду «языка». Тринадцатилетние Леонид Евдокимов и Петр Березкин часто ходили в разведку во вражеские гарнизоны, участвовали в минировании дорог.

Подростки выполняли роль связных между деревнями и нашими отрядами, нередко предупреждали об опасности. Однажды Таня Малиновская, сестра нашего комсомольского вожака, пробежала по декабрьской студеной дороге несколько километров, чтобы сообщить о движении к партизанскому лагерю колонны карателей.

Как-то я получила письмо из города Любани Ленинградской области. Начиналось оно так: «Здравствуйте, товарищ Марго! С приветом к вам маленькая партизанка... Извините, пожалуйста, что я не знаю вашего имени и отчества. Я знала и слышала, как Вас называли — товарищ командир бригады. Я работала в отряде Щербины, мне тогда было двенадцать лет. Вы скажете: какой же это работник. А я вам приносила соль и табак...»

Соль и табак... Чуть ли не на вес золота ценилась у нас в сорок третьем году горстка соли. Тол, соль, табак — на них мы готовы были отдать все сокровища мира. И мне припомнилось, как однажды начальник штаба одного из наших отрядов Освальд Андреевич Югансон рассказал о бесстрашной беженке-подростке Тоне, которая принесла в отряд из Себежа соль, табак, патроны, минуя всевозможные заставы и заградительные кордоны.

У Тони была своя «бригада» — четверо ребятишек моложе ее, у одного из них при бомбежке оторвало руку. Нередко вместе с этой «бригадой» ходила в город и мать Тони — ленинградка Елена Ивановна Бутакова.

Югансон давал маленькой партизанке и задания разведывательного характера: просил запомнить номера машин, солдатские эмблемы, подсчитать количество пушек, если встречалась воинская часть, находившаяся на марше. Тоня старательно выполняла поручения. В отряде ее любили и, как могли, берегли.

В ноябре 1967 года я навелю в Любани «маленькую

партизанку». Антонина Ивановна Бутакова (пыше Заботина) — уважаемый человек на фанерном заводе. Работала она тогда бригадиром декоративного цеха. Во время нашей встречи она со слезами на глазах рассказывала: «Выложу, бывало, из специальных мешочков, которые на грудь повязывала, табак, доложу все, что на дороге заметила, а комиссар Григорьев уже за руку тянет: „Ну, пошли, дочка, на кухню. Подкормим тебя, отважную...“»

В километре от станции Заваруйка жила семья обездчика лесничества Александра Артемьева. Сын его Володя перед началом войны окончил пять классов Идрицкой железнодорожной школы. Отец — на фронт, а сын — в помощники к партизанам. Володя через Георгия Иванова передал нам несколько карабинов и гранат. Позже он стал бойцом бригады Бойдина, а затем разведчиком в спецгруппе.

Не перечислить случаи, когда, рискуя жизнью, местные жители спасали наших разведчиков и агитаторов. Принимаю: в деревню Бойдаково пришел партизан — разведчик Михаил Шабохо. В это время отряд карателей окружил деревню и начался повальный обыск. Колхозница Мария Яковлевна Григорьева, у которой находился разведчик, не растерялась, быстро огородом провела Михаила в баню, посадила за каменку и затопила печь. Баня топилась по-черному и быстро наполнилась едким дымом. Фашисты не прошли мимо бани, сунули свой нос и туда. Дым ел глаза и им, конечно, невдомек было, что здесь за печкой сидит партизан.

Пограбив население, каратели ушли. Шабохо, хотя и наглотался дыма, но благодаря находчивости Григорьевой спасся и доставил нужные сведения в бригаду.

Часто вспоминая дни боевые, мы называем количество бойцов в наших бригадах. Иногда они скромны, не тысячи — сотни. А если прибавить к ним связанных с нами подпольщиков, разведчиков? Тех, кто добровольно помогал нам, кормил-поил нас, одевал, прятал в критические моменты. Получится целая армия незримого фронта. Настоящий второй фронт!

А теперь вновь перенесемся мысленно в лето 1943 года. Стояли жаркие дни. Клонилась к земле спелая рожь, золотились на солнце колосья пшеницы. В поле работали от мала до велика все, кто мог держать в руках серп или косу. Люди торопились. Да и как было не торопиться, когда на окрестках деревень почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день вспыхивала стрельба.

Шла борьба за урожай, упорная, жестокая. Весной мы называли крестьянам: сейте, хлеб в этом году будете собирать в свои закрома, оккупантам ничего не дадим. И люди поверили.

У нас были веские основания, чтобы дать такое обещание. К лету калининские партизаны прочно обосновались во многих деревнях края. Население нас крепко поддерживало. Бригада наша, да и соседние тоже, почти ежедневно пополнялась новыми бойцами.

Приходили в отряды пожилые крестьяне, мальчишки, бывшие школьники, красноармейцы, бежавшие из фашистского плена. Переходили на сторону партизан и многие так называемые власовцы — военнопленные, завербованные в «Русскую освободительную армию» (РОА) предателя генерала Власова.

Разные люди — разные судьбы. Помню, в первый день 1943 года в отряде Н. С. Степанова появился новый боец Александр Пивоваров. История его была довольно обычной для того времени. Студент Ленинградского кораблестроительного института, восемнадцатилетний Саша Пивоваров добровольцем ушел на фронт. Храбро сражался с врагами под Гатчиной. Потом окружение, плен. Полтора года каторжной работы в лагерях. Два побега. И вот он у нас. У парня золотые руки. Под его руководством партизаны разобрали десятки снарядов, выплавляли для самодельных мин много драгоценного тола. Отделение подрывников Пивоварова вскоре стало одним из лучших в бригаде. А в 1944 году, буквально за несколько дней до

соединения с частями Советской Армии, случилось несчастье: разорвавшаяся немецкая граната оторвала от важному подрывнику кисти рук, изранила лицо, грудь. Истекающего кровью Пивоварова удалось отправить в полевой госпиталь, но надежды на его спасение у нас не было.

Несколько лет назад на традиционном сборе русских, белорусских и латышских партизан на кургане Дружбы я увиделся с Александром Николаевичем Пивоваровым. Выходили медики храброго бойца!

Бывшая партизанка Екатерина Васильевна Орехова поехала как-то вместе с другими себежанами на уборку сахарной свеклы в Липецкую область и там спустя много лет, случайно встретила боевого товарища. Вскоре Пивоварова навестил Василий Иванович Иванов, бывший секретарь парторганизации одного из отрядов бригады. От него мы узнали, что Александр Николаевич — инвалид первой группы. Несмотря на это, он успешно окончил педагогический институт. Сейчас преподает историю в одной из школ города Липецка.

Помню приход в бригаду Станислава Станиславовича Янкевича с сыном Юрием. Отец и сын быстро нашли свое место в строю: Станислав Станиславович стал незаменимым мастером в нашем «оружейном цехе», а сметливый шестнадцатилетний Юра пришелся по душе Петровичу. Он часто посылал его на задания — и одного, и в группе с двумя Александрями — Бредисом и Пивоваровым. Ребята всегда возвращались не с пустыми руками — приносили ценную информацию, а при случае — нередко они сами искали этот «случай» — совершали диверсии.

Как-то в начале лета 1943 года агентурный разведчик Иван Михайлович Литвинов сообщил о прибытии в Себеж особого воинского подразделения, предназначенного для борьбы с партизанами. Солдаты — бывшие наши военнослужащие. Форма — чехословацкая. К этим данным разведчик присовокупил слова: «...некоторые из них готовы перейти на нашу сторону».

— Рискнем, Владимир Иванович? — спросил Петрович, докладывая агентурные данные по Себежу.

— Рискнем, — согласился я, — только пусть Литвинов не указывает точного расположения нашего лагеря.

Через две недели беглецы во главе с Литвиновым были уже в лесу. После небольшого по времени «карантина» мы допросили перебежчиков в штабе бригады, который располагался тогда в лесной деревушке Рудне, в доме

белорусского колхозника Перунова. Потупивши взор, стоял перед партизанскими командами старший группы Виктор Бончковский. Хмуро смотрели на перебежчиков партизаны. Кандидат наук доцент Бончковский не только изменил Родине, сдавшись в плен, но и вступил в фашистскую организацию «Политический центр борьбы с большевизмом». Почти год его и других перебежчиков готовили к диверсиям в глубоком советском тылу — в районе Урала и Сибири. Затем по неизвестным причинам организацию распустили, а участников направили в спецподразделения охранных войск. Во время допроса Бончковский дважды повторил:

— От имени всех говорю: виноваты мы очень, но мы можем еще искупить вину. Дайте нам эту возможность. Кроме того, я располагаю такими сведениями, которые заинтересуют командование Красной Армии.

Раскаяние, как казалось большинству из нас, было искренним. Мы приняли решение оставить перебежчиков в бригаде. Партизанское оружие получили Трофим Цейхмейструк, Павел Матвеев, Петр Елисеев, Александр Рожков, Иван Гаврилюк, Николай Игумнов. Вскоре к ним присоединился Михаил Шанин, Бончковский был отправлен в распоряжение 3-й ударной армии.

Риск в конечном итоге оправдался. Перебежчики старались заслужить наше доверие, особенно Рожков и Цейхмейструк, отважно действовавшие в боях как подрывники.

В конце мая почти весь охранный ладыгинский гарнизон Опочецкого района сделал вылазку в наш район. Более ста гитлеровцев и полицаев заняли деревню Козаново и пытались захватить Аф. Слободу. Партизаны из отряда Леонова вступили с ними в бой. Охранники бежали, оставив в деревне два пулемета, подводу с боеприпасами и новенькими пистолетами бельгийского происхождения.

Десять охранников — бывшие советские военнослужащие, попавшие в плен в первый год войны, — сдались партизанам. После тщательной проверки Сукасян, Аггарьян, Тумасьян, Бабаян и Маркартичян были оставлены бойцами в отряде Леонова, двух армян (не помню их фамилий) направили в бригадную разведку. С помощью этой сети мы вскоре уничтожили осиное гнездо в Ладыгине. Вместе с нами в разгроме гарнизона участвовала группа партизан 3-й бригады под командованием Василия Федоровича Хорошильцева.

К лету в бригаде насчитывалось свыше 600 бойцов, в ней уже было четыре отряда. До октября 1943 года вновь созданным отрядом командовали И. С. Бабанин и М. И. Кириллов. Позже командиром был назначен В. П. Герасимов, комиссаром — Михаил Никифорович Никифоров.

Мы все больше активизировали свои наступательные действия, все чаще нападали на вражеские гарнизоны. Об одной из таких операций рассказывается в оперативной сводке штаба партизанского движения Калининского фронта от 26 мая 1943 года.

«...Тремя отрядами бригады Марго под его командованием разбит гарнизон немцев в Заситине, что в 16 километрах северо-западнее Себежа. Сожжено здание, где находились немцы, и уничтожен шоссе́нный мост через реку Иссу.

Уничтожено 167 гитлеровцев, танк, автомашина... склад с боеприпасами, склад с продовольствием, пушка, 10 станковых пулеметов. Разрушены военные сооружения.

Наши потери: убито 7 чел., тяжело ранено — 17, легко ранено — 33, пропало без вести — 4...»

По сравнению с фашистским гарнизоном наша бригада имела небольшие потери. Объяснялось это возросшим мастерством наших командиров отделений и отрядов и накопленным опытом блокирования гарнизонов.

Особо отличился при разгроме заситинского гарнизона командир отделения волжанин Павел Федорин. Он первым со своим отделением навязал бой фашистам и дал возможность нашим подрывникам взорвать мост на реке Иссе.

В июне — июле сорок первого года красноармеец Федорин участвовал в кровопролитных сражениях, отступал с боями от Двинска до Холма. Уже тогда пулемет Павла сразил не один десяток гитлеровцев. Потом было ранение, плен, концлагерь, три (!) побега из плена, многодневные скитания по оккупированной территории. Это — волнующая повесть о мужестве красноармейцев в трагические дни сорок первого года, о помощи латышских и литовских крестьян беглецам-военнопленным.

В начале декабря 1941 года Федорин добрался до деревни Дубищи Себежского района, вскоре встретился с Конопаткиным и стал партизаном.

Сейчас Павел Тимофеевич живет в далеком от Себежа селе Ореховке Радищевского района Ульяновской области. Работает агрономом. А знают ли земляки его парти-

занскую биографию? Вот всего одна фраза из наградного листа на Павла Федорина, ставшего начальником штаба отряда имени Никонова: «...Только за период наступления частей Красной Армии при освобождении Себежского района организованные им подрывные группы нанесли противнику следующие потери: подорвано автомашин 12, убито и ранено гитлеровцев 110, слущен под откос 1 эшелон».

Хочется, чтобы об этом знали волжане и гордились своим земляком, мужественным красноармейцем, отважным партизанским командиром.

В результате активных боевых действий партизан оккупационный аппарат в большинстве сельсоветов района был ликвидирован. Многих фашистских ставленников — старост волостей и деревень, полицаяв — бойцы уничтожили, другие укрылись в Себеже и на железнодорожных станциях под защитой сильных гарнизонов, некоторые просто разбежались. Хозяевами района становились партизаны. На это мы и рассчитывали, когда весной говорили крестьянам: «Сейте!»

Михаил Иванович Калинин, оценивая деятельность партизан тех дней, писал, что они «освобождают от оккупантов значительные территории, восстанавливают в тылу немецких войск Советскую власть, — власть не мирного времени, а ошестившуюся всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом».

Такие органы власти родились у нас в 1943 году. Они должны были решать вопросы землепользования и распределения сенокосных угодий между крестьянами, регулировать заготовки провианта для партизанских отрядов, действовавших в районе и проходивших по его территории, организовывать спасение гражданского населения во время карательных экспедиций, оказывать помощь пострадавшим от карателей. Было решено весь район разделить на семь участков и во главе каждого из них поставить коменданта из партизан — местных жителей. В распоряжение комендантов штаб бригады выделил по пять-шесть хорошо вооруженных партизан.

Мы образовали следующие участки и назначили комендантов:

- Осинский — Алексей Игнатьевич Орлов,
- Луташевский — Федор Григорьевич Григорьев,
- Ормейский — Степан Андреевич Кучин,
- Свердловский — Иван Иванович Петров,
- Дубровский — Григорий Афанасьевич Петухов,

Томсинский — Никандр Иванович Иванов,
Ленинский — Василий Иванович Иванов.

У комендантов были помощники. На эту нелегкую должность мы направляли людей, уже имевших житейский опыт и проявивших себя в партизанской борьбе. Так, помощником коменданта Луташевского участка стал ленинградец Аристарх Степанович Фофанов. До войны он работал помощником машиниста в товарном депо. Жил в Пушкине. Гитлеровцы почти все население этого города отправили в лагерь. После долгих мытарств Фофанов с женой попали в Себежский район, где проживали их родственники. Здесь поначалу он работал на мельнице и помогал группе Володина, затем стал бойцом нашей бригады. Фашисты расстреляли жену Аристарха Степановича.

Много добрых дел сделал Фофанов на своем новом посту. Он был одним из организаторов отправки более 350 детей с оккупированной территории в советский тыл. Об этом рассказ позже.

Во всех деревнях по представлению комендантов назначались партизанские старосты. Непосредственное руководство комендантскими участками мы возложили на Павла Силантьевича Васильева. До войны он работал секретарем Себежского райисполкома. Теперь он стал председателем своеобразного подпольного райсовета. Энергичный, неунывающий, остроумный, Павел Силантьевич быстро создал актив. Его ближайшими помощниками были Роман Михайлович Кузнецов из Боровых, Федор Григорьевич Григорьев из Ноглова, Михаил Карпович Тетюхин из Ширяева, Трофим Павлович Бахирев из Красикова, Василиса Федоровна Живчикова из Аннинского, Иван Никифорович Малышев из Белогурова, Константин Исакович и Карп Исакович Муравьевы из Суток и другие товарищи.

С помощью комендатур подпольный райком партии провел в деревнях большую работу по оказанию помощи Советской Армии. В 1943 году население Себежского района собрало около полумиллиона рублей в фонд обороны. Большая сумма денег была передана на строительство танковой колонны «Калининский партизан». А о размерах помощи нам можно судить по следующим цифрам: только один комендантский участок, возглавляемый Алексеем Орловым, доставил партизанам 1500 пудов хлеба, 40 коров, 120 овчин и 12 кож для пошива обуви.

Так восстанавливалась на отвоеванной у врага территории советская власть. Правда, на Осыньском участке оставался и представитель оккупационных органов власти — волостной староста Прокон Иванович Лещев. Но это был наш человек. Некогда он укрывал Конопаткина, долгое время информировал штаб бригады о намеченных оккупантами экономических мероприятиях, о которых участвовал на совещаниях в Себеже.

Наступали новые времена. Не мы теперь, а оккупанты должны были заботиться о провианте. Офицеры Себежской хозяйственной комендатуры гоняли «как сидоровых нов» сотрудников районной управы и ее главу предателя Семенова в поисках хлеба, картофеля и фуража, но те ничего сделать не могли. Осенью 1943 года комендант приказал собрать с населения в порядке поставок 2130 тонн зерновых и бобовых, 1140 тонн картофеля, 1600 тонн сена и 950 тонн соломы. Но этот приказ так и остался невыполненным. С помощью солдат в пригородных деревнях удалось собрать едва лишь десятую часть требуемого.

Фашистов, конечно, не устраивало такое положение в районе. По охранным войскам у них не хватало. Летом сорок третьего года в распоряжении коменданта Себежа имелось не более тысячи солдат. Все остальные были посланы на фронт, который трещал по всем швам под ударами Советской Армии. И все же гитлеровцы попытались вооруженным путем отобрать уже убранный хлеб, где силой принудить население жать рожь.

С этой целью они поставили гарнизоны в селах Гаспорово, Белогурово, Глембочино и один «кочующий» гарнизон на участке между деревнями Ляхово и Дедино.

Получив сообщение об этом, я приказал командирам отрядов чаще действовать из засад. В августе мы организовали 23 засады, отбили несколько десятков подводов с хлебом, а главное — отучили фашистов отправляться в «хлебные экспедиции». 6 августа гаспоровский гарнизон вынужден был покинуть негостеприимное селение, оставив там скатый хлеб. Не повезло и другим «хлебозаготовительным» гарнизонам врага.

Задачу свою частично выполнил лишь их «кочующий» гарнизон. В нем было не менее шестисот гитлеровцев и полицайов, у них имелись батальонные минометы, пушка и даже танк. В районе Ляхово — Дедино многие деревни оккупанты сожгли еще весной, население угнали в Латвию. Заглядывали поэтому мы туда редко. Здесь гитлеровцы сумели собрать порядочное количество ржи. Правда,

это не прошло для них безнаказанно. В стычке с одной из наших групп они потеряли несколько солдат, а танк их подорвался на партизанских минах.

Много хлопот в дни уборочной страды нам причиняла бандитская шайка. Состояла она из полпцаев и разного уголовного сброда. На возвышенности в деревне Макеи бандиты оборудовали двухэтажный бункер, сделав в нем во все стороны бойницы, а на крыше — наблюдательный пункт. На вооружении у них имелось пять пулеметов. Гарнизон бункера терроризировал население бывших Заситинского и Сталинского сельсоветов. Рядом, в Заситине, находились гитлеровцы, готовые в любую минуту помочь своим приспешникам. Решено было ликвидировать это разбойничье гнездо. Я приказал разведчикам найти людей, которые не только знали подходы к деревне и ее расположение, но и бывали в бункере или вблизи него.

29 августа бандиты справляли религиозный праздник «богородицы», пьянствовали, бесцельно стреляли из пулеметов, орали непристойные песни. А на следующий день, ранним утром, в бункер и караульное помещение уже летели гранаты нашей штурмующей группы, незаметно окружившей укрепленный пункт врага. Бандиты яростно сопротивлялись, но были перебиты. Мы тоже понесли потери. Смертью храбрых пали в бою три коммуниста — Н. Б. Иванов, начальник штаба отряда, И. К. Комаров, командир взвода, и один из лучших разведчиков бригады И. П. Прокофьев. Трое партизан были ранены.

Деятельность комендатур, весенний сев и уборка урожая все время находились в поле зрения нашего подпольного райкома партии. Бюро райкома (Кулеш, Василий Егорович Петров, Николай Иванович Денисов, Павел Силантьевич Васильев, Марго) в дни сева направляло в деревни коммунистов, рекомендовало командованию 5-й и 4-й бригад, а также белорусских отрядов имени Сергея Моисеенко и Котовского, появившихся в то время на территории Осынского и Ормейского сельсоветов, передать часть лошадей крестьянам.

25 августа бюро подпольного райкома специально рассматривало вопрос об улучшении работы мельниц и вынесло следующее постановление:

«Учитывая, что мельницы, находящиеся в зоне деятельности партизанских бригад, за последнее время, ввиду отсутствия контроля, работают крайне неудовлетворительно: ремонт не производится, гарнецовый сбор взимает-

ся без учета, — в целях правильного и интенсивного использования двух мельниц — Томсинской и Бродской — бюро РК ВКП(б) постановляет:

1. Закрепить вышеуказанные мельницы за бригадами, постоянно дислоцирующимися в Себежском районе. Томсинскую — за бригадой № 5 (т. Марго) и Бродскую — за бригадой № 4 (т. Бойдина). Одновременно поручить командирам вышеуказанных бригад выделить на постоянную работу на мельницах по 2 специалиста.

2. Поручить командиру бригады № 5 завезти необходимое оборудование с Яськинской мельницы и использовать последнее для оборудования Томсинской мельницы.

3. Поручить т. Васильеву совместно с командирами бригад установить порядок работы мельниц с учетом потребности размолота зерна для других бригад и групп, временно дислоцирующихся в районе, а также местного населения.

4. Учитывая ремонт мельниц, затрату физического труда постоянно работающих на ней людей, установить нормане гарцевого сбора с гражданского населения по ранее существовавшим государственным нормам и с партизанских отрядов и групп, временно дислоцирующихся в районе, — 50% к установленной норме.

5. Контроль за работой мельниц возложить на т. Васильева.

Секретарь РК ВКП(б) А. Кулеш».

Повседневно члены райкома, особенно его секретарь Кулеш, уделяли большое внимание политической агитации. Главными формами ее были доклады на общих собраниях, беседы, ознакомление со сводками Совинформбюро, читка газет и листовок. Там, где размещался штаб бригады, вывешивались на специальных досках географические карты с обозначением на них линии фронта, сводки, статьи и карикатуры из советской печати. В этой работе у Андрея Семеновича были добрые помощники: комиссары отрядов и секретари парторганизаций П. Воробьев, М. П. Легкобит, В. П. Герасимов, И. А. Дмитриев, И. В. Зуев, Очеретянный, П. Н. Петрович, комсомольский вождь Иван Малиновский.

Под руководством райкома большую политическую работу вели коммунисты 4-й бригады. Возглавлял их опытный политрук, смелый партизанский комиссар Владимир Николаевич Вакарин. В партизаны он был направлен из

армии, участвовал в боях первого года войны. С молодым комбригом Бойдиным быстро нашел общий язык, и они дружно и умело руководили бригадой.

Владимир Николаевич и сейчас хороший организатор. Долгие годы руководил исполкомом райсовета в Себеже, ныне возглавляет секцию ветеранов-партизан.

За упущение в политической работе среди населения и бойцов Кулеш никому не давал спуска. Доставалось и нам, командирам, от секретаря райкома. Я помню, как Андрей Семенович выговаривал кому-то из командного состава:

— Подожди, подожди, дорогой мой, что-то я не припомню, когда ты последний раз выступал перед народом?

— Так я ведь с народом не разлей вода — каждый день разговоры веду, — пытался отделаться шуткой командир.

— Ты мне скажи точно, на какую тему беседу проводишь? — настаивал Андрей Семенович.

— Вы же сами знаете, товарищ комиссар, — последний месяц то бои с карателями, то в засаде был.

Насмешливая улыбка тронула губы Кулеша:

— А мы теперь, когда каратели нагрянут, тебя в лагере оставлять будем. Может, совесть заговорит — вместо сна в газеты заглянешь.

— Так она уже заговорила, товарищ комиссар.

— Сознательная она у тебя, совесть-то, — смеялся Кулеш. — Ну, раз так — иди готовься. Завтра с утра и побеседуешь с народом. И мы с комбригом забредем в отряд послушать беседу твою, ума-разума поднабраться.

Как-то наш боевой друг и сосед, командир партизанской бригады Федор Тимофеевич Бойдин, в ответ на замечание Кулеша бросил реплику:

— У меня и без райкомовских заданий дел хватает.

Надо было видеть, как вскипел секретарь райкома. Но сдержался, слова обидного при людях не сказал. А через сутки вызвал.

— Я и сейчас эту баню помню, — рассказывал во время недавней нашей встречи в Себеже Бойдин, — за один час годичный курс переподготовки прошел. Уходя тогда от Кулеша, искренне сказал: «Спасибо за науку!», а сейчас жалею, что к слову «спасибо» не добавил слово «большое».

Хорошие контакты с подпольным райкомом партии поддерживали Александр Владимирович Назаров и Венна-

мин Яковлевич Новиков — командир и комиссар партизанской бригады имени Дениса Давыдова, подчинившейся непосредственно управлению НКВД. Конечно, вряд ли кто-нибудь из нас, знакомясь с Назаровым, узнал бы в нем продавца хлеба в городе Нелидово летом 1941 года. Но такова судьба разведчика. Выполнив спецзадание, Назаров командовал некоторое время отрядом в тылу врага. Затем прибыл к нам.

Бригада имела особые задачи, состояла почти вся из молодежи. Помню, как мы в конце 1943 года на бюро райкома принимали кандидатами в члены партии бойцов и командиров этой бригады: В. И. Терещатова, С. А. Куркина, Н. П. Пастухова, Г. П. Богданова и других. Все члены бюро райкома проголосовали за достойное пополнение семьи коммунистов. Среди принятых в кандидаты партии был комсомолец Альберт Храмов. Запомнилась мне его боевая биография. В шестнадцать лет пошел воевать, в восемнадцать — уже командир отряда. Да где! В чекистской бригаде. На боевом счету несколько диверсий, неоднократный переход линии фронта с разведывательной информацией.

Лучшие бойцы, проверенные на труднейших заданиях, пополняли партийные ряды и нашей бригады. Всего мы приняли 66 человек в члены партии, 164 человека — в кандидаты. За время боев и походов 179 молодых партизан стали комсомольцами.

Старые коммунисты бригады зорко следили за молодежью и охотно давали свои рекомендации отличившимся в боях. Зачастую прием в партию проходил сразу после боевой операции. Так был принят в кандидаты ВКП(б) молодой разведчик Михаил Петров. При одной из встреч Михаил Васильевич (ныне он работает государственным инспектором по качеству сельскохозяйственных продуктов на Псковщине) напомнил: рекомендации ему дали старые большевики Василий Николаевич Никонов и Павел Силантьевич Васильев.

О деятельности подпольных райкомов у руководящего состава партизанских бригад и отрядов не существовало единой точки зрения. Многие бывшие партийные работники полагали, что командование формирований народных мотострелов всецело должно подчиняться райкомам, другие командиры, главным образом из числа военных товарищей, наоборот, ратовали за невмешательство райкомов в дела командования.

Отнюдь не претендуя на какие-либо обобщения, хочется все же подчеркнуть, что между Себежским подпольным райкомом партии, особенно когда во главе его стоял А. С. Кулеш, и командованием партизанских бригад и отрядов всегда существовали хорошие деловые взаимоотношения. Райком конкретными мерами помогал командирам выполнять боевые задачи (яркий пример — организация партизанских комендатур) и ставил перед оперативной группой армии и обкомом партии вопросы, решение которых могло усилить активность партизан. Так, Кулеш настаивал на создании по примеру ленинградских партизан института уполномоченных особого отдела при бригадах и отрядах, добивался рассредоточения партизанских сил. В 1943 году почти весь Себежский район был превращен в партизанскую зону, и сюда часто устремлялись вновь созданные калининские партизанские бригады, отряды и спецгруппы. Их длительная дислокация в нашем краю не способствовала развертыванию партизанского движения в других районах. Кулеш резко восставал против этого, и он был тысячу раз прав.

В послевоенные годы, знакомясь с некоторыми документами Ленинградского штаба партизанского движения, я с огромным удовлетворением узнал, каким ярким противником скопления на длительный период партизанских сил в одном районе был выдающийся партизанский военачальник Александр Викторович Герман.

Не было ни одного донесения или письма А. С. Кулеша, где бы не назывались десятки фамилий отличившихся бойцов. Командиры и комиссары отрядов часто слышали от секретаря райкома:

— Запоминайте тех, кто храбр в бою. Не скупитесь на доброе слово смельчаку. Это — тоже оружие.

И сам Андрей Семенович подавал тому хороший пример. В одном только донесении представителю Центрального штаба партизанского движения на Калининском фронте, в сентябре 1943 года, он коротко рассказывал об отваге партизан Семена Козлова, Степана Пригодского, Степченко, Николая Алексева, о дерзости подрывников группы Орлова и Позднякова, о смелости комсомолки Шуры Семеновой, о подвиге комсомольца Александра Боровкова, который предпочел смерть плену. В этом же донесении Кулеш писал:

«...Заслуженной славой пользуются наши разведчики, и среди них коммунисты: Исаков Василий, Осипов, Васильев Б., Иванов Николай, Елисеев Иван, а также ком-

сомольцы Малов Борис, Целицо Евгений и другие. Не случайно за поимку каждого нашего разведчика оккупанты обещают орден Железного креста. Не случайно, стремясь поймать лучшего нашего разведчика — кандидата в члены ВКП(б) тов. Елисева Ивана Петровича, немцы в окружающих Себеж деревнях арестовывают людей, пытаются напасть на его связь, и обещают тем, кто его выдает, большое вознаграждение, как за „главного партизанского разведчика и бандита“».

«Отчаянным человеком» называл Кулеш Дмитрия Горского. Да, такого пулеметчика, как он, поискать надо было. Лез в самое пекло, стрелял мастерски. Снайперские валпы помогли Дмитрию Степановичу и в первые... послевоенные месяцы. Горский возглавил колхоз. Подымал хозяйство на пепелищах. Денег в колхозной кассе не было. И Дмитрий Степанович добыл их на... охоте. Убил несколько волков, получил за их шкуры более четырех тысяч рублей.

Бригада часто ощущала острый голод в боеприпасах. «Невероятно, но факт, — писал Кулеш в обком партии, — что за год пребывания в глубоком вражеском тылу мы получили только 5 тысяч различных патронов, 9 кг тола и полметра шнура».

Неоценима в этом деле была помощь местного населения. Помнится, что из деревни Горки нам доставили ящики с патронами сестры Екатерина и Акулина Алексеевы, Прохор Федорович Федоров, Екатерина Захарова. Они собирали патроны и гранаты на месте отгремевших боев, в опустевших дзотах. И даже доставали из колодцев, куда их побросали отступавшие разрозненные подразделения наших войск. Екатерина Ефимовна Алексеева (ныне Романова) позже стала разведчицей в бригаде Д. А. Халтурина.

И все же боеприпасов не хватало. Поэтому можно понять нашу радость, когда однажды летом из-за линии фронта бригада получила взрывчатку. Ее много прислали и нам, и соседям. Щедрость такая удивила нас. Но, оказывается, сделано это было неспроста. Вскоре по заданию Центрального штаба партизанского движения мы приняли участие в операции «Рельсовая война».

В 1942 году в одном из августовских номеров газета «Правда» писала: «Танковый или пехотный полк фашистов — серьезная сила на поле сражения. Но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть

уничтожен группой партизан в несколько человек. Задача партизан — уничтожить гадину, пока она не вылезла из эшелона, вместе с эшелоном».

Лучше не скажешь! И понятно, почему в нашей боевой деятельности всегда высоко ценились диверсии на стальных магистралях. В обиходе мы часто уже употребляли термины «битва на рельсах», «рельсовая война». Но то, что намечалось в операции «Рельсовая война», не шло ни с чем в сравнение. То была масштабная, стратегического значения операция, проводившаяся в разгар гигантского сражения на Курской дуге. Позже мы узнали, что в ней участвовали кроме нас белорусские, ленинградские, смоленские и брянские партизаны, она охватила территорию в 1000 километров по фронту и глубиной до 750 километров.

Нашей бригаде было дано задание взорвать рельсы на железной дороге Себеж — Рига на участке Себеж — Посино. Остальные участки были закреплены за другими бригадами. Мы выделили в каждом отряде по три-четыре группы подрывников. Специальные подразделения должны были обеспечить разведку и безопасную работу подрывных групп.

Хорошо потрудились в те дни начальник штаба бригады старший лейтенант Алексѣй Алексеевич Кирпиков, занявший этот пост в начале года после окончания курсов «Выстрел». Строевой армейский командир, побывавший в крупных сражениях первого года войны, он быстро усвоил масштабы и тактику партизанской борьбы и стал одним из организаторов учебы рядового и командного состава бригады по таким важным темам, как «Организация и проведение засад», «Столкновение с засадой противника», «Оборона в лесных лагерях и населенных пунктах», «Дневное нападение на вражеский гарнизон». И на этот раз наш начштаба оперативно организовал занятия по подготовке личного состава к предстоящей операции. Были тщательно отработаны приемы «рельсовой войны».

Кто участвовал в ней у старой латвийской границы, тому памятна ночь с 3 на 4 августа. Ночь теплая, темная и тихая. Ребята даже радовались, когда тишину вдруг нарушал выстрел. Стрелял кто-нибудь из патрулирующих солдат просто так — для бодрости духа.

Подрывники ждали сигнала. И вот над нами вспыхнул зеленый огонек ракеты. Сотни людей бросились к полотну. Тол быстро и ловко укладывали под лоснящиеся рельсы. Дуги трассирующих пуль расчерчивали небо. Это

стреляли блокированные подразделения охраны. Другого им ничего не оставалось.

Еще ракета. Красная. Для нас это означало: быстро в укрытие, горит бикфордов шнур. И наконец канонада — сотни взрывов. В ту ночь на участке Резекне — Новосокольники было уничтожено около 6 тысяч рельсов.

На гитлеровцев, засевших в Себеже, наш удар произвел ошеломляющее впечатление. У меня сохранилось допесенное впечатление одного из подпольщиков, присланное командованию бригады из города. В нем сообщалось: «Большинство населения радовалось взрывам и думало, что ночью партизаны займут Себеж. Немцы были в полной готовности выезжать из города».

В начале августа на три дня железная дорога Резекне — Новосокольники была выведена из строя. Фашисты не сразу поняли, что массированный удар — дело рук партизан, а когда разобрались, распространили слухи о высадке крупного авиадесанта советских войск, который якобы и совершил эту диверсию на железнодорожной магистрали. Ребята наши посмеивались:

— Хитрый нынче фриц пошел. Проморгал «железку»-то, вот и втирает очки начальству.

Командование гитлеровцев приняло меры для обеспечения нормального движения на дорогах: из Латвии перебросило большое количество рельсов, поручило охрану железнодорожного полотна подразделениям, состоявшим только из немецких солдат. Но не зевали и калининские партизаны. Взрывы на дорогах гремели теперь и днем и ночью. Подрывники лишь одной нашей бригады взорвали в августе более 2200 рельсов. Особенно отличился в этих диверсиях отряд Николая Степановича Степанова.

Фашистам в те дни пришлось перебрасывать на фронт одну пехотную и две мотодивизии не по железным дорогам, а походным порядком. После этого беспрецедентного случая коменданты гарнизонов Себежа, Пустошки, Идрицы, Опочки и начальники охраняемых участков дороги получили приказ генерал-полковника Шуберта. Разгневанный генерал грозил им расстрелом, если не будут приняты должные меры против партизан-подрывников. Копия этого приказа попала в наши руки. И опять смеялись бойцы:

— Худо фрицам. Куда ни кинь, все клип. На «железку» пойдешь — партизанская пуля караулит. Не пойдешь — Шуберт пристрелит.

Руководил массированными ударами калининских партизан по железнодорожным коммуникациям врага подполковник Степан Григорьевич Соколов, специально привлеченный для этого в тыл врага. Вместе со своим помощником капитаном Ковальчуком он побывал в отрядах 3-й бригады, провел совещание с командным составом всех бригад, привлеченных к операции «Рельсовая война». После наших «концертов» на железной дороге находилась в бригаде Бойдина, затем навестил нас.

Степан Григорьевич Соколов оставил заметный след в истории партизанского движения. Доброволец в первых формированиях Красной Армии, комсомольский вожак в Подмоскowie, политработник в армии, парторг крупного завода, комиссар полка в первые месяцы Великой Отечественной войны — таковы были вехи биографии Степана Григорьевича, когда Военный совет 3-й ударной армии назначил его начальником оперативной группы по руководству партизанским движением. На этом посту и позже, возглавляя штаб партизанского движения Калининской области, он всегда был в курсе наших боевых дел. Приказы и советы его отличались конкретностью и пониманием специфики войны в тылу врага.

Усиливая в сентябре 1943 года охрану железной дороги Новосokolьники — Рига, противник решил вместе с тем восстановить движение на шоссейных дорогах Себеж — Опочка и Себеж — Полоцк. С конца сентября он разместил охранные гарнизоны почти во всех населенных пунктах по шоссе от Себежа к Опочке: в Кременцах, Лавищах, Зародищах, Заверняйке; от Себежа к Полоцку — в Лаврове, Клесине, Песчанке, Осыне. С середины осени движение по всем дорогам стало интенсивнее. Только за один месяц через Себеж на Идрицу прошло 204 эшелона, в составе которых было свыше 2300 вагонов с боеприпасами и военной техникой. Несколько эшелонов разгрузилось в Себеже. 83 танка, 38 самоходных орудий и десятки автомашин направлялись по шоссе к Опочке. Двигались очень медленно. Впереди по шоссе женщины и детишки тащили бороны с грузом. Так варварски добивались безопасности для своей техники оккупанты.

И все же наши бойцы наносили удары. Руководители подрывных групп Степан Лукин, Трофим Цейхмейструг, Алексей Малофеев спустили под откос три эшелона противника с боеприпасами и военной техникой. Подрывная группа Павла Николаевича Деха из отряда Ильина на шоссе Опочка — Себеж уничтожила несколько грузовых

автомашин. Среди бела дня партизан Макаров 9 октября подорвал хорошо охраняемый железнодорожный мост возле полустанка Кузнецовка.

Октябрь ознаменовался победой советских войск на границах Братского партизанского края — был освобожден от гитлеровцев Невель — крупный железнодорожный узел, расположенный на шоссе Киев — Ленинград. Значительная часть калининских партизан соединилась с нашими войсками. Вблизи Невеля летом и осенью сорок третьего особенно успешно действовала партизанская бригада под командованием чекиста Петра Васильевича Рындина. В ее составе находился единственный в своем роде отряд. Задачи он решал разведывательно-диверсионного плана. Был небольшим. Состоял из одних девушек. Командовала «девичьей ватагой» Татьяна Киселева, до войны секретарь Невельского райкома комсомола. Славно воевали девушки!

Обстановка для нас после освобождения Невеля круто изменилась в худшую сторону. Дело в том, что линия фронта передвинулась на 40—50 километров на запад. Наш район наводнили фронтовые части гитлеровцев. Понимая, что от Ленинграда им придется отступать, фашисты начали усиленно строить в районе Идрица — Остров оборонительные сооружения. Чтобы обезопасить их от диверсий партизан, командование групп армий «Север» решило разгромить партизанские силы, контролировавшие территорию на стыке трех республик.

Началась полоса жестоких боев. Против нас были брошены три охранных батальона, артиллерия, танки, полицейские отряды. Ежедневно вели разведку три самолета противника. Каратели теснили нас и люто расправлялись с населением. Запылали деревни. Танки в упор стреляли по домам, где находились люди. Тех, кто выбегал, фашистские палачи расстреливали из пулеметов. За связь с партизанами живой была брошена в огонь горящей избы семидесятилетняя Анастасия Федоровна Федорова из деревни Стаклитна Гора. Такая же участь постигла Ксению Жукову из деревни Сляново и Екатерину Кириллову из деревни Брод. За отказ вести гестаповцев в расположение нашей бригады в деревне Замковая Морозовка расстреляли старика колхозника Осипа Трофимовича Трофимова.

Несколько легче было глухой осенью сорок третьего в южной части Себежского района на границе с Белоруссией. Однажды вернувшийся оттуда боец нашего первого

отряда рассказал о том, что в деревнях Рудня и Волоцня для партизан и населения показывали кинофильм о пленении Паулюса в Сталинграде. Привез аппаратуру и де-вушку-киномеханика Федор Фролович — наш связной с уполномоченным штаба партизанского движения. Позавидовали, — нам в те дни было не до кино.

Декабрь был самым тяжелым месяцем года для калининских партизан. Крупные силы их попали в окружение в лесах Освейского, Россонского, Себежского и Идрицкого районов. Там тогда находился и один наш отряд под командованием А. С. Володина (Володин в сентябре сменил на этом посту А. Т. Щербину, последний стал начальником штаба отряда Н. С. Степанова) и нашего ветерана комиссара А. Г. Григорьева. 25 декабря связь с ними прервалась. В предновогодние дни фашистское радио несколько раз сообщало об уничтожении окруженных партизан. Верить в это не хотелось.

В ПОБЕДНОМ СОРОК ЧЕТВЕРТОМ

В один из январских дней сорок четвертого года узнаем радостную весть — войска Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке кораблей и частей Краснознаменного Балтийского флота перешли в наступление в районе Ропши, Красного Села, Новгорода, озера Ильмень. Идут упорные бои. Наши войска продвигаются на всех участках вперед.

— Заговорил Ленинград! — радостно воскликнул Малиновский. — Всему году новому запев дал.

— Теперь поперет фашист на запад, — заметил Петрович, — будут и у нас горячие денечки.

Пока мы обсуждали в домике радистов полученное сообщение, Кулеш уже послал связных за комиссарами отрядов. Вскоре они, кто на санях, кто верхом, приехали в штаб бригады, — мы стояли в начале года в деревне Агурьяново, почти на самой границе с Опочецким и Красногородским районами. Один за другим появились Михаил Иванович Крюков, Иван Елисеевич Солнцев, Михаил Никифорович Никифоров. После инструктажа Андрей Семенович отправил своих помощников по отрядам с наказом: к вечеру все бойцы бригады должны знать о наступлении под Ленинградом. Напутствовал комиссаров и я:

— Отступающий враг займется чисткой своих тылов. Повысьте бдительность во всех звеньях, усилийте разведку на дорогах к Опочке и Себежу.

Наши предположения оправдались. Зашевелились окранные части и, как всегда, начали с нападения на деревни. 17 января из Себежа вышло около 600 карателей. За двое суток они сожгли Борисенки, Козельцы, Ломы, Машнево, Воробы — всего 13 деревень. Находившиеся там наши разведывательные группы не могли противостоять сильному противнику, но всячески старались нанести ему урон — обстреливали колонну из засад, минировали до-роги.

7 февраля на партизанский аэродром в районе Агурьянова за ночь прилетело 11 самолетов У-2. Они доставили для нас и других бригад оружие, боеприпасы, почту. Все это нам было весьма кстати. Разведка донесла о готовящейся крупной карательной экспедиции.

Спустя трое суток из Себежа, Красногородска, Опочки вышли 343-й, 591-й, 767-й охранные батальоны 16-й армии, отряды полицейских, два батальона с артиллерией из фронтовых частей.

Штабные подразделения бригады и отряд имени Никонова заняли оборону в районе деревень Козыново, Аф. Слобода, Ермолова Гора; отряд Степанова — урочище Лоховню. Там же расположились отряды бригады Бойдина. Отряд Герасимова и подразделения из бригады Гаврилова обосновались в районе Городище — Лиственка. На западе от нас, на границе с Красногородским районом, находились отряды 10-й бригады Николая Михайловича Варакова.

Отбивались мы двое суток, несмотря на сильный артиллерийский обстрел и частые бомбежки. Выходили из окружения по карте. Наши разведчики Евгений Целицо и Александр Цветков и бойцы взвода под командованием Павла Лавренюка, пробравшись в тыл противника в районе деревни Пустыньки, уничтожили группу фашистов и взяли у убитого офицера карту и план экспедиции.

В ночь на 12 февраля отряды Леонова, Степанова, Герасимова со всеми обозами, с десятками повозок мирных жителей вышли из окружения. Остановились на рассвете в маленькой лесной деревушке Осиновик Опочецкого района, где в пяти домах и надворных постройках разместилось свыше тысячи человек. Это был наш первый за полтора года выход за пределы Себежского района. Деревня превратилась в походный лагерь. Партизаны построили шалаши, разожгли костры. Мы запросили по радию боеприпасы. В ночь на 14 февраля два самолета сбросили нам шесть ящиков патронов.

14 февраля днем всей бригадой вместе с населением возвратились в свой, Себежский район. Штаб разместился в деревне Мишин Остров. Здесь нас и напали связные из первого отряда, о судьбе которого мы не знали почти два месяца. Из доклада старшего группы связных Николая Цыганкова и письма комиссара Григорьева вырисовывалась такая картина. После жестоких боев с дивизией регулярных войск решено было 27—28 декабря 1943 года прорвать кольцо окружения. На совещании командиров

белорусских, калининских и латышских бригад и отрядов, хотя и раздавались голоса о прорыве в направлении на запад, победила точка зрения о выходе в советский тыл на соединение с Красной Армией. И вот почти шеститысячная армия партизан двинулась на восток, уводя с собой от карателей несколько сотен крестьянских семей. Прорваться удалось ценой больших потерь. Особенно много погибло людей при переправе через реку Ницу.

Вышли тогда в советский тыл и многие бойцы отряда Володина. Комиссар Григорьев возражал против ухода за линию фронта. Его поддержал бывший председатель Ляховского сельсовета коммунист Георгий Шакуров. Он сказал:

— Не за тем два года мы жили и боролись в труднейших условиях, чтобы теперь покинуть население, которое поверило нам.

К Григорьеву и Шакурову присоединились Николай Цыганков, наш отважный пулеметчик немец-антифашист Пауль Экс и еще несколько человек. Они пошли метельной ночью в обход вражеских постов и засад. Затаив дыхание, готовые мгновенно открыть огонь из автоматов, пробирались сквозь вражеские боевые порядки. Через несколько дней вышли к нашим запасным лагерям, которые так и не обнаружили каратели. Отдохнув, стали ходить в разведку. Возвращались с пополнением: нашлись оставшие от своих бригад партизаны, взяли оружие в руки и уцелевшие местные жители. К концу января 1944 года в отряде было уже полторы сотни бойцов. Командование на себя принял Георгий Шакуров.

На прежнем месте кроме отряда Григорьева — Шакурова оказались еще отряд Малаховского из бригады Бойдина и несколько мелких партизанских групп. Александр Советков, объединив оставшихся партизан 1-й бригады, стал ее командиром. Бригада успешно действовала до соединения с частями Советской Армии.

Вскоре в южную часть Себежского района пришла бригада под командованием Буторина. В составе бригады были партизаны, которые вышли в декабре в советский тыл, а теперь опять решили вернуться в свои места. Среди них были и наши товарищи: Петр Воробьев, Лев Петровский, Освальд Югансон, Алексей Дьяконов и другие.

В штабе бригады мы пришли к единому мнению: Володин, Лисовский да и все, кто принимал участие в реше-

нии вопроса о выходе партизан в советский тыл, допустили ошибку. Поведение Григорьева вызвало у всех одобрение. Шакурова мы утвердили командиром отряда.

Вторая половина февраля прошла в небольших, но частых стычках с охранными войсками. Ощутимее становилась оказываемая нам помощь «Большой земли». С началом операции «Рельсовая война» появилась наконец и у калининских партизан «своя» авиация.

К летчикам у нас, партизан, отношение особое. И сложилось оно давно, можно сказать, с рождения бригады.

В 1942 году у калининских партизан, действовавших в западных районах области, авиации не было. Выручали летчики, обслуживавшие белорусских партизан. На аэродром в деревне Селявщина Россонского района они доставляли взрывчатку, оружие, боеприпасы. Но наши потребности росли.

В начале 1943 года самолеты По-2 стали появляться непосредственно в районе действия калининских бригад. «Наши кормильцы» — называли их партизаны. Первыми дорогу проложили летчики 13-го отдельного полка гражданской авиации, которым командовал Алексей Петрович Золотов. Позже этот полк был преобразован в 97-й Краснознаменный, и его командиром стал Владимир Васильевич Седляревич. В короткую летнюю ночь летчики успевали совершать по три-четыре рейса, всякий раз проявляя мужество и выдержку. Они базировались в прифронтовой зоне.

Первые посадочные площадки были оборудованы в районе деревень Лубьево — северо-западнее Себежа, Малеево — юго-западнее Себежа, Лиственка — юго-западнее Опочки. Отсюда вывозились раненые партизаны. «Визит» каждого самолета, помимо всего, имел для нас моральное значение: доставлялись газеты, письма, поддерживалась живая связь с «Большой землей».

Грузы, предназначенные для нашей бригады, как правило, сбрасывались на парашютах. В этих целях была определена площадка около деревни Агурьяново, что севернее Себежа. Сигналом для сброса служили зеленая ракета и костер, зажженный в центре площадки. Только в июле и августе 1943 года калининские партизаны получили по воздуху почти 15 тысяч килограммов тола, 11 тысяч килограммов различных боеприпасов.

Почти каждую ночь летчики вместе с грузом сбрасывали нам записки — своего рода листовки. Вот одна из них.

«Дорогие друзья-партизаны! Бейте врага сильнее. Мы всегда вам поможем. Для фашиста «гостинца» у нас хватит. Привезем.

Ваш Борисенко».

В один из зимних дней — это было уже в начале 1944 года — в пяти километрах от деревни Агурьяново, где, кстати сказать, находился и штаб нашей бригады, разгорелся бой с карателями. Его вели отряды бригад А. М. Гаврилова, Н. М. Вараксова, Ф. Т. Бойдина. Ночью мы ждали самолет. И он прилетел, сбросил груз. Через некоторое время в штаб прибыл командир отряда И. С. Леонов.

— К нашей площадке летит еще один самолет, кажется, «наш кормилец». Что делать? — спросил он.

— Дайте сигналы для сброса груза, — приказал я.

Мы с комиссаром поспешили к площадке. А там уже горел костер, и в небе вспыхнула зеленая ракета. Командант «аэродрома» по звуку определил, что самолет — наш.

Самолет, однако, пошел на посадку. Вот он коснулся кочковатого поля, немного пробежал, качая крыльями, и остановился. Из кабины вылез летчик.

— Лобжанидзе, — представился он.

Рустам Нестерович рассказал, что попал к нам случайно. Деревня, в которой он должен был совершить посадку, была охвачена огнем, на запасной площадке тоже оказался пожар. Пришлось лететь сюда. Наши сигналы видел, но груз сбросить не смог.

— Но я знал, что вам нужна помощь. И вот пошел на риск — сел.

Вслед за Лобжанидзе на площадку сели другие самолеты. Мы быстро их разгрузили, а боеприпасы тут же отправили в бригады, которые продолжали вести бой с карателями.

Агурьяновская площадка была окружена естественными заграждениями: с востока и севера — возвышенностями, с юга — болотом, а с запада — лесом. Казалось, что лучшего партизанского «аэродрома» и не найдешь. Об этом я доложил в Калининский штаб партизанского движения.

Вскоре был получен положительный ответ. Но когда пришло время принять самолеты, обстановка резко изменилась: каратели, получив подкрепление из Себежа и Идрицы, заняли деревни вокруг нашего «аэродрома». Услышав гул самолетов, мы не дали условный сигнал — три

горящих костра, а открыли огонь по расположению карателей. Противник ответил стрельбой трассирующими пулями. Летчики, видимо, заметили нашу перестрелку, сделали два-три круга и улетели.

Нам удалось отогнать карателей, и в ночь на 7 февраля 1944 года на площадке снова горели костры. Однако и первый и второй самолеты, совершая посадку, уткнулись носами в болотные кочки. Только третья и четвертая машины сели благополучно.

К самолетам бросились партизаны. Что тут было! Объятия, радостные возгласы, крепкие рукопожатия. Это можно было понять: ведь многие из нас впервые за три года встретились с людьми, прибывшими с «Большой земли».

Передавая комиссару отряда М. И. Крюкову пачку свежих газет, летчик, прилетевший первым, представился:

— Капитан Борисенко, командир звена.

— Так вы и есть Борисенко?! — воскликнул комиссар бригады А. С. Кулеш. — Это вы нам собственноручно написанные листовки сбрасывали?

Агурьяновский «аэродром» служил нам до лета 1944 года. Сюда часто прилетал Сергей Прокофьевич Борисенко. Около деревни Лиственка совершил вынужденную посадку летчик Колобков. Это был его третий рейс за ночь. Пока разгружали самолет, наступил рассвет. А днем тут завязался бой с карателями, подошедшими из Опочки. Колобков, подняв машину в воздух, пролетел километра три, но был атакован вражескими самолетами. Машину пришлось посадить на поляне, в кустах. Партизаны на руках тащили ее четыре километра — до агурьяновской площадки. Наш оружейный мастер Станислав Янкевич помог летчику отремонтировать машину. И Колобков вновь поднялся в небо.

Как-то на нашу площадку прибыл самолет, груженный солью. Летчик был явно не в духе.

— Разгружайте быстрее! — холодно бросил он.

Соль для нас в те дни была на вес золота. Закончив разгрузку, партизаны тепло поблагодарили летчика. Повеселел наш пилот.

— Это мой первый вылет в тыл врага, — говорил он. — Хотел оружие вам привезти... Но вы обрадовались соли не меньше, чем патронам.

Это был Иван Хиров.

28 февраля 1944 года радио сообщило об освобождении нашими войсками станции Забелье и частично города

Пустошки. Линия фронта теперь проходила в 50 километрах от нас. В этот день я проводил совещание с командным составом отрядов. На нем зачитал приказ начальника Калининского штаба партизанского движения, в котором он благодарил бойцов нашей бригады за умелые действия в период карательной экспедиции гитлеровцев 10—14 февраля и за захват документов. На совещании присутствовал инструктор ЦК ВЛКСМ Жихарь и инструктор обкома ВЛКСМ Морозов. Мы все сфотографировались. Первый снимок во вражеском тылу!

С приближением фронта оккупанты начали жечь деревни в южной части Опочецкого района.

10 марта рано утром разведчики доложили, что по направлению к деревне Мишин Остров, где мы находились, движется вражеская колонна. Я приказал Степанову выйти с отрядом навстречу противнику, завязать бой и держаться до подхода отрядов Леонова и Герасимова. Степанов расположил один взвод на возвышенности, перед которой была низина, поросшая мелким кустарником. По дороге через эту низину как раз и шли каратели. Вторым взвод он отправил в засаду на пути возможного отхода противника. Как только вражеская колонна стала выходить из кустов, партизаны открыли огонь. Гитлеровцы залегли. Тогда командир взвода Защеринский приказал имитировать отступление. Фашисты поверили, поднялись и устремились на возвышенность. Здесь их вновь встретил интенсивный огонь. В то же время второй взвод ударил с тыла. Гитлеровцы, оставляя убитых, в панике стали пробиваться обратно к кустам.

Еще шла стрельба, а в штаб бригады уже стали приводить пленных. При обыске у одного из солдат охранного батальона на теле был обнаружен специально сшитый широкий пояс. В его карманах находилось 12 400 рублей советских денег, все тридцатками.

Спросили:

— Где взял?

Ответил подобострастно:

— Занимался коммерцией.

— Грабитель ты, фриц, а не коммерсант, — резюмировал Слободской.

15 марта гитлеровцы вновь предприняли попытку уничтожить нас крупными силами. Почти сутки вели они по нашим позициям минометный огонь. Погибли юный разведчик и подрывник Александр Цветков, Анатолий Храмов. Оба — отважные бойцы. Анатолий Храмов родом из

Новгорода. Некоторое время работал на мельнице для партизан, затем пришел в отряд Леонова.

В ночь на 17 марта мы ушли в Лоховню. Днем потеряли еще одного замечательного бойца — Сашу Моисеенко — десятиклассника Томсинской школы. Погиб он геройски. На форпост в деревню Горюшино, где Моисеенко и еще три партизана несли дежурство, прибежал крестьянин и сообщил: колонна карателей движется на Себеж. Саша, бывший старшим в группе, решил не упустить случай, как он выразился, «пощипать фрицевскую команду». Моисеенко приказал двум бойцам:

— Быстрее — в отряд. Ведите всех сюда, а мы с Герасимовым постараемся задержать колонну.

Гонцы бросились в лес, а Александр Моисеенко и Григорий Герасимов побежали к кустарникам на холме. Гитлеровцев было около сотни. Смелчаки подпустили их на близкое расстояние и только тогда открыли огонь из автоматов. Каратели сначала отступили, затем залегли и стали стрелять. Наши молчат. Поднимутся фашисты — холм сверкает выстрелами. Поняв, что огонь ведут двое, обзленные гитлеровцы решили захватить в плен партизан и стали окружать холм. Александр и Григорий поползли кустами к лесу. Уже на опушке Моисеенко ранило в живот.

— Беги, Гриша. Приказываю — беги, веди ребят. А я еще повоюю.

Короткими очередями разил врагов герой. Но вот они рядом, и тогда последнюю очередь — в голову... А лес уже засверкал десятками вспышек. Отряд с ходу атаковал карателей. Колонна была разгромлена.

21 марта нас навестил командир 4-й партизанской бригады Бойдин. Федор Тимофеевич рассказал, что его агентурные разведчики сообщают о подготовке новой крупной карательной экспедиции против нас. Договорились о взаимодействии. Послали связных в бригаду Вараксова и в отряды 3-й бригады (вместо вывезенного в советский тыл раненого Гаврилова ею командовал Кузнецов) предупредить о карателях.

После деловых разговоров пригласили гостя к столу. Повар принес большой горшок тушеной конины. Ели ее впервые. Аппетит всем испортил Павел Силантьевич Васильев. Сердито отодвинув миску, наш «главный комендант» сказал:

— Дожили, черт подери! А на чем пахать будем? Нельзя лошадей трогать.

Но голод не тетка. Часто в те весенние дни готовили наши бойцы «поджарку» и «пашлык» из конского мяса.

25 марта каратели заняли сожженную деревню Козырево. Видимо, решили там остановиться: разбили палатки, стали рыть траншеи, развернули походную радиостанцию. Партизаны отряда Степанова, не выдавая своего месторасположения, наблюдали за всем этим. Гитлеровцы чувствовали себя в безопасности. И тут, как гром с ясного неба, партизанская атака с трех сторон. На поле боя мы насчитали свыше двадцати убитых солдат. Взяли трофеи: два миномета, два пулемета, рацию, автоматы, патроны. Пушки отступавшие каратели успели увезти, хотя Кулеш с тремя партизанами гнался за ними довольно долго.

У убитого лейтенанта Огейма нашли приказ, из которого узнали, что против нас действовал 343-й охранный батальон. Экспедиция была рассчитана на три-четыре дня. Перед ее участниками ставилась задача: «Очистить район севернее озера Заситино. Навязать бандитам бой и их уничтожить. Лагерь разрушить». Экспедиция носила название «Весеннее патрулирование».

Фронт медленно, но упорно приближался к нашим рубежам. В ночь на 7 апреля краснозвездные самолеты интенсивно бомбили вражеские гарнизоны в Красногородске, Опочке, Идрице.

Вела пастушление и весна. 12 апреля прогремел первый гром. Прошел теплый дождик. Снег почти стаял. На полянках наших лагерей в Лоховне появилась зелень. В эти дни фашисты провели самую крупную в 1944 году экспедицию, получившую название «Пасхальная». О ее подготовке нам сообщили разведчики.

26 апреля в полдень над Лоховней появились немецкие самолеты и начали бомбить. Сбросив груз, вернулись на аэродром к Идрице и вскоре прилетели опять. Так повторялось несколько раз. Часть бомб упала на лагеря гражданского населения. Погибло десять человек. В 3 часа дня в штаб бригады стали прибывать с разных направлений разведчики. Они докладывали, что в район нашего месторасположения движутся крупные воинские части с артиллерией, подразделения охранных войск из Идрицы, Опочки, Себежа и Латвии. Отряды бригады Бойдина уже вступили в бой и пытаются прорваться в красногородские и опочечские леса. Отряды бригады Вараксова ушли в

Красногородский район и в Латвию. Отряды Опочечкой бригады с боями движутся в свой район.

Стало ясно: враг решил окружить Лоховню и ближайшие деревни. Я принял решение уходить. В 17 часов была дана команда всем отрядам собраться и двигаться по опушке леса на север, не выходя из кустов, ибо самолеты все время кружили над нами. Особенно трудно было передвигаться нашей хозяйственной части и госпиталю. На повозках лежало человек пятнадцать больных брюшным тифом.

С наступлением темноты вошли в деревню Бобры. Немного отдохнули. И опять на марш. Подойдя к Стаклиной Горе, отправил разведчиков, чтобы найти место, где лучше переправиться через реку Веть. В это время к нам подошел комбриг Дмитрий Александрович Халтурин с одним из своих отрядов. У него было много небооруженных людей. Часа через два вернулись разведчики и доложили, что нашли место, где можно переправиться через реку вброд. Сразу за рекой начинался мелкий кустарник, примыкавший к большому сосновому лесу.

Собрал командиров. Держали совет. Колонна получилась большая, свыше тысячи человек. Кругом на возвышенностях, в деревнях стояли каратели. Они беспрерывно стреляли трассирующими пулями, пускали ракеты. Иллюминация была действительно пасхальная.

Решили, что я беру рацию и верхом — у меня была хорошо обученная кавалерийская лошадь — вместе с разведчиками переправляюсь через реку. За мной и разведчиками идет Леонов с отрядом, в середине колонны — отряд Халтурина. Кулеш и Кирпиков — в конце ее с остальными людьми.

Началась переправа. Три разведчика, перебравшись через реку, выскочили из кустов прямо на пулеметный расчет карателей. Смяли его. Стрельба шла кругом, но колонна успешно переправилась и растеклась по лесу. В ступившихся сумерках на реке белело несколько фигур. Некоторые партизаны переходили брод раздетыми. Холод на была весенняя купель!

Когда большая часть колонны переправилась на противоположный берег, совсем рядом справа и слева вспыхнуло несколько осветительных ракет. Каратели пристрелялись к броду. Началась паника. И тут, покрывая крики раненых, шум выстрелов, раздалось:

— Товарищи, вперед, только вперед!

Это кричал Кулеш. Я приказал переправившимся

бойцам открыть огонь по местам, откуда сверкали вражеские выстрелы. Дружно заговорило партизанское оружие. Стреляли все, даже больные.

В нашей колонне была небольшая группа подрывников из 10-й партизанской бригады. Командовал ею Валентин Ершов, парнишка лет восемнадцати. Когда подрывники пришли к нам, Ершов был уже болен. Наш врач обнаружил у него тиф. Ныне политработник погранвойск Валентин Александрович Ершов, вспоминая, как его, больного, на руках переносили наши бойцы через реку, писал в одном из писем ко мне: «Помню, что, выбравшись на берег, я первым делом потянулся за автоматом, расстрелял два диска...»

Утром расположились на островке в болоте, где нас уже ждали начальник партизанского госпиталя Мария Траскина и медсестра Аня Кажоцинь (ныне Шашкова). Недосчитались многих, в том числе Кулеша, Кирпикова, его помощника Слободского. У последнего были все секретные документы — списки личного состава по отрядам, сведения о вооружении, последние приказы и радиogramмы начальства. Но, к общей радости, многие нашлись. Ночью со слезами на глазах встречали товарищей, приходивших на остров. Пришли наконец Слободской, а затем Кулеш с Кирпиковым и другими бойцами. Сутки странствовали они по болоту, в котором поверх льда стояла вода и только на кочках можно было найти сухое место.

Карательная экспедиция длилась с 16 до 20 апреля. Мы потеряли за это время более двадцати своих товарищей, семеро из них были захвачены ранеными в плен и расстреляны.

Погибли храбрый разведчик, возглавлявший группу прорыва, Федор Дмитриевич Сергеев, большой тифом разведчик Евгений Целицо. Погибла и Ольга Ивановна Корсакова. Она сопровождала подводы с ранеными и больными. Свой пост не бросила. Часть раненых и больных переправила через реку Веть, но сама перебраться уже не смогла.

Зверски расправились гитлеровцы с гражданским населением. Они расстреляли и сожгли 261 человека, в том числе около 50 детей. Особенно пострадали жители деревень Овсянки, Апросова, Дубравы, Ноглова.

Фронтные части фашистов больше нас не тревожили. Им было теперь не до партизан. Зато в мае усилились налеты авиации. Очень тяжелым было положение с продо-

вольствием. Чтобы облегчить управление и маневренность отрядов, мы разукрупнили отряды, создали новый, пятый отряд. Командиром его назначили Василия Егоровича Ильина, комиссаром — Ивана Дмитриева, начальником штаба — Прилукова, заместителем командира по разведке — Ивана Елисеева. Этот отряд действовал в южной части Опочецкого района.

В те нелегкие дни я делал небольшие дневниковые записи. Они сохранились. Вот две небольшие выдержки из них:

«8 мая 1944 года. Опять в Лоховне с мрачным настроением. Вчера с 4 часов утра до 6 часов вечера находились около Поповки. Холодно и голодно. С тяжелым предчувствием пошел в лагерь. О, ужас! Подорвался на mine начальник штаба Саша Иванов. Оторвало ногу по колено, вторую переломило. Очень хороший парень...»

«12 мая. Самый теплый день. Первый весенний день. Жить даже стало веселее. А общее состояние плохое. Идет крупная экспедиция в Красногородском районе. Сегодня умер Саша. Не сбылась мечта вылететь в советский тыл. Жалко парня — веселого гармониста».

Александр Трофимович Иванов был общим любимцем. Все ладилось у него: мастерил отличные мины, хорошо разбирался в радиоаппаратуре, превосходно играл на гармошке. И, конечно, был отважен в бою. Партизанил Иванов с сорок первого, до этого служил в армии. В конце 1943 года мы назначили его начальником штаба отряда имени Никонова.

В мае 1944 года в лесах Себежского, Красногородского, Опочецкого районов укрывалось почти все гражданское население — женщины, старики, дети. Положение их было очень тяжелым. Погода стояла холодная, кругом вода. У людей ни одежды, ни обуви, ни пищи. Появились больные сыпным тифом.

Секретари подпольных райкомов партии, комбриги неоднократно обращались в обком ВКП(б), спрашивали, как поступить. Особенно беспокоила всех судьба детей. И вот наконец радиogramма:

«Комбригу-5 Марго, комиссару Кулеш. Срочно сообщите количество детей до 10 лет, укрывающихся в лесах от гитлеровцев.

Отдельно доложите количество женщин, имеющих грудных детей».

Аналогичные радиogramмы были получены в 3-й бригаде — Опочечкой — и 10-й — Красногородской. Мы быстро

собрали эти сведения. Все радовались, читая текст второй радиogramмы:

«В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) для эвакуации детей в советский тыл на ваши площадки направляются самолеты. Обеспечьте прием самолетов, безопасность детей при посадке, охрану посадочных площадок.

Соколов».

С нетерпением ожидали мы самолеты. Вокруг посадочной площадки расположились засады. На самой площадке дежурили наиболее опытные и хорошо вооруженные партизаны. Как только начало темнеть, с разных сторон потянулись сюда вереницы людей. Бойцы вели ребятишек. Каждому матери нашили на рубашку небольшие карманчики, в них вложили записки с указанием фамилии, имени и отчества, года рождения, из какой деревни и района ребенок. Там же фамилия, имя и отчество родителей.

С напряжением прислушивались все к каждому звуку, каждому шороху. Вот в небе послышался рокот мотора. Но нет, это не наш самолет. Гасим костры. «Фриц» пролетел, но обнаружив наших площадки. Через некоторое время вновь слышим гул. Разжигаем костры как можно ярче. Первый самолет начинает кружить над площадкой. Мы даем ему сигнал ракетой, указывая направление посадки. Летчик отвечает условным сигналом.

Один за другим приземляются командир звена Иван Иосифович Суницкий, Иван Васильевич Тутаков, Николай Тимофеевич Кулагин, Сергей Прокофьевич Борисенко. Направляясь во вражеский тыл, они знали, какую почетную задачу выполняют, и поэтому позаботились о том, чтобы порадовать своих маленьких пассажиров. У каждого из них нашелся кулек с конфетами, печеньем. Настроение детворы сразу поднялось. Дети давно не видели таких лакомств, а трехлетние вообще не знали, что такое конфеты.

Долго находиться на площадке опасно, до наступления рассвета нужно перелететь линию фронта. Партизаны быстро выгружают боеприпасы из самолетов, сажают детей.

Прощаемся. Кое-кто всхлипывает, но большинство ребятишек бодрится.

Когда через двое суток самолеты прилетели вторично, случилось непредвиденное: детей на посадочной площадке оказалось немного. Посланные за ними партизаны

рассказали, что оккупанты, узнав об отправке детей в советский тыл, через свою агентуру и родственников полицейских распространили по деревням и лагерям слух, что большинство самолетов с детьми над линией фронта сбито.

Заволновались мы. Что делать? К счастью, летчики подсказали выход. Они привезли письма от своих первых маленьких пассажиров. Тамара Михайлова из деревни Лиственки Опочецкого района писала:

«Нас встретили очень хорошо. Вымыли в бане, смыли с нас всю фашистскую грязь, потом накормили хорошо. Дали печенья, молока, творога, а тем, кто поменьше, — сладких пирожков. Нас водили в кино. Мы спим теперь на койках с чистыми простынями...»

Митя Моисеев из Себежского района советовал матери:

«Мамка! Ты побывай у Марго и хорошенько попроси его, чтобы и тебя отправили к нам. Я теперь, мамка, очень много думаю, куда пойти учиться. Я думаю, что пойду в военную школу...»

Письма ребят немедленно были доставлены родителям, а затем прочитаны в селах и гражданских лагерях. Слезы радости и благодарности были не только на глазах у женщин, но и у мужчин-партизан, много повидавших на своем веку.

Теперь не было отбоя от желающих улететь. Некоторые летчики за короткую июньскую ночь ухитрились сделать по два рейса. Летчик Суницкий за двадцать вылетов спас 122 ребенка, летчик Савин сделал двадцать вылетов и вывез 77 детей. На машине У-2 летчик Курочкин переправил в советский тыл 175 ребят. Всего за линию фронта были переправлены 1571 маленький советский гражданин и 93 матери с грудными детьми.

В те дни мы получили благодарственное письмо от группы родителей. Они писали:

«С большой радостью мы услышали, что вы отправляете ребят в советский тыл. Вы спасли их от немецкого рабства. Только нашими избавителями вас и можем назвать. В советском тылу наши дети вновь получили возможность спокойно учиться. Они счастливы и мы счастливы за них. Мы обещаем вам еще больше помогать партизанам громить фашистские орды... Спасибо вам за отеческую заботу о наших детях. Передайте наше родительское спасибо партии и правительству».

Как-то в середине июня в штаб бригады вошел возбужденный радист Захарьян Темирханов:

— Товарищ комбриг, радиограмма.

Читаю: «По своему усмотрению подберите небольшой разведотряд, назначьте командира, комиссара. Заместителя командира и радиста направляем самолетом. Отряд направьте в Латвию в район Резекне. Исполнение радируйте.

Соколов».

Получив радиограмму, посоветовался с членами бюро райкома партии (ими тогда были Кулеш, Васильев, Денисов, Малиновский и я). Назначил командиром разведотряда начальника штаба бригады кадрового офицера Кирпикова, комиссаром отряда — Николая Михайловича Иванова. Вскоре к нам прилетели из советского тыла Вальтер Хенович Крейцбергс на должность замкомандира отряда и радист Наталья Георгиевна Лемягова. Отряд подобрали в основном из молодежи, смелой, находчивой, лишь трое из двадцати четырех человек были люди пожилые. Это местные жители Станислав Антонович Рудак, Петр Дмитриевич Корницкий, Гавриил Лазаревич Боровков. Хороших хлопцев отправили на запад. Начальником штаба нашей бригады стал Л. Х. Слободской. Находился тогда штаб бригады вместе с отрядом Леонова в летних лагерях урочища Лоховня.

Началось новое наступление Советской Армии. Но, к нашему огорчению, никаких официальных заданий мы не получили. По сути дела, не только в нашей бригаде, но и в других калининских бригадах никакой связи с армейской разведкой не было. Мы с комиссаром решили взять под контроль дороги на Латвию. Всего вышло на минирование от нашей бригады 23 группы подрывников.

Активность на фронте мы заметили не только по усилившимся налетам нашей авиации на гарнизоны гитлеровцев, но и по обозам. Один из них (подвод сто) остановился вблизи Томсина. Разведка установила, что это едут семьи гитлеровских чиновников и полицейских. Направляются в Латвию с награбленным добром. Мы решили их задержать. Два отряда: Леонова и Степанова — заняли оборону в деревнях Ермолова Гора, Бутыньки, Аф. Слобода, Усадище.

Впереди обоза двигались конники, сзади — человек доста пехоты. Когда конники подошли ближе и отряды приготовились вступить в бой, в воздухе появились наши

самолеты. Они сбросили несколько десятков мелких бомб. Шквал огня наших отрядов обрушился на фашистов почти одновременно и обратил их в бегство.

Опомнившись от паники и получив подкрепление, обоз вновь двинулся по направлению на Мозули. Группа конников и часть пехоты обходили нашу оборону с флангов. Враг теперь имел 6 пушек и до десяти минометов. Бой мы приняли. Когда нависла угроза окружения, мы отошли и заняли оборону в деревне Козаново. Гитлеровцы остановились в деревнях Бутыньки и Ермолова Гора. Дальше двигаться не решились. Из леса их обстреляли наши минометы. В последующие дни в деревне Козаново дежурил наш взвод. Он должен был помешать уйти обозу в Латвию.

Остальные наши подразделения действовали в других местах. Группа минеров из отряда имени Никонова поставила мины на шоссе Себеж — Опочка. Минеры групп Дмитриева, Захарова из отряда Степанова, подрывников Егорова из отряда Ильина минировали дороги Опочка — Мозули, Дубровка — Борисенки, Себеж — Дубровка. Всего в период с 10 по 15 июля этими минерами было подорвано 6 автомашин противника, убито и ранено несколько десятков фашистов.

Как-то рано утром прибыл связной из отряда Ильина и доложил о том, что в районе Идрицы слышится интенсивная артиллерийская стрельба. Мы с адъютантом Борисом Анохиным оседлали лошадей и поскакали на звуки канонады. При выезде из леса налетели на санитарный обоз противника. Охрана его бросила повозки и скрылась в кустах. Послав нарочного за отрядом Леонова, я с подоспевшими нашими разведчиками поехал к горе Куксихе. Здесь и произошла радостная встреча с бойцами наступавшей армии. Здесь же я впервые увидел «катюши», которые посылали вслед улетающим гитлеровцам свои огненные стрелы.

Подъехав к находившемуся возле установки генералу, я доложил:

— Командир партизанской бригады Марго. Чем помочь?

— Поезжайте к командиру дивизии, — ответил генерал. — Он находится в трех километрах юго-восточнее от нас. Там получите задание. Впрочем, сейчас я дам вам солдата, он вас проведет.

Подъехал Кулеш, и мы вчетвером направились к командиру дивизии. Нас встретил высокий, средних лет,

очень спокойный на вид человек, угостил хорошим сигаретным табаком. Внимательно выслушав рассказ о положении в районе, генерал попросил назвать места, где лучше на границе с Латвией перехватить отступающего противника. Я с Анохиным вызвался показать их.

Всю северную часть Себежского района части нашей армии прошли быстро. Мы действовали в эти последние часы партизанской войны из засад на дорогах. Отряд Степанова на шоссе Идрица — Борисенки уничтожил подразделение фашистов, захватил пулемет, автоматы, на шоссе Дубровка — Себеж взял в плен офицера немецкой дивизии.

Не ушел в Латвию и обоз, который мы караулили. 16 июля вместе с охраной он был окружен и пленен частями Советской Армии в районе деревни Борисенки. Взяли пленных и захватили трофеи отряды Ильина и Югансона. Партизаны возводили переправы через реку Иссу, помогали нашим воинам перейти болото в районе деревень Рубанка, Мапнево.

Советское Информбюро в оперативной сводке за 17 июля 1944 года сообщало: «Западнее и юго-западнее города Опочка наши войска, продолжая наступление, овладели районным центром Калининской области городом Себеж, а также с боями заняли более 60 других населенных пунктов...»

Одной из дивизий, отличившейся в боях у старой границы с Латвией, командовал В. М. Шатилов. Спустя четверть века генерал-полковник в отставке Шатилов пребывал на Псковщине. Вспоминая летние бои сорок четвертого года, Василий Митрофанович рассказывал:

«Нашей 150-й дивизии под Пустошкой было поручено начать прорыв вражеской обороны, в который затем устремились другие соединения фронта. Войны дивизии овладели Идрицей. Затем, после окружения гитлеровских войск, освободили Себеж. Существенную помощь при этом нам оказали партизаны бригады Марго. Отсюда, с псковской земли, путь дивизии пролегал к столице фашистской Германии».

...Высоко в поднебесье парил жаворонок. Небо было бирюзовое, бездонное. А на земле раскинулась голубая равнина себежских озер. На водной глади продолговатой скалой высился Себеж — древний, неповторимый город. С вершины, на которой мы стояли, хорошо просматривались его крепостные стены, башня собора.

Три долгих года мы мечтали об этом дне — встрече со столицей озерного края. Клялись, что этот день наступит, опуская в землю павших в бою товарищей. И вот он наступил.

Наша 5-я бригада подходила к Себежу походной колонной. На душе было радостно и печально. Радостно от сознания выполненного долга. А печалились бойцы, встречая на пути вместо деревень печи и трубы-дымоходы, поросшие бурьяном поля, огромные воронки да остовы обгоревших машин.

Весь двадцатикилометровый путь мы прошли молча. Слышались только удары подков о булыжник, фыркание лошадей да не очень громкая команда: «Подтянись, ребята! Не отставай!»

Походная скованность исчезла лишь тогда, когда мы поднялись на гору, с которой открывалась милая сердцу панорама Себежа. На лицах появилась улыбка. Люди заговорили.

— Ну, вот мы и дома, Володя. Отвоевались.

На мое плечо легла рука комиссара. Впервые за два года я увидел у Андрея Семеновича повлажневшие глаза. Да чего греха таить, и сам я был необычайно взволнован.

Вечером на окраине Себежа пылали в последний раз партизанские костры. Были они яркими, веселыми. Задумчивую тишину ночи не нарушали ни беспорядочное тарахтение немецких автоматов, ни глухая артиллерийская канонада. Лишь шальный ветер уносил в заозерные дали слова песни: «Партизанские отряды занимали города...»

ИДУТ ПИСЬМА

(Вместо эпилога)

Их было много после первого издания этой книги. И в адрес автора и в адрес издательства. Письма-вопросы. Письма-воспоминания. Письма-просьбы. Письма-уточнения. География их обширна — большие города и районные центры, степные села и лесные деревушки.

— Давайте, дорогой читатель, вместе перелистаем некоторые из них.

Письмо из деревни Жадры Опочецкого района Псковской области. Пишет Наталья Александровна Кириленкова. Просит помянуть добрым словом одного из первых партизан в их крае Цуканова. Сообщает: «Он москвич, у него была мать. Он был молод, и мы его звали просто Мишей. Навидался Миша голода и холода, много пережил, пока организовал небольшой партизанский отряд...»

О Михаиле Цуканове помнит и санитарка 2-й объединенной больницы Ленинграда Елена Матвеевна Голубовская. Она получала от него задания, ходила в разведку. Позже помогала бригадным разведчикам. Елена Матвеевна — свидетельница гибели опочанки Тони Алексеевой. И самой ей довелось пройти испытания в концлагере.

Нельзя без волнения читать письмо дочери подпольщика Уткина Нины Андреевны Степаненко. Волнующая повесть о семье Березкиных. Нина Андреевна сообщает точную дату расстрела Василия Платоновича, Домны Константиновны и их детей. Эта трагедия произошла 3 января 1944 года. Всего на расстрел фашисты вывезли 25 человек. Палачи в военных мундирах заставили детей Березкиных смотреть на казнь. Расстреляли их последними.

Жизнь разбросала бывших народных мстителей по белу свету. Прочитав книгу и вспомнив былые бои и походы, захотелось многим из них восстановить связи, о себе сообщить. Вот и звучат в письмах вопросы: «Где наш командир отряда?», «Жив ли такой-то?..»

Мой старый друг партизан-ветеран Михаил Никифоро-

вич Никифоров подсказал, где найти нашего отважного разведчика Сашу Сергеева. Юноша был местным. Два его старших брата ушли на фронт, а он в один из наших отрядов. Пелагея Прокофьевна благословила и младшего на святое дело: «Иди, сынок, воюй проклятого супостата. Отец твой защищал землю нашу в девятнадцатом. Теперь ваш черед».

Гитлеровцы убили Сергееву — изрешетили автоматными очередями. Саша храбро партизанил. Был ранен. Потом служил в армии, дошел до Берлина.

Александр Гордеевич Сергеев живет в городе Ломоносове, руководит объединением «Силуэт». Он депутат районного Совета.

От Сергеева ниточка протянулась дальше. Из Риги отозвался пулеметчик-снайпер Юрий Лавренев. А из Борисенок, за которые часто гремели бои, подал весть учитель Александр Исаков, в прошлом тоже смелый партизан 5-й Калининской.

Напомнила о себе и Люба Ананьева. Семнадцатилетняя Люба доставляла нам соль. Я уже писал, что соль ценилась у партизан так же, как и боеприпасы. Отца Любы Никиту Васильевича каратели расстреляли. А ее бросили в тюрьму. Любовь Никитична (ныне Колчина) проживает в Риге, поддерживает связь с бывшими партизанами Павлом Федоровичем Боровковым и Семеном Кондратьевичем Игнатьевым.

«А помните ли Вы меня — разведчицу из деревни Бакланицы?» — спрашивает жительница города Опочки Александра Андреевна Лукина.

Отвечаю:

— Помню. Только были вы тогда просто Шурой Павовой. А вот кличку вашу точно не припоминаю. Кажется, «Сосна».

Помню я и 15-летнюю дочь партизана Зину Лукашенко, приславшую письмо-привет с берегов Балтийского моря, из города Клайпеды. Вместе с матерью и маленькими братишками она жила в нашей бригаде после того, как фашисты сожгли их деревню. Зина помогала стряпать нашим поварам, вязала носки и варежки для бойцов. Нет, да и посылали девушку в деревни с разведывательной целью. Зинаида Васильевна (ныне Калтушина), вспоминая форсирование реки Веть во время «Пасхальной экспедиции» гитлеровцев, пишет: «До сих пор помню ту ночь и студеную Веть. И как с криком «ура!» партизаны бросились на прорыв».

В письмах немало места уделено довоенной жизни героев-партизан. Это помогает лучше понять социальные и нравственные истоки подвига. В. Герасимов шлет дополнительные сведения о нашем лихом Максиме Кошкине — о его доблестной работе накануне войны в Ржеве на комсомольском паровозе. Краеведы из Торжка супруги Афанасьевы раскрывают страницы довоенной биографии Сергея Сергеевича Сергеева. В 1919 году — доброволец в Красном Флоте, в двадцатые годы — уполномоченный вол-исполкома, сельский активист в дни коллективизации.

Пишут и те, кто не участвовал в партизанском движении. «Я познакомилась, — пишет Татьяна Алексеевна Смирнова из Владимирской области, — с бывшей партизанкой Вашей бригады Степулевой Анастасией Прохоровной. Может быть, Вы лично не знакомы с ней, но Вам, наверное, приятно будет узнать о Вашем товарище по борьбе. Проживает она в городе Горьком...»

О судьбе семьи партизана И. К. Ковалева, об успехах его сына Олега на военном поприще рассказывает генерал-майор запаса Павлов из Киева.

О семье замечательного партизанского вожака Василия Федоровича Задерина (погиб он при авиационной катастрофе в разгар боев в партизанском крае) проникновенно пишет агроном одного из совхозов Волгоградской области Михаил Сидорович Иванов.

Как это хорошо! По-нашенски!

«Вы знали моего дедушку Пимана Прокофьевича Прокофьева. Он был старостой в войну и помогал партизанам. Отец мне рассказывал про него, про Рыбакова и других партизан, укрывавшихся в доме дедушки... Мы живем хорошо. Желаем и вам всего хорошего».

Эти строчки из письма внука Пимана Прокофьевича. Он и про отца своего Михаила Пимановича — бригадира Межколхозстроя в Новоскольниках написал. Только вот подписаться забыл — мой маленький корреспондент.

А как приятно прочесть под поздравлением с Днем Победы такую подпись: «Бывший связной штаба партизанского движения Паша Прокофьев (было в ту пору ему 16 лет. — В. М.), а теперь учитель истории». Ну что ж — такому историку, как говорится, и карты в руки.

Идут письма — течет река народной памяти. Священны ее истоки, чисты и неиссякаемы ее родники.

С. А. Арсентьев

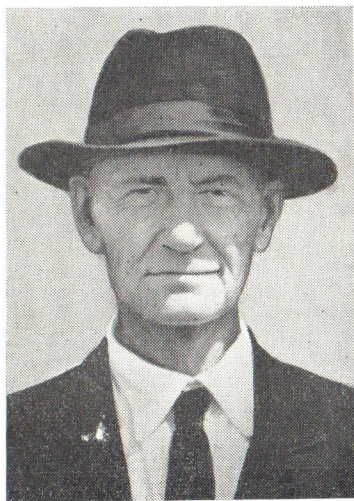
Г. Н. Федоров

А. Г. Григорьев

Рэм Кардаш

Р. М. Кузнецов

А. С. Кулеш

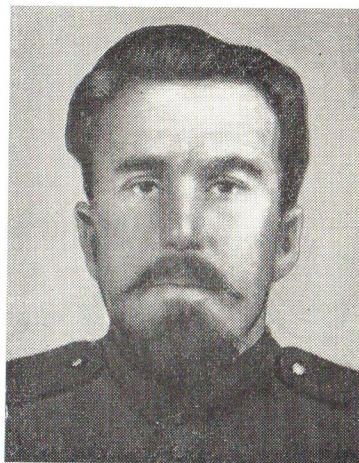
В. Н. Никонов

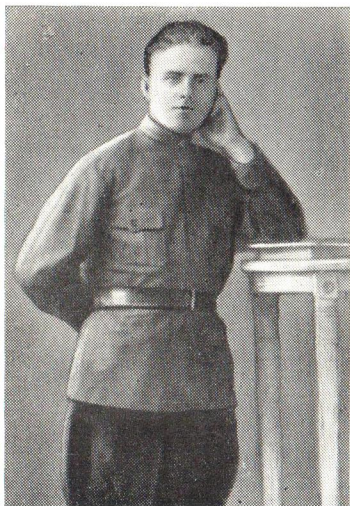
М. И. Крюков

Мария Королихина

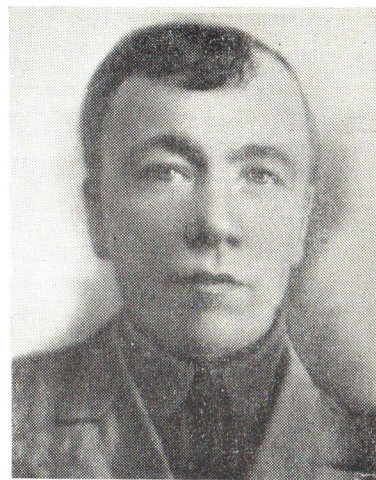
К. Ю. Салусте

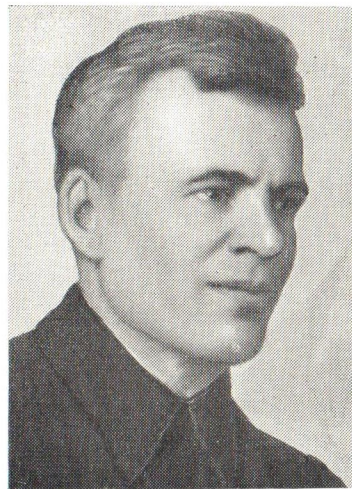
Н. М. Мицкевич

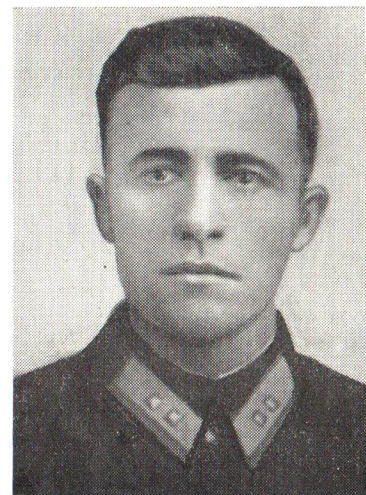
В. И. Марго

Н. Н. Никифоров

Ф. А. Кривоносов

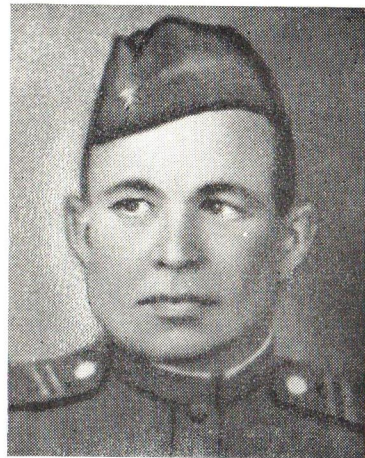
В. Я. Виноградов

Группа спасенных летчиками детей

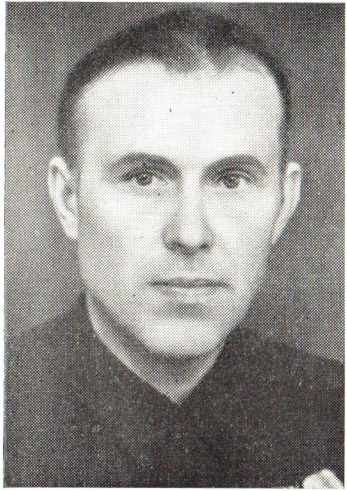
А. И. Калюцинь

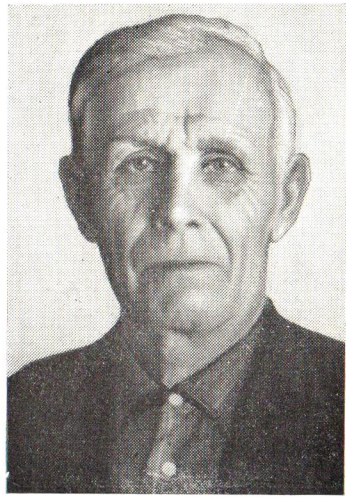
М. И. Кошкин

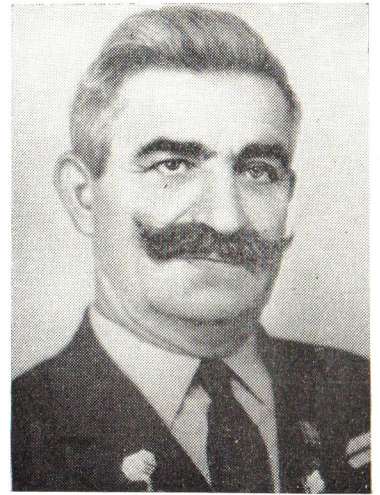
Перед боем, 1943 год. Сидят (слева направо): В. П. Герасимов, М. Н. Никифоров, М. И. Крюков. Стоят: И. С. Леонов, Н. С. Степанов, И. Е. Солнцев, Н. М. Иванов.

Н. С. Степанов

П. Н. Петрович

Д. И. Трофимов

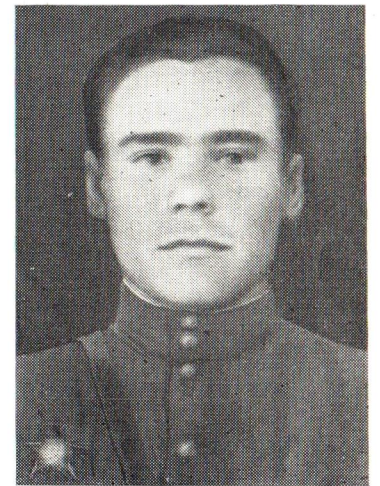
З. Д. Шутов

П. П. Конопаткин

Н. Ф. Чертин

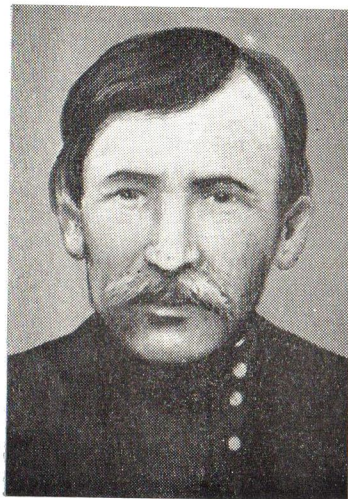
А. Г. Сергеев

Раиса Гаврилова

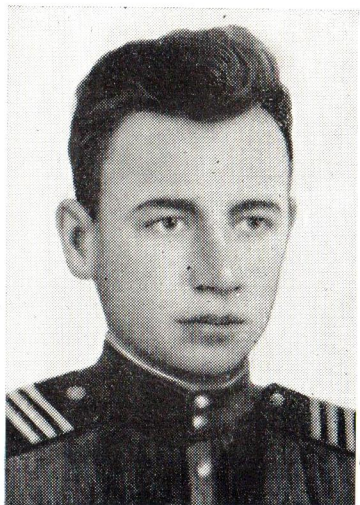
В. А. Сергеева

И. Ф. Голубев

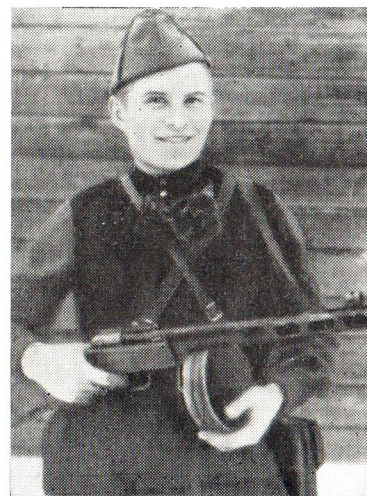
М. Л. Голубева

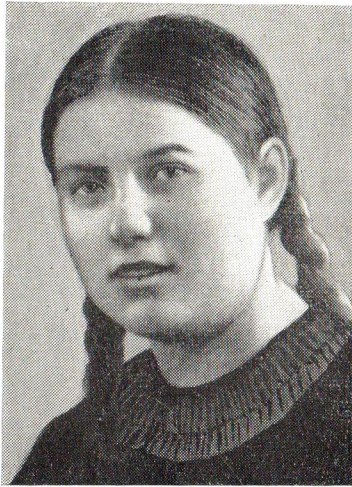
С. М. Смирнов

П. И. Защеринский

И. П. Елисеев

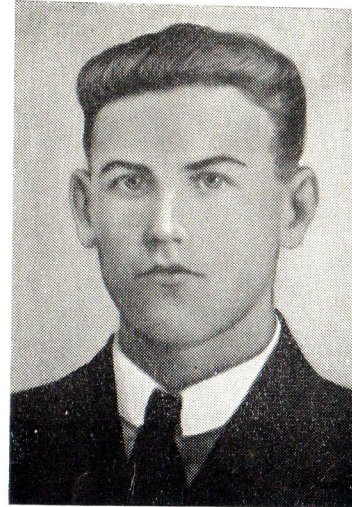
Маргарита Ляшкевич

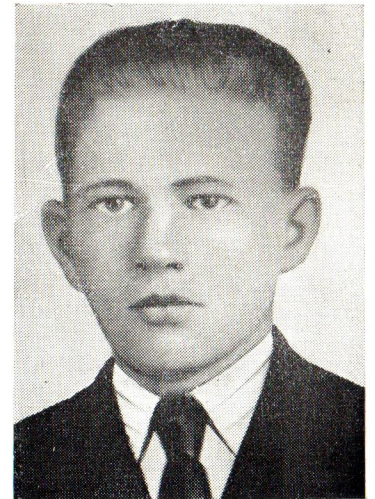
Штаб бригады

Удостоверение А. С. Фофанова

Е. С. Целицо

А. К. Бредис

Учителя Прихабской школы. В первом ряду в центре А. У. Михайловский. Во втором ряду второй слева — В. И. Марго

Уполномоченный штаба партизанского движения А. И. Штрахов, комбриг В. И. Марго, комбриг Ф. Т. Бойдин

ОГЛАВЛЕНИЕ

В СЕБЕЖ ПРИШЛА ВОЙНА	7
ТАК МЫ НАЧИНАЛИ	19
СОСНЫ ШУМЯТ СУРОВО	48
РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ	77
НАШИ НЕВИДИМКИ	119
ХОЗЯЕВА ОЗЕРНОГО КРАЯ	153
В ПОБЕДНОМ СОРОК ЧЕТВЕРТОМ	171
ИДУТ ПИСЬМА (Вместо эпилога)	189

Владимир Иванович Марго

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

Редактор Г. И. Николаева. Художник А. К. Тимошевский. Художественный редактор О. И. Маслаков. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Э. Г. Поварская

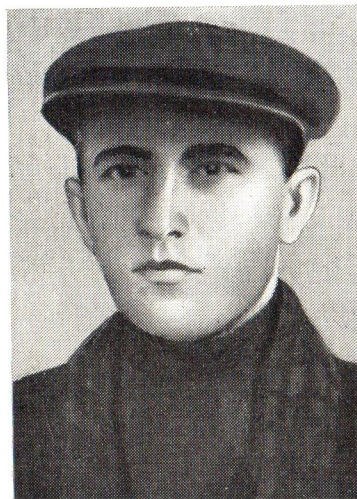
ИБ № 1221

Сдано в набор 17.01.79. Подписано к печати 14.06.79. М-10142. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарн. обычн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08+вкл. Уч.-изд. л. 10,82+0,57=11,39. Тираж 50 000 экз. Заказ № 14. Цена 45 коп.

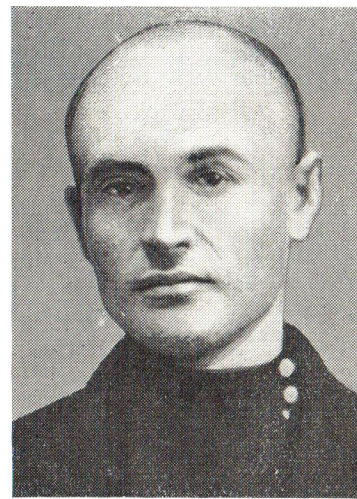
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского, Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Население возвращается в освобожденные партизанами деревни

Д. С. Горский

В. П. Березкин